

ВОКРУГ СВЕТА

5 1968
МАЙ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА

«КЕЛЬНСКИЙ ПРОЦЕСС» — СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ОСНОВОПОЛОЖНИКА НАУЧНОГО КОММУНИЗМА.

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

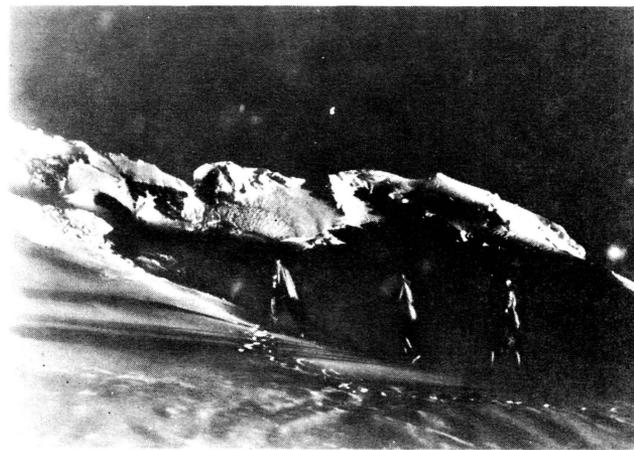
О ПЕРВОМ ПРИЗЕМЛЕНИИ НА «КРЫШУ МИРА» РАСКАЗЫВАЕТ В СВОЕМ ОЧЕРКЕ «ПРЫЖОК НА ПАМИР» РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ ПАРАШЮТИСТОВ-АЛЬПИНИСТОВ.

«СХВАТКА НА СКЛОНЕ КАЛЬДЕРЫ»

СТРАЖАМ НАШИХ ГРАНИЦ, ОТМЕЧАЮЩИМ СВОЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ, ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ РАССКАЗ. В ОСНОВЕ ЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ НА КУРИЛАХ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД.

IX ФЕСТИВАЛЬ: СОЛИДАРНОСТЬ, МИР, ДРУЖБА

«ЭВАКУАЦИЯ ИЗ КАМЕННОГО ВЕКА» — РАССКАЗ О БЛАГОРОДНОЙ РАБОТЕ ПО СПАСЕНИЮ ОТ ВЫМИРАНИЯ ЦЕЛОЙ НАРОДНОСТИ, КОТОРУЮ ПРОВОДЯТ УЧЕНЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ.

1968

ВОКРУГ **СВЕТА**

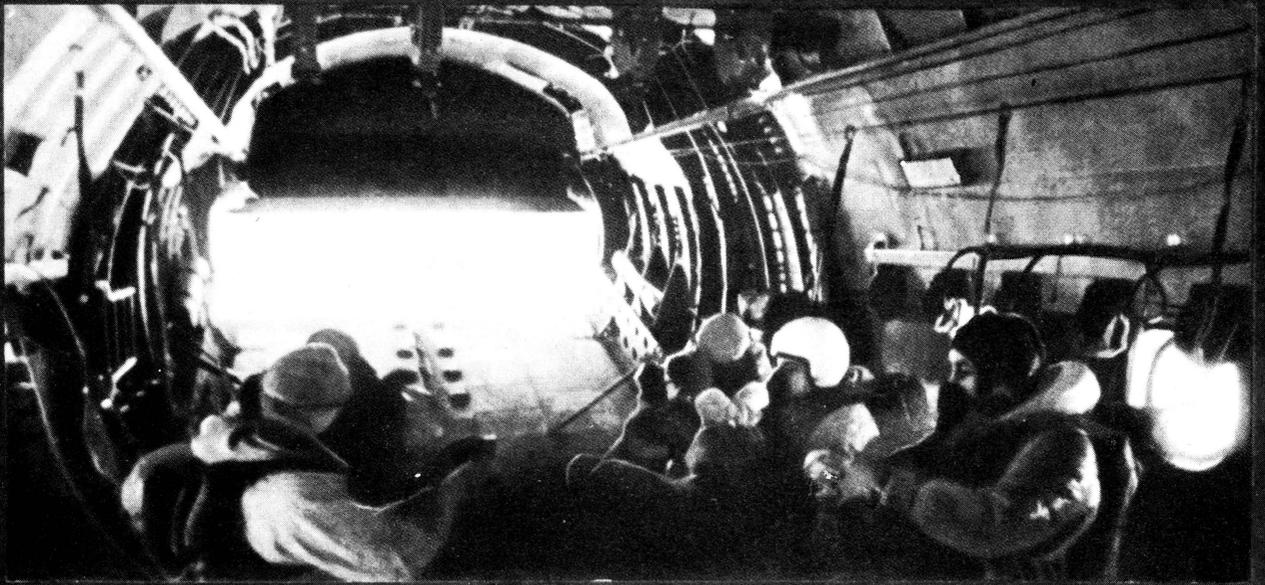
№ 5

МАЙ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИИ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКИ

Прыжок на ПАМИР

ПАМИР ПОКОРЕН С НЕБА.
МОЛОДЫЕ СОВЕТСКИЕ
СПОРТСМЕНЫ-
ПАРАШЮТИСТЫ
СОВЕРШИЛИ ПРЫЖОК
НА ВЕЧНЫЕ СНЕГА
СКАЛИСТЫХ ПИКОВ

А. ПЕТРИЧЕНКО

Фото В. ГАЛКИНА
и А. ПЕТРИЧЕНКО

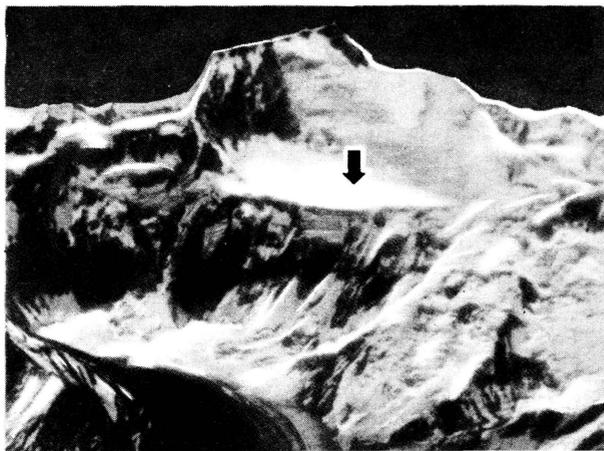
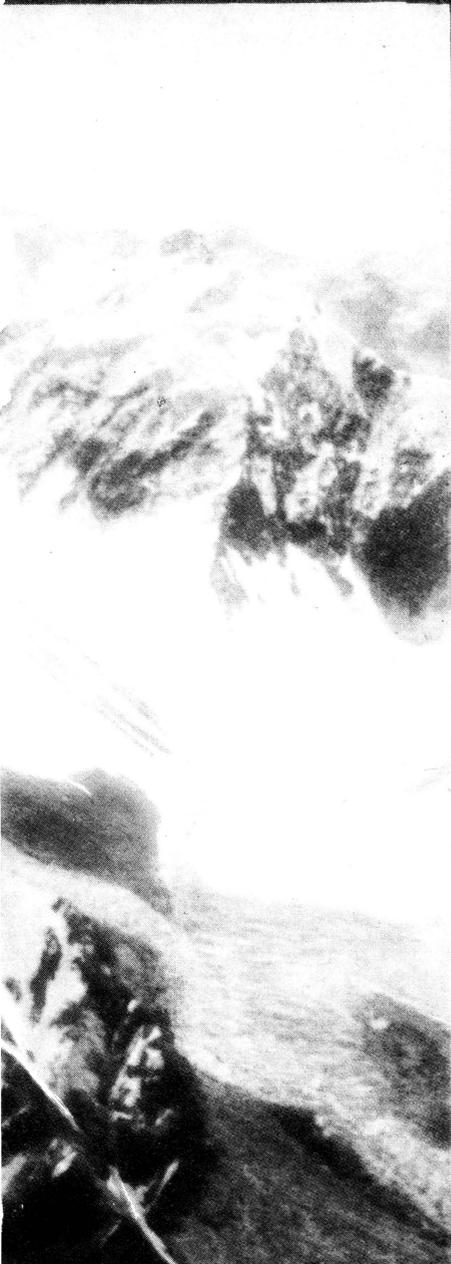
В альпинистами я познакомился не так уж случайно. К нам, парашютистам, их гонит обыкновенная нужда: стропы старых парашютов, по-видавших свою долю неба, — лучших веревок для упаковки не придумаешь!

Но в этот раз оба Валентина — Божуков и Сулов — просили еще и целый парашют — со стропами и куполом. Им предстояло подниматься на два пика — Ленина и Коммунизма; базовые лагеря располагались, как обычно, на высоте около четырех тысяч метров, и донести туда снаряжение и продукты было трудно. Наш изрядно «поношенный» парашют мог выполнить эту задачу куда проще и с малым риском — разве что его вместе с консервами отнесет куда-нибудь в сторону, тогда альпинистам придется совершить небольшую прогулку в какую-нибудь расщелину.

Но пока мы обговаривали очередной акт филантропии, мне в голову пришла мысль — в общем-то довольно шальная. А что, если прыгнуть в базовый альпинистский лагерь парашютистам?

Почему она выглядела более забавной, чем дельной, вы сейчас поймете. Парашютист, прыгнувший в горы, после приземления должен был мгновенно стать альпинистом. А если учесть, что с горами у нас было «песенно-киношное» знакомство, а «крышу мира» мы и в глаза никогда не видели, то все будет и совсем ясно.

Однако идею приняли с восторгом. Еще бы! Попасть на Памир с парашютом! Одним дыханием: без всяких стоянок и ночлегов, без усталости, о которой альпинисты избегали говорить, — просто

сверху... К тому же наш прыжок, если он хорошо закончится, сможет в дальнейшем пригодиться тем, кто работает в горах. Так, перед нашим прыжком на Памире одна группа альпинистов попала под снежную лавину. Помощь не могла прийти к ним вовремя — слишком большая была высота. Когда спасатели добрались, наконец, до места катастрофы, было уже поздно... Парашютистам-альпинистам, чтобы оказать помощь, потребовался бы какой-то час!

* * *

Похожий на лезвие ножа пик Коммунизма возвышается над всем Памиром. Его северо-западный склон с уникальным фирновым плато, со снегом, слежавшимся до твердости камня, определенно привлекает наше внимание... Правда, от плато нельзя требовать благоустроенности Тушинского аэродрома: со всех сторон его или обрывали пропасти двухкилометровой глубины, или надстраивали отвесные стены гор. И одно дело знать, что, не попав точно на «пяточек», упадешь где-то на вполне сносное место, а другое — бросаться вниз с мыслью, что промахнуться тебе просто нельзя.

Опасность готовил даже воздух Памира. Плотность его почти в полтора раза меньше, чем на уровне моря, и скорость приземления на управляемом парашюте повышалась наполовину: шесть метров в секунду превращались в девять. Ноги парашютиста, конечно, не выдержат столкновения с фирновым снегом...

А если основной парашют откажет? Тогда скорость запасного подпрыгнет в горах до десяти-двенадцати метров — это все равно, что прыгать вообще без запасного парашюта...

Однако прыжок уже интересовал и конструкторов парашютов. Управляемый парашют ПА-1 (парашют альпиниста — первый вариант) и ЗПА-1 (запасной парашют альпиниста) были сделаны срочно. Но и тот и другой надо было испытать в воздухе.

...Я выдернул кольцо и мгновенно понял: чего-то не произошло, и именно того, что должно было произойти. Зеленое поле Тушина, кренясь и разворачиваясь рывками, летело вверх — на меня. Купол не наполнялся, а вместо привычной округлой формы, упругой даже на вид, я видел два перетянутых пузыря. Перехлест. Отказ!..

Меня вращало так, будто я был волчком, запущенным умелой рукой. Вводить запасной нельзя, он может перепутаться с основным. Я выхватил нож — две перерезанные стропы взвились вверх.

Нет! Купол не наполнялся. То вверх, то в стороне от меня раскачивались все те же два пузыря...

— Отсоединяйся!!!

Крик Севостьянова, прыгнувшего сразу за мной, уже не мог быть мне подсказкой — все и без того ясно. Ничего не остается, как отсоединить купол основного, и тогда запасной, наконец, подхватит меня.

...Я приземлился на край аэродрома. Там, где ровная площадка сразу превращалась в комбинацию ям разной величины и бревен, — полная имитация высокогорного плато. Но нет худа без добра: был выявлен недостаток парашюта, узнавать о котором в горах было бы поздно.

Еще несколько прыжков — все нормально. Приземляемся точно в круг диаметром 25 метров. Такуя бы точность в горах!

Лагерь Ала-арча. Ущелье. И высота 2100 метров.

Здесь было положено начало превращению нас в альпинистов. Процессом этим, не отчаиваясь, почти с героическим рвением руководили два инструктора — оба мастера спорта. Мы не сопротивлялись, не роптали, хотя даже зарядка на такой высоте поначалу приносит не бодрость, а усталость. После нее, если руководствоваться собственным желанием, а не необходимостью, можно только лежать. Но мы довольно резво бежали к речке Ак-су и влезали в ее ледяную воду. Назвались груздем...

Дальнейший распорядок дня был набит пунктами, вызывающими сначала недоумение, потом оторопь, а затем по порядку: страх, удивление и, наконец, радость — ай да мы! Ай да молодцы! Мы даже обнаружили, что между нашим спортом и альпинизмом много общего: здесь, как и у нас, не было мелочей, все было важно — от шнурка на ботинке до купола парашюта. Чего стоит один перечень бедствий в горах: первое — лавины, второе — грозы, третье — камнепады, четвертое — **НЕСЛАЖЕННОСТЬ ГРУППЫ!** Это был единственный нестихийный пункт в ряду стихийных бедствий. Но его, возможно, стоит поставить первым.

Порой мы забывали, что были когда-то парашютистами.

Ледовые занятия... Скальные занятия... Снежные занятия...

Первый раз поднялись на высоту 4000 метров, чтобы отработать подъем и спуск. Особенно великолепен был последний метод спуска — «бобслей». И хорошо, что на нас были штормовые штаны из очень прочной ткани, только они могли выдержать этот «бобслей»...

Только на «десерт», перед самым концом учебы, мы поднялись на несколько вершин. Должно быть, для того, чтобы лучше понять, зачем альпинисты рвутся в горы и тратят столько сил и времени с единственной целью: посмотреть на мир с совершенно дикой скалы. И еще для того, чтобы на десятый день инструкторы могли нам торжественно объявить:

— Вы готовы к штурму Памира... Сверху.

Мы вылетели из Ферганы рано утром и, набрав высоту 9000 метров, пошли в сторону Памира. Алайский хребет, Алайская долина, пик Ленина. Южнее, насколько хватал глаз, — снега и горы.

Сделав несколько кругов над пиком Ленина, взяли курс на юго-запад, там виднелась вершина пика Коммунизма. И сразу увидели площадку.

Она протянулась узкой лентой с запада на восток. Сделали круг, другой. Даже с высоты на ней видны были громадные трещины, попадать в которые альпинисты нам не советовали.

Для выбрасывания самым удобным был бы заход вдоль площадки — длина ее почти 12 километров, но в начале плато возвышался пик Коммунизма. Решили заходить поперек: с юга на север, оставляя пик Коммунизма справа, а слева — пик Кирова. Самолет пролетал как бы в ущелье: ширина плато менялась от 300 метров почти до километра.

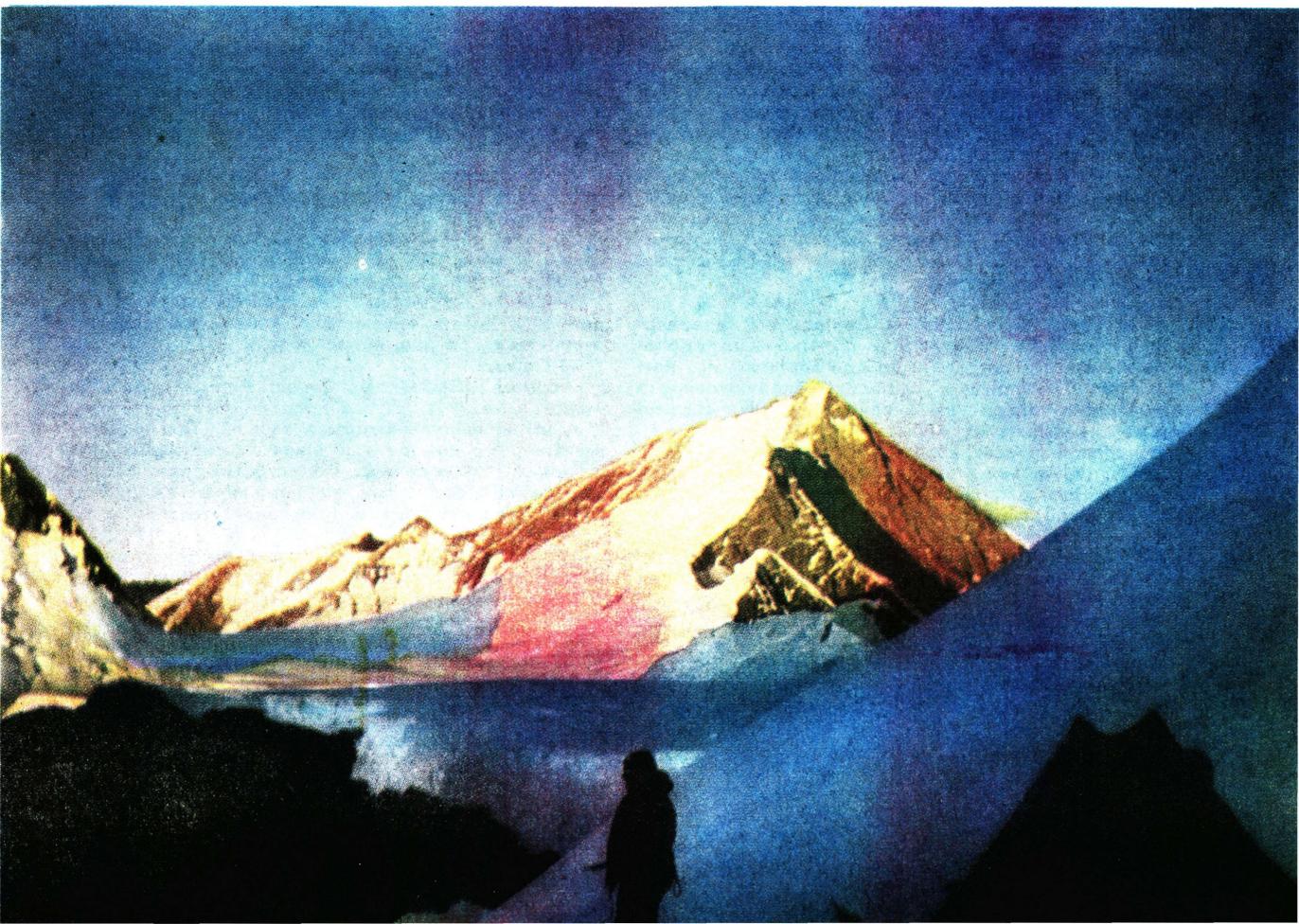
Это было «наше» плато. Мы сделали несколько заходов с открытым люком и все, стоя у его обреза, смотрели вниз...

...Все будет 12 августа.

А пока мы занимаемся подготовкой снаряжения, обуви, укладкой парашютов и индивидуальных контейнеров. Одновременно готовятся грузы для выброски на площадку: продукты питания, палатки, бочка с бензином, баллоны с кислородом — всего около 1000 килограммов. Кроме всего этого, часть грузов парашютисты должны будут взять с собой, ведь не исключена возможность, что кто-то приземлится не на площадке, а где-нибудь в пропасти или на вершине. Неудачнику придется сидеть там несколько дней и действовать самостоятельно, без помощи альпинистов, ждущих нас на плато.

Мы осматривали и ощупывали каждый предмет так, будто через минуту не положим его в контейнер, а тотчас воспользуемся им для спасения жизни: спальник, мешок, ледоруб, палатка, 40 метров капроновой веревки, ледовые кошки, крючья ледовые и скальные сигнальные ракеты и запас питания на два дня — все!

Полет должен был проходить на высоте 8000 метров, а сам прыжок выполняться с 7200 метров. Поэтому почти с самого взлета парашютисты должны были пользоваться кислородом. Во время прыжка этот вопрос решался просто — в самолете парашютисты питались непосредственно от бортовой кислородной сети, а покидая самолет, автоматически переходили на питание от индивидуального кислородного прибора — его вполне хватало до приземления.

Но кислород мог понадобиться парашютисту и на «земле» — наша «земля» находилась на высоте 6100 метров над уровнем моря.

Альпинисты, чтобы нормально жить на такой высоте, проходят специальную акклиматизацию: постепенно повышается высота, и организм привыкает к кислородному голоданию.

Нам же пришлось брать с собой и размещать в контейнере кислородный баллон и маску. И все же запаса хватало лишь на 30 минут дыхания. Поэтому на грузовых парашютах решено было выбросить четыре больших кислородных баллона по 6000 литров каждый, у нас же имелось специальное приспособление для подзарядки от них индивидуальных кислородных баллонов. Так решился вопрос с «дыханием».

11 августа. Подготовка закончена! Ждем и не находим себе места. Завтра прыжок!

12 августа. В 8.00 мы уже на аэродроме, готовые к прыжку. Самолет загрузили так быстро, как, наверное, не делали этого никогда.

Стоит тридцатиградусная жара. В фюзеляже дышать нечем. А мы надели пуховое альпинистское снаряжение. Все мокрые, как мыши. Надели парашюты... Взлет!

Быстро набираем высоту 8000 метров. Через полчаса уже видим площадку. И... никаких знаков на ней!

Что бы это могло значить? Где же альпинисты?.. Они передают нам с земли: «Полезный размер площадки для приземления 600 на 600. Дальше трещины. Глубина до нескольких десятков метров».

А самолет уже пересек площадку. В четыре секунды!

Я опять прошу связаться с альпинистами. Оказывается, подъем на плато был очень сложным. Они не успели как следует проверить трассу спуска и принять нас не могут. Обидно!

Все шестеро мы стоим у обреза открытого люка, еще готовые к прыжку. Вдвойне обидно от того, что погода стоит отличнейшая! На небе ни облачка, и на площадке — полный штиль, а это бывает здесь довольно редко. Жалко терять и этот полет и этот безоблачный день. Решаем хотя бы выбросить груз. Еще заход.

Все приземляется на площадку, только один контейнер попал на склон пика и покатился вниз. Но и он оказался в конце концов на площадке. Правда, мешок с печеньем разорвался, и потом ребятам пришлось выковыривать печенье из снега... Делаем прощальный круг.

Прыжка не будет.

13 августа. Полет обсудили. Считаю его генеральной репетицией. Так считать приятно — не пропадать же ему. К тому же и правда кое-что мы в нем приобрели: например, решили в следующий раз одеваться в теплое уже в воздухе, нельзя столько времени изнывать от жары!

Вечером нас всех ведут в кино: смотреть «Вертикаль». По мнению альпинистов, фильм должен поднять наш моральный дух. Не поднял. Песни, правда, ничего. «Ведь это наши горы — они помогут нам». Помогут ли?

14 августа. Поднялись рано, плотно позавтракали — ведь неизвестно, где и когда нам придется обедать.

В 9 утра командир корабля выстраивает экипаж. Мы стоим и слушаем доклады.

— Энергосистема самолета проверена!

— Радиосвязь проверена!

И наконец, штурман: «Задача ясна. Произвести

выброску шести парашютистов на плато, на которое раньше был выброшен груз. Выброску произвести после подтверждения альпинистов о готовности площадки».

Теперь мы. Докладываю как старший группы: «Парашютисты к выполнению прыжка готовы». Что еще сказать? И говорю на всякий случай, так и говорят обычно, все говорят: «Самочувствие отличное!»

Да, буквально перед самым вылетом заботливый Виктор Галкин, наш инструктор, привез с рынка целую парашютную сумку дынь, яблок и персиков — надо бросить в горы, ребята там уже целую неделю на сухом пайке. Забываем и без того полные контейнеры фруктами, они с трудом закрываются. Но остается еще больше половины — ведь каждая ферганская дыня это 10 килограммов. Жалко оставлять! Кто-то предложил груз одного из пристрелочных парашютов заменить сумкой с фруктами. Так и делаем.

Захлопнулась герметичная дверь кабины, и мы остались одни. Довольно необычное для авиации зрелище: громадный фюзеляж АН-12 и в нем шесть парашютистов в одних плавках...

На высоте 5000 метров стали одеваться. В общем-то все привычно, только на ногах вместо парашютных ботинок или унтов — альпинистские ботинки с трикоными. Еще на земле механик по-смотривал на них недоброжелательно — можно испортить весь пол в самолете. Но что поделаешь!

Через полчаса, как и в первый раз, мы над Памиром. Он залит солнцем! Потрясающее зрелище! Пик Ленина... Пик Коммунизма... Площадка! И на ней знакомый каждому парашютисту круг с ярким красным крестом посередине. Делаем первый заход и над центром площадки бросаем первый пристрелочный парашют.

— Пристрелочный упал в пропасть южнее площадки! — передают с земли.

Новый заход. Бросаем с поправкой.

— Упал в трехстах метрах от центра круга...

Третий пристрелочный — с фруктами.

Молодчина штурман! Такой точности может позавидовать даже парашютист. Дыни упали прямо в круг!

— Приготовиться! — над открытыми створками люка зажигается желтый плафон — минута до прыжка...

Сколько раз каждый из нас прыгал с парашютом... У кого 1300, а у кого и по 2000 прыжков. Но этот... этот будет первым.

Площадки не видно, она далеко впереди — до нее еще девять километров. Из-под обреза люка выплывают все новые пропасти...

— Пошел!!!

Бессонов... Прокопов... Севостьянов... Чижик... То-марович... я...

Удар! И наступает полная тишина. Только где-то затихает гул самолета и шипит кислород в моей маске. А по сторонам... По сторонам пять раскрытых парашютов. И пик. На нем виден каждый камешек — воздух чист и прохладен, такого не бывает нигде!

Минута полета... Это глупо, но мне хочется крикнуть: «Ну, как там у вас, ребята?! Взглянула наша!» Жаль, что на лице кислородная маска.

Но пора думать о земле, она приближается. Сбрасываю запасной парашют — он больше не нужен. Отсоединяю контейнер...

Земля!!!

Мы совершили прыжок на Памир!

ЖАК ТРЕМОЛЕН,
французский журналист

BELGIQUE Страна городов BELGIE

Деятель задремал на заднем сиденье сразу же, как машина вышла из Брюсселя. Это был «деятель международного масштаба», из тех, чьи фотографии — черный котелок и твидовое пальто — появляются в колонках газетной хроники с неброской подписью: «Эксперт Х... прибыл по приглашению прави-

тельства для консультаций по поводу планов модернизации...»

О нем тотчас же забывают — все, кроме руководителей той страны, куда он приехал. Человек, который дремал рядом со мной в машине, был одним из экономических экспертов, новый тип организатора, который летает из страны в страну, сравнивая, консультируя, убеждая. Внезапно, где-то на полпути

между Брюсселем и Антверпеном, он очнулся и повернулся ко мне:

— Скажите, вы собираетесь писать о Бельгии интересно или правдиво?

Я ответил, что хотел бы писать правдиво об интересных вещах, но он следовал своей мысли:

— Тогда берегитесь псевдопроблем. Постарайтесь уловить суть.

Если деятель заговорил загадками, нужно ждать, что он сам разовьет свою мысль. Деятели любят это.

— Вы столкнетесь с двумя псевдопроблемами: с вопросом о короле и с вопросом о двух государственных языках. Но постарайтесь уловить суть. Бельгия переживает сейчас глубокие экономические сдвиги. Псевдопроблемы рождены подспудным движением, невидимым заезжему иностранцу. Постарайтесь уловить суть...

Мы подъезжали к Антверпену. Странно было смотреть на плоскую равнину, свободную от строений. Но очень скоро Антверпен выбежал навстречу выщербленными стенами своих окраин. Вы обращали внимание, что города всегда выталкивают свое уродство и убожество на окраины, словно стоячие озера, обрастающие тиной? Однако тут же, как интродукция, пошли островерхие домики старой застройки.

И вдруг началось волшебство. Я позабыл о своем эксперторакле. Такую красоту надо было просто впитывать, прежде чем начинать анализировать. «К тому же, — говорил я себе, чтобы оправдаться перед проблемами, — люди, сумевшие создать подобную гармонию, заслуживают всей благожелательности: они не могут быть посредственностями...»

Я стою перед Стееном — кре-

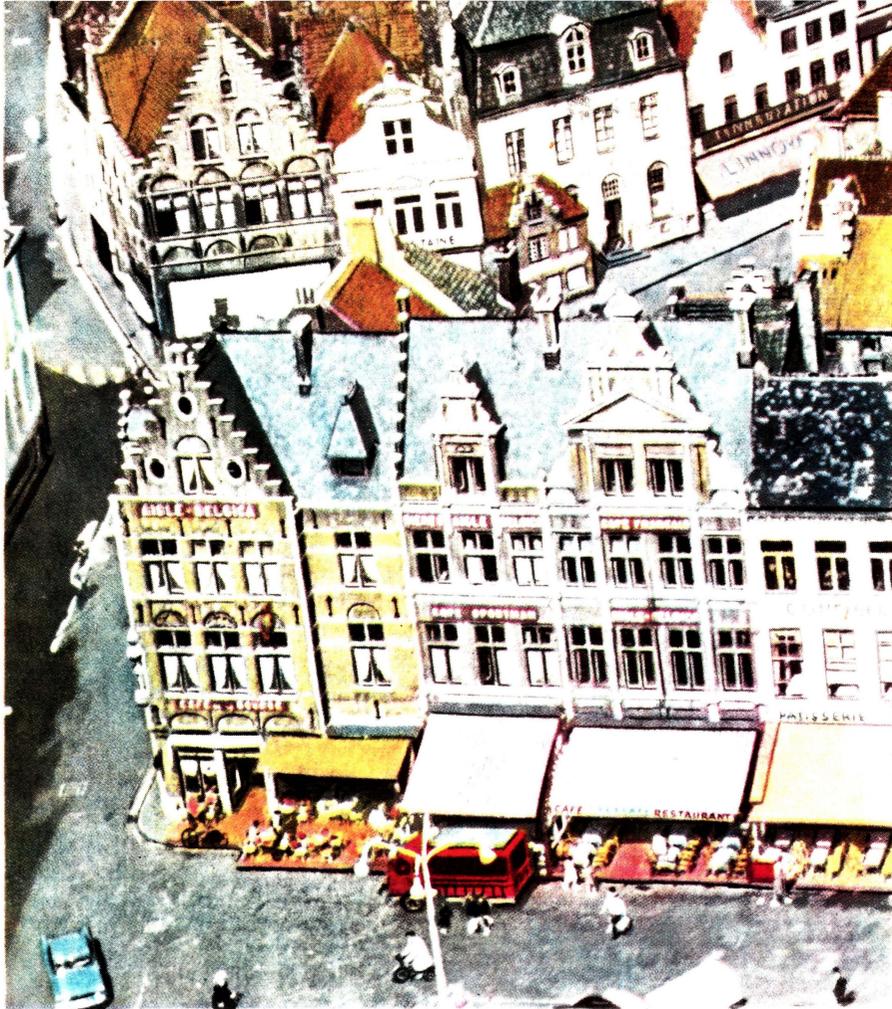
Первыми жителями Брюсселя были ремесленники: медники, каменщики, столяры. Теперь фигуры основателей города смотрят в парке Эгмонта на созданный ими город.

постью, запиравшей когда-то город. От нее остался лишь фасад. Но сколько благородства и мощи в этом великане! В десять вечера прожекторы округляют башни, населяют тайной провалы бойниц.

Чи там шаги наверху? Может, это спешит озабоченный судовладелец-арматор? Или обходит стражу губернатор-испанец? Или, может, негодяи-фламандцы в нетерпении ждут тяжелый галеон с грузом драгоценной кошенили для окраски полотна? Или бургундский герцог ждет не дожидается трехмачтовика с разрисованными и вышитыми парусами, который привезет на заре надменную кастильскую принцессу? Тогда на выложенную тяжелым камнем пристань ее выйдут встречать сеньоры, а из-за спин их будут выглядывать суетливые торговцы всякой снечью.

Порт не создан для любованья: там царит беспорядок работы. Но этот порт особенный. Веками Антверпен вправлял устье Шельды в каменные берега своих пристаней, растягивая их на километры. Вот этот корабль привез лес из Норвегии. Тот — апельсины из Италии. Матросы, на одном рыжие, смуглые — на другом, смотрят друг на друга; корабли — куски родины, оторвавшиеся от берегов, а полоска воды между ними — граница, фан-

Брюгге стар. Так же, как рецепт его знаменитого пива. Так же, как его знаменитая готика.

тастическая граница между странами, никогда не бывшими в соседстве.

В стороне пылает факел нефтяной гавани, и ветер гонит жертвенный дым богине Нефти в сторону моря.

— Любуетесь? — спросил меня человек, облокотившийся рядом о паралет. — А ведь нефть — наше разорение... Да-да. — Он ткнул пальцем на восток. — Там из-за нее закрывают шахты. А без шахт не будет Валлонии — менапьянцы только того и ждут!

«Менапьянцы»: я уже слышал это прозвище, которым ревностные валлоны окрестили фламандцев. Менапьянцы — варварское племя, некогда обитавшее на территории Фландрии. Я живо представил себе, как француз из Прованса обзывает, скажем, эльзасца остготом!

И тут я вспомнил своего деятеля: в одной фразе антверпенского незнакомца содержался целый сгусток нынешних бельгийских проблем — как глубин-

ный угольный кризис в стране на поверхности оборачивается языковым конфликтом.

Я обернулся к городу. «Сейчас увижу, — говорил я себе, памятуя прочитанное в книгах, — набожных антверпенцев и добродетельных антверпенков». Но странно, в этом старинном квартале у порта антверпенцы почти поголовно выглядели холостяками. Они раздумчиво прогуливались поодиночке, заглядывая в окна первых этажей. Я двинулся за ними. В каждом окне была видна по пояс женщина на фоне большого натертого воском деревянного ларя и расписных тарелок. «Странный город, — подумал я. — Мужчины разглядывают здесь дам, как в портретной галерее». Я произнес всю эту долгую фразу, прежде чем понял, какая связь существует между женщинами в окнах и прогуливающимися мужчинами. Но, боже, как их неподвижные лица напоминали благопристойных брейгелевских хозяек, а вовсе не жриц любви! Город умудрился

совместить требования добропорядочности, традиционное ремесло портового квартала и полицейские предписания.

Серый дом на тихой городской улице, дверь без претензий. А за дверью — XVII век. Лестница резного дуба ведет наверх. Питер Пауль Рубенс поднимался по ней впереди почтительных учеников, подражавших ему во всем, даже в одежде. По этим залам ходила поутру его жена красавица Изабелла, проверяя, хорошо ли прислуга натерла мебель.

— Вы правильно сделали, что начали смотреть Бельгию с Антверпена, — сказал мне старый служитель музея. — А Антверпен — с этого дома. Без нашего города не было бы Бельгии, а Рубенс впитал в себя его. В его картинах — все мы, со всем плохим и хорошим... Антверпен и Рубенс преуспели, поэтому вам, наверное, больше по вкусу страдания Ван-Гога или меланхолия Брюгге? Но вы забываете, сколько понадобилось любви, чтобы

построить такой город и написать такие полотна.

— Расскажите об антверпенах.

— Рассказать нельзя, лучше спрашивайте. Профсоюзные лидеры ответят вам, что антверпенский пролетариат — самый стойкий в Бельгии, а это, уверяю вас, кое-что значит. Деловые люди ответят, что антверпенские бизнесмены — самые напористые в Европе.

Опять неприметная улица, банальный кабинет и скромный сорокалетний человек с любезной улыбкой. Он протягивает мне ладонь, на которой перекатываются колкими капельками сто миллионов. Он представляет мне их уважительно.

— Этот кругленький называется «Двойной бриллиант», этот удлинённый — «Таблица», эти три — «Кабошон».

— А крупные?

— Вот «Маркиза», там — «Звезда» и «Груша».

Каскад переливается из руки в руку. Сто миллионов!

— Такова их стоимость на сегодняшний день. Но если заочет «Де Бирс», которая с филиалами контролирует девяносто процентов алмазного рынка, эти камни падут в цене, как вульгарные нефтяные акции.

— Откуда приходят камни?

— Сырье поступает из Южной Африки. Сам я там не был, но, судя по тому, что рассказывают об алмазных зонах, на совести у моих камней немало жизней.

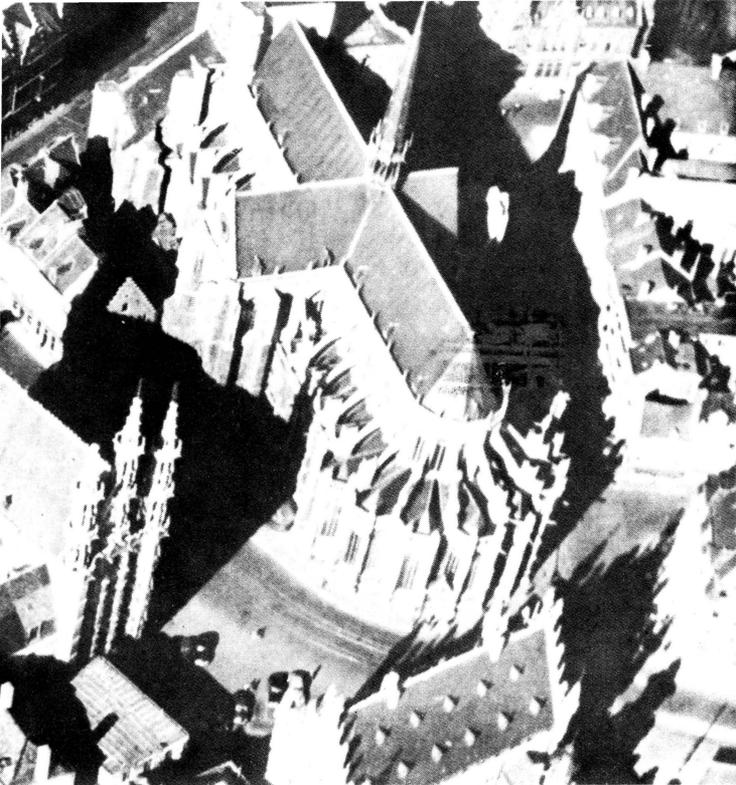
— Конго было крупным производителем?

— В 1955 году оно давало шестьдесят процентов добычи — двадцать один миллион каратов, два небольших вагона.

— И вы их получали?

Он смеется.

— Все алмазы прежде всего попадают в Лондон, где трест распределяет камни. Я лишь распиливаю их, обтачиваю, шлифую, после чего они поднимаются в цене в десять-двенадцать раз. Вы думаете, Бельгия вывозит в основном железо и сталь? Ошибаетесь. Металлургия дает

Каменная путаница домов в Монсе, толчея лодок в Остенде и одинокая фигура ловца креветок, объезжающего бесконечные пустынные отмели, — все это приметы «плоской страны» Фландрии.

семнадцать процентов экспорта в США, а алмазы — двадцать семь. И все — из Антверпена... Каждый четыре года корпорация алмазоторговцев дает бал. Вам не повезло: в этом году его не будет. Иначе вы увидели бы, как вальсируют несколько миллиардов на наших супругах, настоящие редкости.

Что ж, за невозможностью увидеть эти я отправился смотреть другие редкости.

Я стою перед трехметровым питоном, причем ни решетка, ни стекло не разделяют нас. И все потому, что бельгийские офидиопсихологи, а проще — специалисты по змеям, очень хорошо изучили свой предмет. Они заметили, что питон любит тепло и никогда не поползет туда, где холодно. Поэтому они поставили в его помещении батареи, охладили коридор, где ходят посетители, и убрали перегородку. Мудрый змей, должно быть, утешает себя мыслью о том, что съест всех этих любопытных, когда их вынут из холодильника.

Немного дальше редкие райские птицы смиренно сидят в своих открытых освещенных вольерах, хотя никто не мешает им взлететь и улететь в темный коридор. Гид объясняет, что эти птицы боятся темноты, так что администрация не беспокоится, что они разлетятся. Так, благодаря

системе, изобретенной в Антверпене и вошедшей в мировую зоолитературу под именем «Antwerpen cage system», создается иллюзия полной свободы.

Зоопарк пестрит названиями: «Птичий дворец», «Дом гиппопотамов»; здесь есть даже «Семейный отдел», где, надо думать, обремененные потомством слонихи получают пособие. Волшебный зоопарк. Единственный его недостаток? То, что он находится в Антверпене. Город так красив, его так интересно разглядывать, что обычно не остается времени на зоопарк.

Брюгге нереален.

— Вы, наверное, говорите о «Мертвом Брюгге», — перебивает меня городской голова — эшевен.

И он стал перечислять мне возродившиеся отрасли промышленности, порт Зебрюгге... Но мне, мне нужен был старый Брюгге.

— «Брюг» значит на нашем языке мост, — сказал мне фламандец.

— Все нет, — возразил валлон. — Брюгге происходит от «бриггия», что на древненорвежском означало пристань. Скандинавы первыми приплыли в Звинн.

Звинн — это морской рукав, образовавшийся после наводне-

ния в IV веке. Несчастье — ибо Северное море залило тогда целую провинцию — породило процветающий порт. Тринадцатый век — слава Брюгге. Соперник Ганзы и Лондона, он делается главным складом двадцати двух торговых городов. Двадцать консулов заседали в его городском совете, пятьдесят две гильдии, каждая со своим гербом, объединили сто пятьдесят тысяч ремесленников и мастеровых. Здесь родилась первая в мире биржа. Семейство почтенного ван дер Бурзе жило тогда у самого порта в четырехэтажном доме. Негоцианты из многих стран собирались у него поговорить о делах. Скоро уже все договаривались попросту встретиться «у Бурзе». Слово привилось, вошло во все европейские языки: «биржа». Дом этот стоит и поныне; в нем, как полагается, банк.

Смелый город, никого не боялся. Когда король Франции отправил своих рыцарей наказывать его за строптивость, горожане встретили всадников своими увесистыми дубинами. В тот вечер победы четыре тысячи золотых рыцарских шпор подвесили на стены собора.

Я стою перед Грутхузе — дворцом фламандских герцогов, где на фронте высечена надпись: «Излишек — в вас» — девиз

сборщиков налогов, заинтересованных в процветании города.

Излишек оказался не только в горожанах, но и в земле, на которой они поселились: песок заносил Звинн, связывающий Брюгге с миром. Город угасал, люди втягивали ноздрями морской воздух, но шума волн уже не слышали. Брюгге стал мертвым.

— Только в конце минувшего века упрямый Брюгге пополз к морю, — сказал мне эшевен. — Десятикилометровый канал связал нас с Зебрюгге. Мы вылезли из паутины...

В церкви святого Якова я смотрел на святую деву, склонившуюся над рукоделием.

— Эта картина, мосье, — сказал кто-то за спиной, — «дворянская грамота» брюжских кружевниц. В ней олицетворение нашего ремесла.

Я обернулся: за спиной оказалась маленькая старушка в черном. Она добавила:

— Революции рвут кружева, мосье.

Такая эрудиция вызвала уважение, и я проводил старую даму до портала. Чтобы, со своей стороны, проявить компетенцию, я рискнул:

— Сам я родом из Оверни, мадам, и тамошние кружева...

— ...точная копия наших, —

закончила старая дама. — Все кружева, в том числе валансьенские, родились по нашим образцам. Ваш Людовик Четырнадцатый выписал двести брюжских кружевниц и создал королевскую мануфактуру. А потом случилась революция — и появился машинный тюль. И все равно сегодня наши узоры копируют в нейлоне... Маленьким народам есть что дать большим нациям!

Несколько месяцев спустя мне пришлось видеть «марш фламандцев на Брюссель». Фламандцы шли с плакатами, где были написаны резкости против валлонов. В тот день я узнал, что чувствует человек, когда на его костюме растекается тухлое яйцо. В ответ фламандцы потрясли ошипанными петухами, ибо петух — символ франкоязычной Валлонии.

Манифестация не закончилась простым обменом «любезностями». Кое-где уже махали кулаками. Неужели произойдет столкновение? Но в самый разгар стычки люди вдруг отряхнулись и дружно бросились в кафе: во всех брюссельских кафе стоят большие телевизоры, а в тот день, оказывается, транслировали футбольный матч Бельгия — Голландия! Обе стороны горой стояли за Бельгию, причем самыми го-

рячими и темпераментными оказывались говорящие по-голландски фламандцы¹.

— Брюссель — естественный перекресток: Париж и Лондон от нас в трехстах километрах. Бонн — в двухстах сорока, а Люксембург и Гаага — в двухстах. Со спутника это хорошо видно.

Город надо вначале смотреть сверху. Внизу, на улицах, вы проникаетесь им. Сверху — с башни или горы — вы познаете его.

— Это наша самая длинная улица — авеню Север — Юг, — объясняет мне брюсселец. — А самая короткая называется улицей Одинок: она настолько узка, что даже влюбленные, обнявшись, не могут пройти по ней рядом. А вот, прямо под вами, — Маннекен-пис.

Это, знаете, какое-то наваждение. Я поклялся себе, что не стану писать о том, что всем пре-

¹ Автор упрощает «лингвистическую проблему». В действительности она отражает серьезнейшие внутренние и внешнеполитические проблемы, стоящие перед сегодняшней Бельгией. Последние годы экономика страны топчется на месте. Старые промышленные районы Валлонии находятся в глубоком кризисе, там растет армия безработных. Все это придает особую остроту межнациональной розни. Буржуазные партии, правящие страной, используют трения между двумя национальными группами как средство разобщения трудящихся и, по существу, не ищут какого-либо конструктивного решения. — *Прим. ред.*

красно известно. Но едва я начал кому-либо рассказывать о Брюсселе, как меня перебивали:

— Ну как, Маннекен-пис все еще пускает струйку?

Что же, давайте я честно перескажу легенды об этом «самом старом гражданине Брюсселя», символизирующем строптивый нрав его обитателей. Вот они.

Брюссельцы - антимилитаристы утверждают, что после смерти некоего Годфруа, герцога Лотарингского, его сына, которому было от роду несколько месяцев, принесли на поле боя и подвесили колыбельку к ветви дерева. «Присутствие будущего герцога вселит уверенность в солдат», — решили генералы. Но в решительный момент битвы дитя привстало из люльки и совершило то, что обессмертило в веках фонтан на Банной улице.

Брюссельцы-антиклерикалы говорят, что так поступил пятилетний сын графа Гова, приветствуя на свой манер процессию в честь дня Вознесения.

Гордые своей ратушей брюссельцы говорят, что какой-то мальчуган загасил однажды таким способом застал «адской машины», подложенной под здание.

Выберите себе легенду по вкусу, но главное — знайте, что любой почтенный брюсселец, член больницы кассы, примерный служащий, переходящий улицу только на зеленый свет, любит своего непочтительного, опрокидывающего все условности Маннекен-писа!

— Вы собираетесь писать книгу о Бельгии? — спросил меня брюссельский социолог. — Тогда...

Я уселся поудобнее в кресло, ожидая, что он начнет говорить о соотношении производства и потребления, об относительности понятия «сельский житель» в Бельгии.

— ...тогда вам надо посмотреть наши праздники. Без этого вы не поймете Бельгию.

На сем мы расстались.

Я не терплю больших гуляний. Необходимость веселиться по заранее намеченным дням меня удручает. Но я последовал совету социолога: все-таки знание своего общества входит в его профессию.

В Бельгии часты праздники. Разумеется, уже с тридцатых годов туризм возродил сомнительные «средневековые традиции»: европейская буржуазия ездит на

машинах, дороги проходят по Бельгии, и долг бельгийца — помочь иностранцу оставить здесь свои деньги. Фольклор нынче прекрасно продается.

Но вот я на «кирмессе» в Монсе, где веселья, самого искреннего и языческого, не меньше, чем у Рубенса и Брейгеля. На центральной площади, запруженной толпой, странно одетый господин бился с чудовищем.

— Это святой Георгий, — сказал голос сзади меня. — Убивает дракона.

По правде говоря, дело оборачивалось туго для Георгия. Он уже обломал о дракона свое копье, потерял меч... Но нет, вот ловким ковбойским жестом «святой» выхватывает из кармана пару пистолетов и приканчивает дракона! Толпа ревет от восторга...

Приехать в Бельгию — значит пить пиво. И тем самым увеличить и без того внушительную статистику: 140 литров пива в год на душу населения. Пиво — древний напиток. Уже в Ниневии и Вавилоне находилось немало любителей кружки пенистого напитка, чья горечь оборачивается сладостью. Существует бесчисленное множество рецептов его приготовления, иногда весьма почтенных по возрасту. В Бельгии известен рецепт, составленный настоятелем монастыря Сен-Галь: он на 22 года старше «Страсбургской клятвы» — первого документа французской письменности!

Думаю, что обилие праздников — прекрасный предлог для усиленного потребления этого продукта. Но в Граммоне я, еще плохо знакомый с фламандскими розыгрышами, был приглашен выпить бокал вина с почетными гостями. Польщенный, я согласился. Нам принесли по большому бокалу красного вина, и каждый по очереди торжественно выпил его до дна. Я заглянул в свой и увидел, что там плавают живая рыбка! Я огляделся: люди вокруг с интересом наблюдали, как я поступаю. Я мужественно выпил. Затем, поглаживая живот (интересно, долго она еще там будет шевелиться?), я выслушал объяснение:

— В девятнадцатом веке жители Гента осадили Граммон. Город умирал от голода, но, чтобы показать, сколько у них еще еды, граммонцы стали корзинами вываливать сельдь в городской ров. Гентцы убоялись долгой осады и сняли ее. С тех пор мы

празднуем так победу нашего города.

— Выходит, город празднует сам себя?

— Конечно, мы ведь так долго были городами, прежде чем стали страной...

С бельгийцами надо держать ухо востро! Несмотря на свою репутацию людей без воображения, они высмеют вас не моргнув глазом. Я приехал в Дамме, где все мне говорили о Тиле Уленшпигеле, который родился и умер здесь. Я даже благоговейно переписал эпитафию с его могилы: «Прохожий, остановись. Здесь покоится Тиль Уленшпигель, насмешник, почивший в году 1301». Я рассмотрел рисунок, где сова («Уль», по-фламандски) смотрится в зеркало («шпигель») и подумал, что каламбур входит в память людей куда прочнее пафоса.

Когда я рассказал об этом знакомому критику, тот улыбнулся:

— Вас разыграли. Это могила

Он вышел из глубин земли. Его трудом, его мастерством создана Бельгия. Даже святые в ее церквах — труженики.

Ван-Мерланта, фламандского историка, умершего в 1284 году. А надпись, что так взволновала вас, была сделана в семнадцатом веке. Жители Дамме решили позабыться над легковерными визитерами. Ведь большинством уверено, что Тиль жил на самом деле. Да ведь и сам Тиль — образ бельгийца, дурачащего более сильного противника, своего рода фламандский бравый солдат Швейк! Мы видели у себя в городах столько солдат-завоевателей, что Тиль всегда оставался для нас живым. Я звал одну фламандку, которая говорила о нем как о старом знакомом... Де Костер сделал близким и зримым его лицо, так же как и фламандец Иероним Босх сделал знакомыми рай и ад. После его картин каждый буржуа, каждый крестьянин, каждый ребенок знал небо и преисподнюю, как свою комнату...

Бельгию нельзя объяснить, ее надо рассказывать. Я это понял в Ватерлоо. Стендаль рассказал только то, что видел Фабрицио: совсем немного, главная битва была вокруг.

Ибо Бельгия всегда — битва. Ее история — история борьбы человека. Бельгиец, ни на минуту не останавливаясь, сражается с землей. Подлинные отцы нации — отнюдь не бургундские герцоги и не сегодняшние министры. Это неведомый кельт, добывший из земли первый уголь, чтобы согреть свою пещеру, льежец, выплавивший две тысячи лет назад первое в Европе железо, антверпенец, который первым стал бросать в Шельду камни и построил мол, — Ант-верп, «Первый мол».

Металлист Льежа, текстильщик Гента, шахтер Шарлеруа, докер Антверпена — их нынешние правнуки. И они продолжают сражаться с тем же молчаливым упорством. Они всегда сражались, чтобы быть свободными. Бургундцы, испанцы, австрийцы, французы, голландцы, немцы хотели поглотить их. Они выстояли, выжили...

Смешайте все черты, о которых я попытался намекнуть, — и вы получите современного бельгийца, жителя страны городов.

Перевед с французского
М. БЕЛЕНЬКИИ

РОБИНЗОНЫ ИЗ КОСМОСА

История знает много случаев, когда люди, потерпевшие кораблекрушение, оказывались на необитаемых островах и становились робинзонами.

Но так было на Земле. А в космосе? Ведь если там произойдет авария, то об островах придется лишь мечтать!

Но вот что произошло однажды.

Полет космического корабля «Восход-2» проходил строго по программе. Но когда надо было начинать приземление, не сработала автоматика, и корабль ушел на следующий виток. Павлу Беляеву и Алексею Леонову пришлось сажать его вручную и далеко от заданного района. Приземлились они в районе Перми. Кругом тайга, глубокий снег, да и мороз приличный.

Космонавты развернули наземные средства радиосвязи и сообщили группам поиска о своем местоположении. Вскоре прибыли самолеты и вертолеты, и через некоторое время «потерпевших» эвакуировали в Байконур, откуда началось их путешествие.

Но если бы даже эвакуация по каким-то непредвиденным причинам [непогода и т. п.] задержалась, они бы смогли продержаться довольно долго. Их спас бы неприкосновенный аварийный запас — НАЗ.

Как правило, набор НАЗа зависит от географических условий, в которых оказывается экспедиция.

Низкие температуры — один из самых неблагоприятных факторов, способных причинить стра-

Жизнь Юрия Гагарина была недолгой и яркой, как вспышка молнии. Сын советского народа, он стал знаменосцем поколения, идущего к звездам. Сын своего века, он своим полетом начал новую эру — эру космоплавания. Сын пахаря, он проложил первую борозду в неведомом.

«Должность советского человека на Земле — быть искателем и борцом», — писал Гагарин. До конца своих дней он сам был таким — искателем и борцом. Он работал, учился, мечтал о полетах к Луне, Марсу, Венере. Он не успел побывать там. Он передал эстафету в наши руки. И последняя книга Юрия Гагарина «Психология и космос», написанная совместно с ученым В. И. Лебедевым, тоже обращена к нам. В ней говорится о профессии космонавта, о требованиях, которые космос предъявляет к людям. Орывок из этой книги, выходящей сейчас в издательстве «Молодая гвардия», перед вами.

дания человеку. Замерзание, обмороживание, пребывание в холодной воде, пронизывающие ветры — все это может привести к смертельному исходу.

Не менее опасно действие жары при ограниченном запасе пресной воды. Нарушение водного обмена и перегрев тела приведут к тяжелым последствиям. Обезвоживание организма на 10—15 процентов ведет к потере работоспособности, а водный дефицит более 20 процентов для многих людей смертелен.

Когда отказала автоматика на «Восходе-2», командир имел возможность выбрать район посадки и спуститься с орбиты именно в этот «квадрат» земной поверхности. Но если бы произошла разгерметизация кабины, у кос-

монавтов не было бы времени для долгих раздумий, и пришлось бы сажать корабль, что называется, «с ходу». И кто знает, где бы тогда он приземлился — в Сахаре, в джунглях, в северных районах. Более вероятно даже, что пришлось бы садиться не на сушу, а на воду, которая, как известно, занимает большую часть поверхности нашей планеты. Иными словами, в случае аварии космонавты могут очутиться практически в любой точке земного шара.

Но раз это так, встает задача — сделать НАЗ таким, чтобы он гарантировал безопасность и жизнь человека в любой географической зоне до тех пор, пока его не найдут. Трудность, однако, заключается в том, что этот НАЗ должен быть в то же время компактным и достаточно легким.

Если поглядеть на НАЗ космонавтов, он и в самом деле покажется небольшим. Но когда увлекают его содержимое, создается впечатление, будто вы присутствуете на выступлении иллюзиониста, который из небольшого цилиндр вынимает многометровую ткань, ленты, цветы, графин с водой, а то и какую-нибудь живность — гуся или голуба.

Одним из предметов в НАЗе является надувная резиновая лодка, которую доверху может заполнить все, что содержится в отдельных блоках НАЗа.

Спускаясь с парашютом, человек никогда не застрахован от травмы. Кроме того, он может поцарапаться, порезаться или — еще хуже — заболеть. Поэтому в НАЗе предусмотрена аптечка с перевязочным материалом и набором лекарств. Сама же корбочка, в которой размещены медикаменты, в случае необходимости используется как сковородка. На ней так и написано: «Может служить сковородкой».

Очутившись в зоне холодного климата, космонавт должен прежде всего позаботиться об убежище. Для этого пригодны не только ветви деревьев, но и материя от купола парашюта. Поскольку снег обладает также хорошими теплозащитными свойствами, в нем можно вырыть пещеру и соорудить в ней настил из сухой травы, веток или парашютной ткани.

Надувная лодка с успехом также заменит кровать.

Попав в зону жаркого климата,

космонавт снимет тяжелый скафандр и переоденется в легкое белье, которое тоже есть в НАЗе.

В любой аварийной обстановке для обогрева, сигнализации и для приготовления пищи необходим костер. Казалось бы, вещь не такая уж сложная, но все-таки нужно уметь разводить его при любой погоде. Тренировки показали, что лучше всего это делают те, кто занимался охотой или рыбной ловлей. Не случайно поэтому в круг занятий космонавтов входят охота и рыболовство. Председателем охотничьего коллектива является Алексей Леонов.

Приземлившись в любом районе, космонавт обязан не только сориентироваться относительно стран света, но и точно определить, где он находится, в какой бы уголок земного шара ни забросила его судьба. Для этого в его распоряжении имеются компас, секстант и карты. Средства связи, которыми он располагает, позволяют установить двустороннюю радиосвязь.

Человека не всегда легко обнаружить с воздуха, даже при хорошей видимости. Но задача облегчается, если люди, потерпевшие аварию, пользуются сигнализацией. Оболочка скафандра, окрашенная в ярко-оранжевый цвет, бросается в глаза и облегчает поиски космонавта. Но, кроме того, он может воспользоваться сигнальными ракетами или карманным электрическим фонарем. На случай приводнения имеется пакет с красящим веществом, которое, растворяясь в воде, образует большое, хорошо различимое на расстоянии, флуоресцирующее цветное пятно. Это вещество пригодится и в полярных областях для окраски снега.

Разумеется, в НАЗе предусмотрены вода и пища. Правда, при нынешнем состоянии техники людей, потерпевших аварию, обычно находят через несколько часов, поэтому нет надобности особенно строго ограничивать расход продуктов питания и жидкости. Наоборот, необходимо придерживаться нормальной диеты в первые сутки после аварии, когда тратится много сил на разбивку лагеря и устройство сигнализации. Как правило, знающий и опытный человек в состоянии раздобыть себе пищу почти в любом районе нашей планеты. Например, известен случай, когда летчик, потерпевший аварию, в течение тридцати дней в тундре

питался исключительно голубикой и рыбой, пойманной в озере. Когда его нашли, весь его аварийный запас оказался нетронутым.

Всему миру известно героическое плавание французского врача Алена Бомбара, который на резиновой лодке без продуктов питания и воды пересек Атлантический океан. Своим трудным и блестящим экспериментом исследователь доказал, что главной причиной гибели людей в океане являются страх и растерянность. Человек способен выжить, если у него сильная воля, если он будет знать, каким образом питаться и как употреблять морскую воду.

В НАЗе космонавта, кроме надувной лодки, имеются и рыболовные снасти, так что, очутившись в океане или в море, он сможет обеспечить себя рыбой.

Запасы пищи может пополнить, разумеется, и охота. Но охота охоте рознь. Если в обычной обстановке человек ищет уток, зайцев и т. п., то в безлюдных районах, когда речь идет о его жизни, объектом охоты становятся и такие существа, как суслики, пресноводные черепахи, лягушки, ящерицы и даже змеи, мясо которых съедобно. На этих животных можно охотиться и без огнестрельного оружия, а ловить их силками или просто руками. Но все же космонавт вооружен пистолетом, позволяющим охотиться на оленей, моржей, тюленей и защищаться от хищников.

Между прочим, стрелять из пистолета гораздо трудней, чем из охотничьего ружья.

Однажды на тренировке двух космонавтов «выбросили» в лес, снабдив всем необходимым для аварийных ситуаций. Был январь, и морозы стояли суровые. «Потерпевшие» разбили лагерь, сделали жилище из жердей, веток и купола парашюта, забросали его снегом, развели костер, установили связь по радио. На вторые сутки их «робинзонады» в этот лес привезли кролика. Им решили застрелить животное и устроить себе обед из свежего мяса. Космонавты начали стрелять, но все пули летели мимо. Расстреляв весь боезапас, космонавты были вынуждены обратиться к консервированным продуктам, содержащимся в НАЗе. После этого случая можно было часенько встретить космонавтов в тире: они тренировались в стрельбе из пистолета.

КЕЛЬНСКИЙ ПРОЦЕСС

Это стало зловещей традицией, постоянным методом реакции — искусственная фабрикация судебных процессов против коммунистов. Но по законам диалектики, по законам классовой борьбы, говорил Георгий Димитров, каждая такая провокация переходит в свою противоположность, обращается против ее вдохновителей.

Так было в 1933 году, когда гитлеровские вожак, рвущиеся к власти, организовали гнусный суд над коммунистами, поводом которому послужил провокаторский поджог рейхстага. Так было в 1956 году, когда не вынявшие урокам истории боннские заправилы организовали позорное судилище над КПГ в Карлсруэ. Так бывает всякий раз, когда очередная волна антикоммунистической истерии в США выливается в судебное преследование американских коммунистов.

Начало этой бесчестной судебной травле положило прусское правительство, затеявшее в 1852 году Кёльнский процесс над коммунистами.

10 мая 1851 года в Лейпциге арестовали портного Нотъюнга, эмиссара Союза коммунистов. Он приехал в Лейпциг с агитационными целями, и по его бумагам полиция узнала о существовании Союза. Вскоре были арестованы члены Центрального комитета Союза коммунистов в Кёльне.

Судили одиннадцать человек, среди них рабочего сигарной фабрики Рёзера, портного Лесснера, журналиста Бюргера, химика Отто, врачей Даниельса, Якоби и Клейна. Поэт Фердинанд Фрейлиграт избежал суда только потому, что успел уехать в Лондон.

У прусского правительства не оказалось фактически никакого обвинительного материала против арестованных, разбирательство дела откладывалось с одной сессии на другую. Буржуазные газеты тем временем раздули слухи об «ужасном заговоре» коммунистов. Когда, наконец, в октябре 1852 года процесс начался, полиции пришлось прибегнуть к целому ряду подлогов и фальсификаций, чтобы хоть как-то «обвинить» подсудимых. Рёзер, Бюргер, Нотъюнг были приговорены к шести годам заключения в крепости, Рейф, Отто, Беккер — к пяти годам, Лесснер — к трем годам. Оправданы были Эрхардт, Даниельс, Якоби и Клейн.

Маркс в это время жил в Лондоне в эмиграции. И оттуда он организует блестящую защиту заключенных, пересылая следствию подлинные материалы, обличающие полицейские фальшивки, и раскрывая истинную сущность работы Союза коммунистов, которая согласно прусскому законодательству не была подсудной, так как не содержала никаких антигосударственных заговоров.

Об основных этапах борьбы Маркса с прусской полицейской машиной мы хотим рассказать его же собственными словами и словами ближайших свидетелей этой интересной страницы из жизни вождя мирового пролетариата. В материале использованы работы К. Маркса «Разоблачения о Кёльнском процессе», Ф. Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 8) и письмо Женни Маркс к А. Клуссу (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 28).

К. МАРКС. «Союз коммунистов» не являлся... заговорщическим обществом, а был обществом, которое тайно осуществляло организацию пролетарской партии, потому что немецкий пролетариат открыто был лишен igni et aqua¹, лишен свободы печати, слова и союзов...

Ф. ЭНГЕЛЬС. Никакой закон в мире не мог бы дать основание называть такого рода союз заговорщической организацией, тайным сообществом, созданным в целях государственной измены. Если это и был заговор, то заговор не против существующего правительства, а против его вероятного преемника. И прусское правительство знало это. Вот в чем причина, почему одиннадцать обвиняемых держали в одиночном заключении восемнадцать месяцев, использованных властями для самых поразительных юридических проделок...

В мае 1851 г. был арестован один из эмиссаров Союза², и на основании найденных у него документов были произведены дальнейшие аресты. Один прусский полицейский чиновник, некий Штибер, немедленно получил предписание проследить разветвления мнимого заговора в Лондоне. Ему удалось добыть некоторые документы, принадлежавшие... отщепенцам, которые после исключения их из Союза³ действительно организовали заговор в Париже и Лондоне. Эти бумаги были добыты посредством двойного преступления...

К. МАРКС. Когда весной 1851 г. Штибер находился в Лондоне якобы для того, чтобы оградить посетителей промышленной выставки от пронры и воров, берлинский полицейский президент прислал ему копии найденных у Нотьюнга бумаг, и «Мое внимание, — показывает под присягой Штибер, — было особенно обращено на архив заговора, который, согласно найденным у Нотьюнга бумагам, должен был находиться в Лондоне у некоего Освальда Дица⁴ и содержать всю корреспонденцию членов Союза»...

И вот Штибер показывает под присягой, что какой-то человек предложил ему купить за наличные деньги архив у Освальда Дица. Дело, однако, обстояло попросту так: некий Рейтер, прусский полицейский шпион, который никогда не принадлежал к коммунистическому обществу, проживая в одном доме с Дицем, взломал в отсутствие последнего его письменный стол и украл его бумаги...

5 августа 1851 г. Штибер получил в Берлине из Лондона «в пакете, обернутом прочной клеенкой», архив Дица, а именно кипу документов, состоящую из «шестидесяти отдельных единиц». Так клятвенно утверждает Штибер, показывая под присягой также, что в пакете, который он получил пятого августа 1851 г., среди других писем находилось письмо... от двадцатого августа 1851 года. Если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что Шти-

бер совершает клятвопреступление, уверяя, будто 5 августа 1851 г. он получил письма от 20 августа 1851 г., то Штибер мог бы с полным основанием ответить, что королевско-прусский советник имеет такие же права, как и евангелист Матфей, в частности, право совершать хронологические чудеса...

«Все нити», — клянется он, — «раскрылись перед моими глазами». Но что же тайл в себе клад в отношении «партии Маркса» и кёльнских обвиняемых? По собственному признанию Штибера ничего, решительно ничего, за исключением:

«помеченного: Лондон, 17 сентября, подлинного заявления нескольких членов Центрального комитета, явно составлявших ядро партии Маркса, о выходе из коммунистического общества, вследствие известного раскола, который произошел 15 сентября 1850 года»...

Упомянутое подлинное заявление, в частности, не содержит ничего, кроме трех строк, уведомляющих о том, что представители большинства прежнего Центрального комитета и их друзья выходят из открытого Общества рабочих на Грейт-Уиндмилл-стрит¹, но отнюдь не из «коммунистического общества».

Штибер мог сберечь своим корреспондентам клеенку, а свое начальство избавить от расходов по пересылке. Штиберу стоило только порываться в некоторых немецких газетах за сентябрь 1850 г., и он нашел бы напечатанным черным по белому заявление «ядра партии Маркса», в котором она одновременно со своим выходом из Эмигрантского комитета² сообщает также и о своем выходе из Общества рабочих на Грейт-Уиндмилл-стрит.

Ф. ЭНГЕЛЬС. ...Но это было еще только начало. Кража эта повела к раскрытию так называемого немецко-французского заговора в Париже и к осуждению его участников, но все же не дала ключа к большому Союзу коммунистов. Парижским заговором, кстати сказать, руководили несколько честолюбивых дураков и политических chevaliers d'industrie³ в Лондоне и один осужденный в прошлом за подлог субъект⁴, действовавший в Париже в качестве полицейского шпиона.

К. МАРКС. ...Прокуратуру постигло особенное несчастье. Она искала объективных данных против Маркса, а нашла объективные данные против Шерваля. Она ищет коммунизм, который пропагандировали подсудимые, а находит коммунизм, против которого они вели борьбу.

Ф. ЭНГЕЛЬС. Таким образом, прусской полиции пришлось искать новых открытий. В прусском посольстве в Лондоне она устроила настоящее отделение тайной полиции. Полицейский агент по фамилии Грейф занимался своей гнусной профессией, прикрываясь званием атташе посольства, — прием, которого, собственно, достаточно, чтобы поставить все прусские посольства вне международного права... Под его руководством работал некий

¹ Огня и воды.

² Нотьюнг.

³ Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились разногласия по вопросу о тактике. Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступило против предлагаемой фракцией Виллиха — Шаппера сектантской, авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета конкретной обстановки. Раскольническая деятельность фракции Виллиха — Шаппера привела в середине сентября 1850 года к расколу Союза коммунистов и перенесению, по предложению Маркса, Центрального комитета Союза коммунистов из Лондона в Кёльн.

⁴ Член Центрального комитета отколовшейся от Союза коммунистов фракции Виллиха — Шаппера.

¹ Имеется в виду лондонское Просветительное общество немецких рабочих, основанное в феврале 1840 года и существовавшее до 1918 года. 17 сентября 1850 года Маркс и Энгельс вышли из Общества, так как оно попало под влияние фракции Виллиха — Шаппера.

² Комитет помощи немецким эмигрантам в Лондоне, образованный при местном Просветительном обществе немецких рабочих.

³ Проходимцев.

⁴ Шерваль.

Флэри, купец из лондонского Сити, человек с некоторым состоянием и связями в довольно уважаемых кругах, одна из тех низких тварей, которые совершают гнуснейшие дела из прирожденной склонности к подлости. Другим агентом был торговый служащий по имени Гирш, который, однако, уже при его прибытии в Лондон был заподозрен в шпионаже. Он втерся в компанию нескольких немецких эмигрантов-коммунистов в Лондоне, которые, чтобы удостовериться в том, кем он был в действительности, терпели его в течение некоторого времени в своей среде. Доказательства его связи с полицией вскоре были получены, и г-н Гирш с этого момента скрылся. Но хотя он потерял, таким образом, всякую возможность приобретать те сведения, за которые ему платили, он все-таки не остался бездеятельным. В своем уединении в Кенсингтоне, где он ни разу не встречал ни одного из вышеупомянутых коммунистов, он еженедельно фабриковал мнимые отчеты о мнимых заседаниях мнимого центрального комитета как раз той заговорщической организации, которую никак не могла выловить прусская полиция. Содержание этих отчетов было в высшей степени абсурдным. Ни одно собственное имя не соответствовало действительности, ни одна фамилия не была написана правильно, ни одно слово, приписываемое тому или иному лицу, не было похоже на сколько-нибудь вероятные высказывания этого лица. В составлении этих фальшивок Гиршу помогал его учитель Флэри, и отнюдь не доказано, что к этому гнусному делу не приложил своей руки и «атташе» Грейф. Как ни невероятно это, но прусское правительство приняло эту нелепую сряпню за святую истину, и можно представить себе, какую путаницу внесли подобного рода свидетельства в тот обвинительный материал, который был представлен суду присяжных...

Однако у гг. Гирша и Флэри было в резерве еще одно изобретение. Все сфабрикованные ими отчеты они переработали в «подлинную книгу протоколов» заседаний тайного верховного комитета, на существовании которого настаивала прусская полиция...

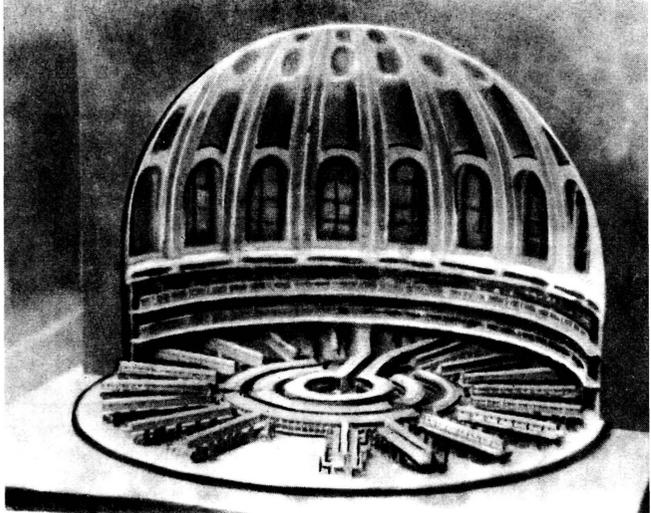
К. МАРКС. ...Штибер теперь заявляет.. После ареста кёльнских обвиняемых Маркс якобы создал новый Центральный комитет.

«Это явствует из показания одного полицейского агента¹, которого уже покойный полицейский директор Шульц сумел незаметно ввести в лондонский Союз и устроить в непосредственной близости к Марксу».

Этот новый Центральный комитет вел книгу протоколов, и эта «подлинная книга протоколов» находится теперь в руках Штибера. Подлинная книга протоколов подтверждает ужасные козни в Рейнской провинции, в Кёльне, даже в самом зале суда. В ней содержится доказательство продолжавшейся сквозь тюремные стены переписки обвиняемых с Марксом. Одним словом: архив Дица был Ветхим заветом, подлинная же книга протоколов — это Новый завет. Ветхий завет был упакован в прочную клеенку. Новый же завет переплетен в ужасный красный сафьян. Красный сафьян во всяком случае является *demonstratio ad oculos*², но мир в настоящее время является еще более неверующим, чем во времена Фомы; он не верит даже тому, что видит...

¹ Гирша.

² Наглядным доказательством.

ДОМ МАРКСА В МОСКВЕ

На одной из тихих московских улиц стоит двухэтажный особняк — Музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

С гравюры на вас смотрит Трир — город, где родился Маркс. Макет дома, где прошло его детство, макет публичной библиотеки в Лондоне, где он работал над «Капиталом», кабинет и личные вещи.

Вещей мало. Кресло, в котором он работал. Кресло, в котором он умер. Мундштук, портмоне...

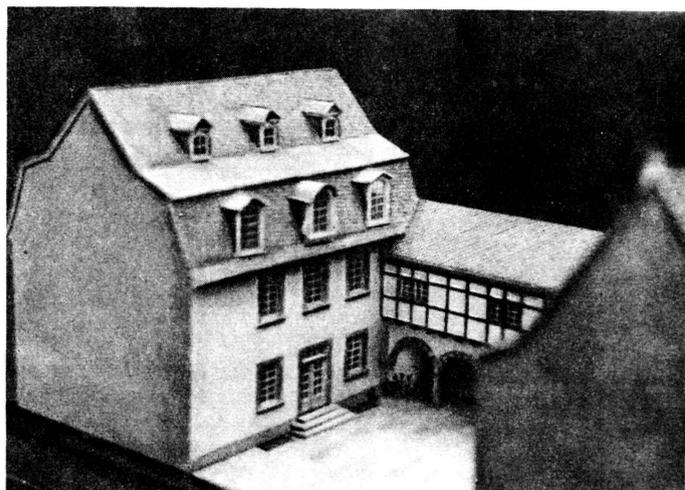
Его богатством были книги. Они глядят на вас со всех стендов, будто вы вошли в его кабинет.

Правда, при жизни Маркса книги были разбросаны в его кабинете в полном беспорядке. Хозяин не разрешал никому расставлять их, он в этом кажущемся беспорядке умел находить любую нужную ему книгу. Быстро и легко, как если бы они стояли по алфавиту.

Теперь они стоят на полках. Это музей...

...Издание «Капитала» на разных языках занимает весь зал. Книги стоят тесно, корешок к корешку — сотни книг, переведенных на 99 языков мира.

Фотоочерк В. КОНСТАНТИНОВА

...Гирш, которого «полицейский директор Шульц сумел незаметно устроить в непосредственной близости к Марксу», несмотря на эту «близость», даже спустя восемь месяцев не знал ни помещения, где собиралось общество, ни дня собраний. Как до, так и после февраля, фабрикуя свою «подлинную книгу протоколов», он упорно относил заседания к четвергам и помечал их четвергами...

Хозяин таверны «Роза и Корона» сделал перед полицейским судьей на Марльборо-стрит заявление о том, что «общество д-ра Маркса» с февраля 1852 г. собирается у него каждую среду. Либкнехт и Рингс, выдаваемые Гиршем за секретарей, составивших его подлинную книгу протоколов, удостоверили свои подписи¹ перед тем же мировым судьей. Наконец, были добыты протоколы, которые Гирш вел в рабочем обществе Штехана, так что можно было сравнить его почерк с почерком, которым написана подлинная книга протоколов.

Таким образом, было доказано, что подлинная книга протоколов является подделкой, и при этом не было даже необходимости вдаваться в критику ее содержания, которое уничтожает себя своими собственными противоречиями.

Трудность заключалась в доставке документов адвокатам. Прусская почта была лишь сторожевой заставой, расставленной от границ прусского государства до Кёльна, чтобы отрезать защитников от подвоза оружия.

Пришлось прибегнуть к обходным путям...

ЖЕННИ МАРКС. ...Моему мужу приходилось... работать днем и ночью. Чтобы разоблачить совершенный полицией подлог, надо было представить официально заверенные свидетельские показания трактирщиков, а также официально удостоверенные образцы почерков мнимых составителей протоколов — Либкнехта и Рингса. А затем все документы, переписанные в шести-восьми экземплярах, надо было отправлять в Кёльн самыми различными путями: через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отсюда в Кёльн, вскрываются и перехватываются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией, с одной стороны, и моим мужем, с другой...

Борьба с этой официальной властью, вооруженной золотом и всеми боевыми средствами, безусловно, представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне деньги, власть и все остальное, в то время как мы часто не знали, как раздобыть бумагу, чтобы написать письма, и т. д. и т. д...

Простите меня за это сумбурное письмо, но я тоже принимала участие во всей этой истории и переписывала столько, что пальцы онемели. Отсюда хаос...

Только что прибыли от Веерта и Энгельса целые кипы коммерческих адресов и мнимо-коммерческих писем, чтобы пересылать документы, письма и пр...

У нас теперь тут целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раз-

добывают пенсы, чтобы те, которые пишут, могли существовать и бросать в лицо старому официальному миру доказательство неслыханнейшего скандала. А вдобавок ко всему раздаются пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего строгого папы. Вот суматоха-то!..

К. МАРКС. В заседании от 27 октября Штибер тщетно пытался сохранить присутствие духа. Он опасался, что из Лондона в любой день могут быть получены обличительные документы. Штибер чувствовал себя плохо, и так же плохо чувствовало себя воплощенное в нем прусское государство. Разоблачение перед публикой достигало опасных размеров. Поэтому полицейский лейтенант Гольдхейм был послан 28 октября в Лондон для спасения отечества. Что делал Гольдхейм в Лондоне? Он пытался при содействии Грейфа и Флэри побудить Гирша приехать в Кёльн и... подтвердить под присягой подлинность книги протоколов. Гиршу была предложена государственная пенсия, выплачиваемая по всей форме. Однако полицейский инстинкт у Гирша был развит не хуже, чем у Гольдхейма. Гирш знал, что он не прокурор, не полицейский лейтенант, не полицейский советник и поэтому не имеет привилегии на клятвопреступление. Гирш предчувствовал, что его оставят без всякой поддержки, если дело примет дурной оборот. Гирш не захотел превращаться в козла, а тем более в козла отпущения. Гирш категорически отказался. Но за христианско-германским правительством Пруссии остается слава, что оно пыталось нанять лжесвидетеля в уголовном процессе, в котором дело шло о головах его обвиняемых соотечественников...

В субботу, 6 ноября, В. Гирш из Гамбурга сделал перед полицейским судьей на Боу-стрит в Лондоне заявление, равносильное показанию под присягой, о том, что он сам под руководством Грейфа и Флэри сфабриковал фигурирующую в кёльнском процессе коммунистов подлинную книгу протоколов.

Итак, сперва подлинная книга протоколов «партии Маркса», затем записная книжка шпиона Флэри, наконец, изделие прусской полиции, простое полицейское изделие...

...С разоблачением книги протоколов процесс вступил в новую стадию. Теперь присяжные не могли уже признать обвиняемых виновными или невиновными; теперь они должны были признать виновными обвиняемых или правительство. Оправдать обвиняемых значило осудить правительство. ...Но если прусское правительство применяет по отношению к обвиняемым столь гнусные и одновременно столь рискованные методы,— сказали себе присяжные,— если оно, так сказать, поставило на карту свою европейскую репутацию, в таком случае обвиняемые, как бы ни была мала их партия, должно быть, чертовски опасны, во всяком случае их учение, должно быть, представляет большую силу. Правительство нарушило все законы уголовного кодекса, чтобы защитить нас от этого преступного чудовища. Нарушим же и мы, в свою очередь, нашу крохотную *point d'honneur*¹, чтобы спасти честь правительства. Будем же признательны, осудим их.

¹ То есть предъявили ему свои подлинные подписи. Тем самым было доказано, что подписи их, имевшиеся в книге протоколов, фальшивые.

¹ Честь.

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ КАМЕННОГО ВЕКА

Л. МИНЦ

... **С**обак перебили ножами: им зажимали пасть рукой, и ни одна не пикнула. Грудных детей напоили маковым отваром, чтобы крепко спали, и на всякий случай завязали еще рты пальмовыми листьями. Дети побольше и сами понимали, что плакать нельзя.

Когда вернулись охотники с известием, что тропа, ведущая в горы, свободна, все уже было готово. Гуськом — впереди охотники, потом женщины с детьми и снова охотники — люди неслышно, как лесные тени, тронулись по крутой тропинке. Даже факелы нельзя было зажечь. Старейшина рода нес в плетенке угольки — будущий огонь на новом месте.

На деревенской площади все еще горел общинный костер. Возле костра остался один из стариков. Он не вынес бы дороги, да и не захотел покидать родные места. Старик сидел на корточках у костра, кормил огонь. Этот огонь — главный, общий — много лет горел днем и ночью на площади. Семейные костры все были его сыновьями. Пока горел этот костер, жива была деревня. Когда истощались поля и деревня переселялась, тлеющие угли из костра переносили в специальной корзинке на новое место, а этот костер затаптывали. Зола заваливали землей.

А теперь деревня бежала, и костер уже не был костром, а только его видимостью. Из него вынули душу, взяв угли, колдун произнес заклинания, и костер уже не мог никому служить больше, а только прикрывал бегство.

Когда наутро в деревню ворвались воины одного из горных князьков, они увидели старика, который сидел у огня. Не обнаружив ни души — лишь зарезанные собаки валялись в хижинах, — воины подступили было к старику, но тот не видел их, и не слышал, и даже не поднял головы навстречу широкому мечу. Взбешенные воины подожгли деревню. Что им еще оставалось делать? Ни одного пленного, ни одного раба, которые так ценились у купцов, приходивших из-за северных гор.

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

Севернее хребта Чыонгшон, в уезде Туенхоа, провинции Куангбинь, на карте Вьетнама сплошная зелень — джунгли. Ни точек, ни пунктира, которыми этнографы обозначают расселение какого-нибудь народа. Места там действительно незавидные: горы с острыми вершинами, сырые, темные долины.

Старик из народа сать, пришедший в Донхой на базар, специально задержался в городе, чтобы встретиться с профессором Вьон Хоан Туеном. Профессор, говорили, очень интересуется рассказами старых людей.

— Товарищ Ны говорит товарищу профессору, — бубнил переводчик, — что давным-давно часть их народа убежала туда, в горы, и там и сейчас живет.

Профессор Туен неплохо знал язык сать, но все же прибег к помощи переводчика: хотелось лучше

выяснить подробности. Туен изучал малые народы мон-кхмерской языковой группы и теперь возглавлял этнографическую экспедицию в центральной части Вьетнама.

— Товарищ Ны говорит товарищу профессору, что их народ раньше притесняли феодалы — лао и князья горных тхай. Устраивали набеги, уводили в рабство, жить не давали. Хочешь охотиться, хочешь рис сеять — плати дань. А то убьют. Много людей тогда убежало в горы.

— Спроси его, — перебил профессор, — а сам он видел этих беглецов?

— Товарищ Ны говорит, что сам не видел, но отец его видел, и другие старые люди все об этом знают.

Подобные рассказы Туен слышал в провинции Куанбинь уже не первый раз. И каждый раз удивляло точное совпадение подробностей.

Старик тем временем что-то быстро говорил переводчику.

— Товарищ Ны говорит товарищу профессору, что эти люди недалеко живут — отсюда несколько дней пути.

Похоже, что так оно и есть... Правда, пора возвращаться в Ханой. Но какой же настоящий этнограф...

— Спасибо, отец, — сказал профессор на языке сать, — вы нам очень помогли.

Старик Ны просил. Он вынул изо рта трубочку. — Переведи ему, — сказал он переводчику, — старики раньше не верили даже — как такой большой человек, а с нами, маленькими людьми, говорит, записывает наши сказки. Теперь верят.

И вновь зажал стержни зубами трубочку.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ У ОБЕЗЬЯНЬЕГО РУЧЬЯ

Рано-рано, когда ночь уже кончилась, а день еще не наступил, обезьяны спрыгивают с деревьев и ковыляют к воде. Чи знал, что обезьяны всегда так делают — рано-рано утром, когда люди спят, обезьяны приходят к ручью.

А охотники уже ждут обезьян. Когда животные сгрудятся у источника, что совсем рядом с пещерой, охотники выпускают отравленные стрелы.

Но обезьяны хитрые. Через некоторое время они перестают ходить к этому источнику. Тогда надо искать новое место, племя покидает пещеру и уходит. Уходит туда, где обезьяны еще не знают страха. Поэтому люди не живут в пещере больше пяти-шести дней. Новая пещера тоже будет у ручья, потому люди племени и называют себя «рук», что значит «живущие у ручьев».

К этой пещере обезьяны ходить перестали. Но еще днем, когда люди искали в лесу пальму зом, из сердцевины которой делают муку, Чи приметил в лесу ручеек, а рядом с ним маленькую пещеру.

И потому ночью Чи выполз на четвереньках из пещеры, где спало племя, чтобы еще до рассвета устроить засаду. Последнее время

дела в племени шли плохо. Исчезли куда-то обезьяны, много дней подряд женщины приходят без муки. Одна женщина ослабела так, что уже и ходить не может, а лежит в пещере на листьях. Наверное, умрет скоро. А если умрет, то из пещеры надо бежать — злые духи камры и кам-мут сразу слетаются к мертвому. А живые должны бежать...

И тут Чи остолбенел. У облюбленного им вчера ручейка горел костер. У костра сидел человек в светлой одежде, закрывавшей все тело. На голове у странного человека была круглая шляпа. Вокруг костра спало еще несколько людей, закутанных с головой в какие-то сетки.

Чужие люди! Враги!

Чи неслышно понесся назад к стоянке.

...Рассвет еще не пришел, когда люди рук покинули пещеру. Осталась лишь одна женщина — ей ничего уже не было страшно, она все равно умирала.

ОГОНЬ В ПЕЩЕРЕ

Среди многих запахов сырых джунглей один всегда говорит о человеке, и только о нем. Это запах дыма. Первым его почувствовал проводник. Он остановился, поднял руку. Вся цепочка замерла. Проводник принялся, поискал глазами в траве, присел на корточки — еле заметная тропка вела куда-то в сторону. Приглядевшись, проводник заметил узенькую щель в частоколе джунглей.

В дело пошли длинные тяжелые ножи. Запах дыма стал явственнее. Однако никаких признаков жилья не было и в помине.

Проводник — потомственный охотник — снова первым заметил след, впечатавшийся в мокрую красную землю. То был след босой, очень широкой человеческой ступни. Потом и остальные стали замечать следы. А скоро увидели огромный камень, а за ним — чернеющий лаз. Светлый дымок, почти не различимый глазом, вырывался из пещеры.

Послесловие историка

История знает немало случаев, когда племена, отставшие в своем развитии, сталкивались с более передовыми народами. Обычно это оборачивалось трагедией. Достаточно вспомнить тасманийцев, безжалостно истребленных английскими поселенцами, австралийцев и североамериканских индейцев, загнанных в резервации. Тяжелой была и участь тех племен, которые избежали уничтожения. Основы их хозяйства были подорваны, культура, нравы и обычаи разрушались и деградировали.

Только социализм открыл совершенно иную возможность: передовой народ помогает отставшему ликвидировать свою отсталость, в кратчайший срок преодолеть разрыв, измеряемый зачастую тысячелетиями. Этот разрыв заключается не только в уровне экономического развития, он и в общественных отношениях, и в психологии, буквально во всем. Поэтому одной доброй воли тут мало. Нужны немалые средства, нужны специальные знания, наконец, понимание, терпение и такт.

Не просто обучить передовым методам сельского хозяйства бродячих лесных охотников племени рук, преодолеть их отсталость, неграмотность, вековые предрассудки, изменить практически весь строй мышления. Но сделано уже очень много, и главное —

Один человек остался у входа, остальные на четвереньках полезли вглубь по низкому темному лазу. Посередине пещеры горел костер, судя по пламени, совсем недавний. У дальней стены скопилась темнота.

Профессор зажег фонарь и направил луч к этой стене. На земле лежал труп женщины, прикрытый листьями. Ученые склонились над трупом.

Внезапно у входа послышался шум, и в пещеру вполз низкорослый тощий старик в набедренной повязке. Старика била дрожь, он беспомощно озирался по сторонам.

— Кто вы, отец? — спросил профессор Туен.

Старик не понял. Профессор повторил вопрос на языке сать. Этот язык старик понял сразу.

— А вы кто? — отозвался он.

...Что могли сказать старику слова «Ханой», «Академия наук»?

Старика накормили рисом, напоили водой. Когда ему дали соли, он окончательно поверил, что перед ним не злые духи.

Щедро снабженный солью и рисом, старик ушел. А к вечеру все племя вышло из леса.

А СОЛИ ТАМ МНОГО!

Экспедиция вернулась в Ханой в неполном составе. Один человек остался с людьми рук, чтобы познакомиться с их жизнью. И чтобы рассказать им о другой жизни.

...Ему нетрудно было спать у костра на земле — годы войны и не тому научили! Нетрудно было бродить с ними в поисках воды и пальм, из сердцевин которых делают муку. Он привык есть обезьянье мясо (его не хватало, но к голоду можно привыкнуть). Люди рук пробовали консервы (несколько банок оставила экспедиция), но к консервам они отнеслись несерьезно, так, лакомство...

Куда труднее было найти общий язык. Надо было рассказать о том, как живут в долинах. О городах. О Ханое.

Люди рук слушали его со вниманием, переспрашивали и... не верили.

— Есть ли там обезьяны? — спрашивал охотник Чи.

— Где берут рис? — интересовались женщины. — У всех людей долин есть рис? У всех есть ткань на одежду? А где берут ткань? Смотри, как у нас просто: берем луб и размягчаем его колотушкой. А люди долин, как они делают ткань, такую, как у тебя? А соли там много?

На эти вопросы он мог легко ответить.

Труднее было со стариком, тем самым, который первым вернулся в пещеру.

Старик говорил:

— Отцы учили нас: бойтесь чужих людей. Они все враги. Люди долин ненавидят нас, бедный народ гор. Люди долин знают многие хитрости. Ты кажешься другим, но откуда мы знаем, может быть, ты хочешь обмануть нас? Ты заманишь нас в долину, и нас убьют там.

И снова и снова приходилось рассказывать им, мучительно подбирая самые простые слова, самые простые понятия о другой жизни, неведомой им. И о новой жизни, которой не так уж давно стали жить люди долин.

— А если мы не сможем там жить, нас отпустят назад, в горы? — допытывался вездливый старик.

Месяц спустя ученый ушел в долину вместе со стариком и Чи. Настороженные, немного испуганные, присматривались они к незнакомой жизни.

Потом они вернулись к своим соплеменникам, а вскоре все племя спустилось с гор в долину. Спустилось, чтобы строить дома и сеять рис.

Шел 1955 год — первый год новой жизни народа рук.

РАССКАЗ ТОВАРИЩА МАК ДЬОНГА, ВЬЕТНАМСКОГО АСПИРАНТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В МОСКВЕ

„Я был в деревне, где живут переселившиеся в долину люди рук, в 1966 году. Бывшие вечные кочевники заняты ныне сельским хозяйством. Они объединены в сельскохозяйственный кооператив. Его председатель товарищ Као Нен — член Партии трудящихся. Все дети рук ходят в школу. Взрослые тоже ходят в школу — вечером. Свою прошлую жизнь в пещерах они хорошо помнят, но рассказывать о ней не любят. На мой вопрос один из пожилых людей сказал: «Зачем тебе это? То была не жизнь...»

В нашем рассказе был пролог, но нет эпилога, ибо эпилог — это завершение. А эвакуация народа рук из каменного века в двадцатый еще не полностью закончена.

Где-то в горных джунглях на границе с Лаосом еще бродят потомки некогда бежавшего народа. И новые экспедиции отправляются на их поиски.

Эвакуация из каменного века продолжается...

завоевано доверие. Доверие тех, кто раньше не без оснований в каждом иноплеменнике видел врага, а теперь впервые встретил друзей.

Мы знаем, что на земле Вьетнама идет сейчас тяжелая, кровопролитная война. Знаем, что для того, чтобы победить в этой борьбе против американских агрессоров, нужно максимальное напряжение сил. И все же народ Демократической Республики Вьетнам не только сражается, но и строит. Мало того, он находит и средства, и специалистов, и терпение для того, чтобы решать такую нелегкую, но благородную задачу — спасение от вымирания целой народности, приобщение ее к современной культуре. И также как в ратной тяжелой борьбе, в этом мирном деле вьетнамский народ получает щедрую помощь от стран социалистического содружества. Конкретное выражение этой братской помощи принимает самые разнообразные формы. Одна из них — подготовка специалистов.

Многие молодые вьетнамцы окончили Московский и Ленинградский университеты, стажировались в Институте этнографии Академии наук СССР; в нем, как вы уже знаете, учится в аспирантуре и Мак Дьонг, который помог нам написать историю о племени рук.

А. ХАЗАНОВ, кандидат исторических наук

СХВАТКА НА СКЛОНЕ КАЛЬДЕРЫ

Рассказ

аряд пограничников шел вдоль рыбацкого села. Справа стояли дома с изгородями из старых сетей, накинутах на колья. Похоже было, что неводы просто повесили сушить. Слева в отлогий берег бил океанский накат.

Ветер подхватывал водяную пыль и обдавал ею лица. Морось пахла йодом и водорослями, тотчас высыхала, и губы стягивала горько-соленая пленка.

Пограничники шли неторопливо, но споро, тренированным шагом. Сапоги по щиколотку увязали в песке. Солдат Александр Тараданкин изредка ронял слова, просто чтобы не было тишины; ефрейтор Лев Новиков, старший в наряде, молчал.

Особенно внимательны они были в распадах. Здесь ветер очень быстро заносил следы, и через час отпечаток покрывался рубчатым извилистым свеем. Вдоль полосы прибора тянулся валик из гниющих, остро пахнущих водорослей, в которых поблескивали круглые стеклянные шары, белые кубики пенопласта — поплавки, оторвавшиеся от рыбацких сетей.

Участок заставы капитана Репкина считался сложным: близость чужого берега — пролив не насчитывал и двадцати миль, — частые штормы и густые туманы. Всего две недели назад туманной ночью заставу подняли по тревоге. У одного из бесчисленных мысов наскочила на камни японская шхуна. Судя по всему, она сбилась с курса и капитан представления не имел, где он находится. А может, и имел... Только шхуна начала тонуть. Пограничники в крошечной тьме спасали потерпевших...

Наряд прошел половину пути до стыка с соседней заставой. Перед ними рисовался прекрасный ориентир: в пролив вдавался скалистый хребтик — «непропуск». Очертания мыса напоминали морду лисы, поэтому он и назывался Лиса. Ни обойти его, что называется, ни объехать. Дозорную тропу пробили в скалах, как раз по «переносью» Лисы.

В глубоких сумерках среди темной зелени прибрежных зарослей светились бледные ароматные цветы магнолии. Густые заросли карликового бамбука, рододендронов перепутаны лианоподобными гортензиями.

— Видел? Еще два цветка распустились... — не стерпел Тараданкин.

— Дождь будет. Чувствуешь, как сильно пахнут? — отозвался Новиков.

Крутой тропинкой солдаты поднялись на скалистый «непропуск». Открылась ширь пролива. Тронутые сиреновой дымкой горы на чужом острове казались совсем близкими. Там вдоль берега двигался крошечный поезд. Над паровозом вился султанчик дыма. Несколько косых парусов застыли вдаль.

На пролив опустились сизые сумерки, чуть подкрашенные розовыми отсветами высоких перистых облаков.

Внизу, у подножья скал, мерно ухал накат. Ветер дул долгими порывами, словно переводя дыхание. Приземистые плоскокромные флаговые лиственницы утвердились на скалах, и их откиннутые в сторону острова ветви мерно шумели.

Тараданкин отчетливо различал коренастую фигуру идущего впереди ефрейтора. Мягкий свет звезд обрисовывал силуэт серебристым контуром. Различалась и уходящая ввысь скальная стенка справа, край тропы и обрыв слева, а внизу — плоские, будто блины, вершины лиственниц. Пограничники миновали «переносье» и двинулись по «щелке» Лисы — узкой щербатой тропке над обрывом. Вдруг скала, незыблемо выдерживавшая мощные удары наката, метнулась под ногами. Именно метнулась. Куда-то в сторону и вверх.

Тараданкин инстинктивно отпрянул от обрыва. Прижался к скале.

Замер. Затаился. Между ним и шедшим впереди Новиковым рухнуло что-то черное, огромное, со страшным шумом, заглушившим рев волн, брызнувшее искрами. Каменные осколки ударили по сапогам.

Скала снова метнулась под ногами, словно Тараданкин стоял на листе фанеры и кто-то ее дернул из-под ног. Послышался скрежет.

Тогда Александр почувствовал, что кричит. Это он понял — не услышал. И еще — он до крови разодрал пальцы, пытаясь зацепиться за гладкую поверхность скалы, что была перед ним. Наконец он подавил в себе ужас, парализовавший тело, и, обессиленный, опустился на тропу.

Некоторое время Александр сидел, тупо глядя перед собой в глухую темноту. А когда до сознания донесся все тот же неизменный гул наката, огляделся, увидел седую при свете звездного неба тропу. Она была пуста. Новиков исчез.

— Лева... — тихо позвал Тараданкин.

Он подумал, что Новиков успел укрыться за поворотом и вот-вот выйдет. Но из-за поворота никто не вышел, и никто не отозвался, когда Тараданкин крикнул, крикнул громко, раз, другой...

«Неужели его сшибло свалившейся глыбой? — От этой мысли Тараданкин похолодел. — Скинуло в океан?» Александр подполз к обрыву. Лицо обдало водяной пылью.

— Где же Новиков? Где же Новиков? — шептал он.

Вдруг рука нашарила на тропе выбоину. Раньше ее не было.

Глухой подземный рокот снова потряс скалу. Камни задрожали. Тараданкин отполз от края тропы и всем телом слушал: земля гудела внутри. Стихла. Саша подумал, что хорошо бы осветить фонарем подножье, но вспомнил: фонарь и ракетница у старшего наряда.

Руки и ноги, будто сами по себе, не слушались. Тело словно протестовало против попытки приблизиться к обрыву. Стиснув зубы, Саша заставил себя подобраться к краю тропы, хотя теперь уже почти не надеялся отыскать Новикова.

Но вот на фоне белой пены Саша заметил, будто шевельнулось что-то. Метра на три ниже тропы. У комля лиственницы, кое-как уцепившейся корнями за расселины. И тут сильный порыв ветра принес первые тяжелые капли дождя...

Муссонный ливень падал сплошной водяной массой. Всплыв на поверхность океана, они словно попали в водопад...

Джек Норимото сгоряча даже не обратил внимания, что ушиб колено. Было не до этого. Он и Гото Акира возились у валуна на берегу, прятали легководолазные скафандры.

Пока все шло так, как предсказывал этот Индо, подполковник из американской разведки «Си-Ай-Си», настоящее имя которого никто не знал. Их высадили точно в назначенном месте, которое было изучено ими с того берега: в устье речки, исчезающей в прибрежном песке, у трех камней. Отсюда они пройдут по пляжу, а дальше — вверх по руслу мелководной речонки. Самое трудное — войти на остров.

Они вышли на лодке перед полночью. Крохотная кавасаки под парусом, провонявшая рыбой и тухлятиной, с виду ничем не отличалась от тысячи других. Но когда понадобилось, капитан включил новехонький мощный мотор. Под завесой грозового ливня лодочка проскользнула в территориальные воды и приблизилась к берегу. Шум льющейся с неба воды был настолько плотен, что, наверное, в кабельтове от лодочки ее не было слышно.

Капитан остановил мотор и стал разворачивать суденышко. Сопровождавший их преподаватель американской шпионской школы тронул Гото за плечо: «Пора».

Они ушли под воду...

Джек и Гото вышли на советский берег с северной стороны мыса, где водяные гребни, разбивающиеся о склоны скал, были положе.

Вот тут Норимото и ударился коленом об острый выступ. Он пошел, придерживаясь за камни. Порой скалы нависали над ним, словно карниз. Здесь дождь почти не чувствовался. Лишь мелкая пыль обдавала лицо. Гото двигался прямо по пляжу, не скрываясь, и Джек подумал, что это просто глупо.

Там, где камни вплотную подходили к устью уходящей в прибрежный песок речки, Гото присоединился к Джеку. Они двинулись вверх по течению и шли долго.

Ливень будто обрезали. Но он должен был сделать свое дело — размыть их следы на песке. Небо очистилось, и появились яркие звезды...

Тараданкин различал на фоне как бы светящейся в ночи пены прибоя очертания человеческой фигуры. Новиков лежал у самого комля лиственницы. Он неминуемо свалился бы в воду, не задержав его случайно ствол дерева. Саша принялся кричать, звать товарища, но тот не отвечал.

Дождь застучал часто, напористо.

«А может быть, он мертв... — подумал Тарадан-

кин. — Мертва?» Даже мысль об этом показалась Саше невероятной.

Каких-нибудь три метра отделяли его от Новикова... Вот же он, внизу! Саша разглядел теперь даже его руки, бессильно повисшие над морем, ствол карабина у плеча. «Ремни! Конечно, ремни! Связать ремни! Поясной, брючный, а если не хватит, отстегнуть от карабина. А карабин чем не якорь! Закрепить его между камнями».

Все еще не веря, что выход найден, Александр сцепил скользкие, мокрые ремни, закрепил карабин и опустил связку.

Ливень разошелся вовсю. Вода била в глаза, рот, дышать было трудно — приходилось нагибать голову. Сквозь завесу усилившегося дождя Александр уже не различал, там ли, у сосны, Новиков. Острое сознание того, что он может на какую-то секунду опоздать, придавало ему силы. Александр спускался, перехватывая руками размякший, скользкий ремень. Он опустился до конца связки гораздо быстрее, чем ожидал. Но под ногами оказалась пустота.

«Где же листовница? — Он вцепился в ремень, но почувствовал, как тот медленно выползает из пальцев. Уже проскользнули две дырки. — А сколько же их всего? Пять? Шесть... Свалюсь! Погибну попусту сам! Но где же эта чертова листовница?»

Ремень все скользил в пальцах. Прошло уже третье отверстие. Тут он ощутил, как вытянутый носок ноги царапнул обо что-то.

«Ствол!» Чуть качнувшись, Александр уже без боязни пропустил меж пальцев четвертую дырку на ремне и почувствовал под ногой твердое. Глянув вниз, он увидел не ствол, а небольшой выступ. Ствол темнел немного в стороне и чуть ниже. Теперь, когда точка опоры была найдена, Александр держался одной рукой, а второй проверил, много ли ремня осталось, достаточно ли будет его, если шагнуть на ствол. По расчетам — едва-едва.

«Надо решаться... — подумал Саша. — Там я сниму ремень с Новикова и удлиню связку. Иначе мне его не вытянуть наверх».

Александр ступил рядом с Новиковым, перевесившись через ствол. Не выпуская из левой руки ремня, быстро отстегнул пряжку поясного ремня Новикова, нарастил связку и склонился над товарищем.

Но тут он вдруг ощутил, что ствол, уцепившийся корнями за расселины, начал подаваться вниз. Дерево, видимо, не выдерживало тяжести двоих. На раздумья оставались секунды. И Тараданкин закрепил узел на ремне карабина товарища.

Теперь нужно было выбираться и как можно скорее...

Поднявшись сам, он вытянул на тропу Новикова и совершенно обессилел.

Некоторое время просидел без движения. Потом, расстегнув ворот мундира Новикова, Саша дотронулся до его груди, ощутил слабые толчки сердца.

— Мы на тропе, — обрадовался Тараданкин. — Лева, мы на тропе. Было землетрясение, тебя сбросило, ударило...

— Не помню. Почему темно?

— Ночь. Фонарь был у тебя.

— Сбило с тропы... Фонарь унесло... И ракетница тоже утонула? Голова... Очень больно... Телефонная трубка у тебя цела? На заставу... доложи. Почему вода?

— Дождь. Ливень... Позвоним. Ты ногами пошевели — целы?

— Целы... Иди, иди.

Александр двинулся назад по тропе. Не прошел и двадцати шагов, как наткнулся на завал.

Тропа на «переносье» Лисы оказалась перекрытой. Стоило ступить на осыпь, как осколки покатались под обрыв. Сверху тоже застучали камни. Александр отскочил от опасного места.

«К заставе, выходит, прежним путем не добратся, — понял Тараданкин. — Придется берегом идти на стык с соседней...»

Александр отправился в долгий путь.

Добравшись, наконец, до стыка участков, Тараданкин отыскал телефонную розетку. Линия была нема. Оставив трубку включенной, чтобы, как только исправят повреждение, соседи знали об их попытке позвонить, Александр отправился назад.

Уже рассветало, остров затянуло туманом. Дождь кончился.

— Не дозвонился. Линия повреждена... — присаживаясь около Новикова, пробормотал Александр.

Лева не ответил. Тараданкин заглянул в его серое, обескровленное лицо.

— Надо выбираться наверх, к дороге, — сказал Тараданкин самому себе. — На вертолет надеяться не приходится. Надо выбираться...

Взяв руку Новикова, Александр ощутил, что того бьет сильный озноб. Сняв мундир, чуть подсохший во время ходьбы, он накрыл Леву поверх дождевика. Все потеплее. Туман очень сильный.

— До-зво-нил-ся? — сдерживая озноб, спросил старший наряда.

— Завалено.

— Что — туман?..

— И сильный.

— Осмотреть участок нужно.

Конечно, старший наряда прав, они так и не осмотрели тщательно берег. Теперь, при свете дня, он сможет увидеть больше. Тараданкин вздохнул:

— Я понял — необходимо осмотреть участок.

— Хорошо, что все понятно...

Тараданкин бодрился, но усталость, волнения прошлой ночи брали свое. Его шатало. Однако он снова спустился с «непропуска» и пошел берегом.

Пройдя шагов двадцать, Тараданкин остановился: надо действовать так, как если бы рядом шел старший наряда. И делать так, как делал обычно он. Только совсем медленно. От усталости можно что-то упустить, не заметить.

Сначала он двинулся по самому берегу, обходя валуны и осматривая песок вокруг них и вынесенный из океана пахучий валик водорослей, щепок, досок и буйков, оторвавшихся от рыбацких сетей. Потом он опять возвратился наискось через пляж к тому месту, откуда повел осмотр. Теперь его путь пролегал вдоль кустов. Ведь если бы они были вдвоем, это делалось бы одновременно.

Так он брел, петляя, километра два, ополаскивая лицо ледяной водой из пролива. Очередной раз плеснув в лицо пригоршню воды, от которой ломило пальцы, Александр собрался уже повернуть, но, посмотрев на темнеющий впереди причудливый обломок скалы у пролива, заметил себе, что не дошел до него. Каких-нибудь десять шагов.

Сначала он хотел махнуть рукой на эти десять шагов, которые сейчас стояли тысячи обычных, но выругал себя и, с трудом переставляя ноги, дви-

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ» — фантастический рассказ
Владимира Михайлова.

«КОРОЛЬ АЛМАЗНЫХ ПОЛЕЙ» — приключенческий рассказ
Дэна Джекобсона.

нулся к скале, похожей на орла, распластавшего крылья.

И там, в нише, образованной «крылом», Тараданкин увидел следы.

С этой минуты к нему пришло второе дыхание. Это ощущение было таким разительным, как если бы мгновенно исчез туман и солнце ярко осветило сверкающие прибрежные пески с купами шиповника на дюнах.

Припав на колено, Тараданкин стал осматривать следы. Всего несколько полуразмытых отпечатков вело от моря на остров. Вероятно, тот, кто вышел из моря, был здесь часа три назад.

«Спокойнее, — сказал себе Тараданкин. — Спокойнее». И вспомнил, что Новиков часто повторяет фразу начальника заставы: «Секунда спешки может обернуться лишними сутками преследования».

Александр снова склонился над следами: сапоги, видимо, резиновые, размер сорок второй. Выходило, рост нарушителя — метр семьдесят — метр семьдесят пять.

А вот и особенность — двигался он, прихрамывая на правую ногу. Шаг ее короткий, а след не так глубок. Однако нарушитель, наверное, пытался идти ровно, не очень щадя больную ногу.

Закончив осмотр следов, Тараданкин трижды выстрелил в воздух, что означало: «Обнаружен прорыв к нам. Веду преследование».

Он пересек пляж и подошел к зарослям низкорослого, карликового бамбука, словно трава, росшего меж кустами. Сплошной покров бамбука, жесткого и хрупкого, был не тронут. Если бы в него вошел человек, за ним потянулся бы след из поломанных растений. Александр несколько раз прошел вдоль зарослей по одну и по другую сторону ручья, который исчезал под песком пляжа.

Оставалось предположить одно: нарушитель хорошо знал местность в районе выхода и не кинулся на остров очертя голову, а двинулся вглубь по руслу ручья, чтобы скрыть следы. И Тараданкин вошел в ручей. Так ему было удобнее осматривать то один, то другой берег. Нарушитель мог выйти на любой.

По-прежнему стоял плотный туман.

Пройдя с километр, Александр натолкнулся на следы, ведущие из ручья. Заросли карликового бамбука снова помогли ему. Ход нарушителя был виден ясно. Тараданкин почти бежал по следу, выигрывая минуту за минутой.

Александр все время убеждался, что нарушитель знал остров, он двигался к развалюхе, что стояла на поляне у обрыва в распадок. Александр не сомневался, что нарушитель в избушке. Громко, не

таясь, он приказал воображаемым солдатам обойти развалюху справа и слева.

— Сдавайся! — крикнул он.

В избушке молчали. Ключья тумана едва шевелились меж кустов.

Изменив голос, Тараданкин приказал самому себе подойти к развалюхе. Выждал еще несколько секунд, стремительным броском преодолел поляну и рванул дверь избушки.

— Руки вверх!

Слева, на нарах, Александр увидел труп человека. На полу валялся пистолет.

«Да... Положеньице... — Александр вошел в избушку, присел на край скрипучего стола, отер пот с лица. — Со страху он, что ли? Выстрела я мог и не услышать. Пистолет-то бесшумный...»

Но тут он остановил взгляд на ногах мертвого. Подошел ближе. Сапоги резиновые, рыбацкие... Но размер! Они явно меньше тех, чьи следы Тараданкин видел в нише под «крылом».

Присев на корточки, Александр стал осматривать мокрый земляной пол — дождь проник через дырявую крышу. Следов было много. Но крупных он не увидел.

«Что же произошло? — думал Саша. — Наверное, я все же ошибся... Но где? В чем моя оплошность? Покончил с собой... Нет, такого я никогда не слышал, чтобы нарушитель стрелялся со страху...»

Гото Акира подумал, что ослышался, когда со стороны побережья донесся первый выстрел. Слабый, приглушенный плывущим внизу туманом. А здесь, наверху, куда он забрался, уже светило солнце и остров вот-вот должен был открыться его взору весь. И он увидел бы все, что интересовало его хозяев. Совсем недолго следовало пробыть на острове — два-три дня. Понаблюдать, привязать к карте некоторые объекты и сфотографировать их.

Затаив дыхание, Акира повернулся в ту сторону, откуда донесся звук.

Над туманной пеленой возвышались лишь три вершины, а слева вдали темнела Раусу, гора на Хоккайдо. Рукой подать. Акира посмотрел на нее с мольбой и надеждой.

Мгновение спустя раздался второй выстрел. Потом еще. Акира обратил внимание, что стрельба велась через неравные промежутки времени, и это должно было обозначать условный сигнал.

Усилим воли Акира заставил себя прикрыть глаза и вспомнить, как они высаживались. В своих поступках он не нашел ошибки. Он очень тщательно запрягал свой скафандр. Двигался прямо по песчаному пляжу, и, конечно, ливень тут же смыл его следы.

А Норимото? Был ли он так же осторожен? В школе Акира, как и другие японцы, недолюбливал Норимото. По рождению тот наполовину американец. Правда, Джек никогда не мог назвать своего отца. Но американцы относились к нему покровительно. И Норимото задирает нос. Не любили его за это.

Черт с ним, с Джеком Норимото! Однако Акира связан с ним теперь одной веревочкой. Главное сейчас — известно ли советским пограничникам, что на остров вышли двое? Двое... Опасная мысль пришла Акире, но он отогнал ее. И все же, кто оставил следы? Это важно. Второй может остаться незамеченным...

Джек выходил из воды у большого камня — вернее, скалы. Он опирался на нее рукой. Могли ли там, у камня, остаться его следы? Постаравшись

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

представить себе тот камень, Акира вспомнил, что, когда они еще готовились к высадке и с Хоккайдо изучали берег, то видели его. Камень походил на птицу с распростертыми крыльями. Под «крылом», в нише, прикрытой от дождя и ветра, могли остаться следы Джека Норимото. А потом, когда они вышли порознь к поляне, на которой стояла развалюха, Джек совсем выдохся, и Акира подтащил его на себе к нарам.

Как же Акира не подумал об этом раньше? И почему не подумал об этом Джек? Проклятый зазнайка! Но здесь у него нет покровителей. Погибать из-за неосторожности этого ублюдка? Ну нет! Поразмыслив, Акира, однако, решил, что еще не все потеряно. Ведь у них есть еще время, часа четыре, а то и пять. Погоня появится не тотчас. Они могут запутать следы, вызвать катер. Их успеют снять.

Гото поспешил к избушке-развалюхе, приютившей их. Она стояла у распадка. Ее единственное окно было обращено в сторону кручи. Акира открыл дверь. Джек спросил:

— Тебя заметили?

— Стреляли на побережье, — ответил Акира.

— Надо уходить.

Гото молчал. Он думал, нужны ли кому-либо они. Если и позаботятся, так не о них, а о тех материалах и данных, которые им поручено привезти.

— Я уже могу ходить, — сказал Норимото, посвоему истолковав молчание напарника.

Джек вскочил на нарах с такой легкостью, что Акира невольно подумал, не притворялся ли он, когда заставил нести себя. Ведь к избушке теперь вели только его, Гото, следы...

— Да, да... Конечно, — очень вежливо согласился Акира.

Джек посмотрел на него подозрительно. Или Гото так показалось? Норимото ходил по нарам, временами морщась от боли. Руки он держал в карманах куртки. И старался не поворачиваться к Акире спиной. Неожиданно он приблизился к Гото почти вплотную.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Акира.

— Я думаю, куда лучше подойти катеру, Джек, — улыбнулся Гото.

— Время... — Джек выстрелил, не вынимая пистолета из кармана.

Гото рухнул на нары, привалился на левый бок, из правой руки, которую он успел вытащить из кармана, выпал пистолет...

Норимото достал из рюкзака длинную веревку, прикрепил ее к косяку рамы и завязал шлюпочным узлом с двумя концами. Выглянул в окно. Избушка стояла над самым обрывом.

Норимото вылез в окно и, держась за один конец, спустился по веревке с обрыва. Став на землю, он дернул второй, свободный конец веревки. Узел развязался. Веревка упала к ногам Джека. Он положил ее в рюкзак.

Норимото отправился на юго-восток. Он очень спешил. Опираясь на срезанную по пути рогатину, как на костыль, Норимото двигался довольно быстро. Через два часа он подошел к подножью кальдеры Головнина и начал подниматься на склон по тропе. Иначе здесь и нельзя было пройти. Он решил укрыться на западной стороне кальдеры, обращенной к проливу. Оттуда он мог быстро спуститься к берегу. Он скажет, чтобы катер подослал сюда. Одновременно здесь, на господствующей высоте, Норимото обеспечивал и свою безопасность. Пограничникам трудно подойти к нему скрытно.

Он вышел на гребень кальдеры. Перед ним открылась гигантская, километра в четыре, котловина с большим озером посредине. По его берегам паровали сольфатары, словно огромные страусовые перья колыхались над ними.

Южный, дальний край кальдеры терялся в редком тумане. Западная, обращенная к Хоккайдо сторона была крута, густо поросла кустарником, но в ней река пробилась себе ущелье, по которому не так уж трудно быстро спуститься к месту, куда он попросит подойти катер.

На какое-то время Норимото ощутил себя в безопасности. Хоккайдо был рядом. Если не смотреть вниз, то можно представить, будто пролива вовсе нет и на Хоккайдо легко перебежать.

Достав из рюкзака портативный радиопередатчик, Джек связался со своей базой. Пускай запеленгуют. Пока придут, его здесь не будет.

«Катер!» — просигналил он комод.

«Ждите!» — последовал ответ.

«Я не могу ждать!»

«Свяжитесь через час», — ответил дежурный радист.

Норимото не ожидал такого ответа. Время — каждая минута! — работало против него.

Джек стоял на одной ноге — так меньше болело колено. Прижавшись грудью к камню, он смотрел в бинокль. В дрожащих окулярах он видел переваливающую через гребень тропу, по которой прошел.

Она была пустынна.

«Чего же это я растерялся? — одернул себя Тараданкин. — Будь на моем месте Новиков, он бы сразу решил, что надо делать. Как он говорит: «Чтобы отыскать ошибку в преследовании, надо вспомнить, на каком участке преследования ты мог быть менее внимателен». Так где? На берегу — нет. Когда обнаружил следы, ведшие из ручья? Нет. Я же пришел к избушке. В самоубийство нарушителя я не верю... Но ведь именно у избушки, выходя на поляну, я и был менее всего внимателен!»

Выйдя из развалюхи, Тараданкин вернулся на опушку. Склонился над следами и увидел, что следы, ведущие в избушку, были гораздо меньше тех, что он видел на берегу. Впопыхах, будучи уверен, что нарушитель в избушке, Александр проглядел и подошедшие к этим следам отпечатки больших сапог. Большие следы шли из зарослей и, встретившись со следами поменьше, исчезали...

«Да ведь я еще на берегу подметил — прихрамывал тот, кто выходил из воды у камня! Один шаг длиннее, другой короче! Хромого и высокого как раз и нет в развалюхе! — восторжествовал Александр. — Похоже, он был внесен туда напарником. Да его и шлепнул, чтобы сбить со следа...»

Тогда Тараданкин бегом вернулся в избушку. Он был уверен, что, уходя, нарушитель и убийца должен оставить хоть какую-нибудь приметку. Александр подошел к окну. Осмотрев подоконник, Тараданкин увидел вмятину, которую могла оставить веревка. На внешней стороне колоды остался такой же след.

Александр выбежал из избушки и стал искать мало-мальски пригодный ход в распадок. Далеко уходить не хотелось, и, рискуя сорваться, Тараданкин начал спускаться по круче, цепляясь за камни и кусты, выросшие в раселинах. На дне распадка он невольно глянул вверх и подумал, что никогда не поверил бы, что можно благополучно спуститься в этом месте.

Под обрывом на влажной земле он без труда нашел следы больших резиновых сапог. И опять он заметил, что шаг правой был короче: нарушитель хромал гораздо сильнее, чем там, на берегу. А на противоположной стороне распадка Александр, идя по следам, наткнулся на пенек свежесрезанного дерева.

«Костыль уже понадобился... Хромого я догоню быстро... А вот засаду он мне может устроить, если заметит, что я один», — подумал Тараданкин.

Поднявшись из распадка, Александр, как и предполагал, вышел на тропу, ведущую к кальдере Головнина. Вмятины от «костыля» виделись довольно

четко, и Тараданкин побежал. Свернуть с тропы на подъеме к кальдере было невозможно и человеку со здоровыми ногами. Слишком крут и каменист покрытый мхом и вьющимися растениями склон.

Александр остановился у самого выхода тропы на гребень, окружающий кальдеру.

«Э-э... Тут треба разжуваты», — как говорит старшина заставы. Выскочить в кальдеру — все равно что объявиться на цирковой арене, — подумал Тараданкин. — Потом не спрячешься — вся кальдера отлично просматривается с гребня».

И еще Александр прикинул, что на южной стороне нарушителю делать нечего. Он может думать лишь об одном — бегстве. Значит, он выберет склон, обращенный к Хоккайдо — северо-западный, если он ждет, что его снимут с острова. Ему нужно следить и за кальдерой — там по его следу должны появиться пограничники. И еще — за проливом. Сверху он увидит катер раньше. Успеет спуститься. На берегу ждать он не будет. Там — наряды.

Так и так получалось: нарушитель скрывается на гребне кальдеры.

Тогда Тараданкин свернул с тропы, немного не доходя до гребня. Склон здесь был хотя и крут, но не каменист, и деревья росли высокие: клены, ясени, ильмы, с редким подлеском. В нем удобно маскироваться, а скалистый гребень кальдеры просматривался очень хорошо. Александр перебирался от дерева к дереву не спеша и очень осторожно. Теперь его мог выдать малейший шум.

Он прошел примерно половину пути до ущелья, по которому текла речка, пропилившая стену кальдеры. Вдруг среди камней что-то шевельнулось. Но далеко. Александр поднялся к самым скалам, скинул сапоги, чтоб не так греметь камнями, и пополз меж острых глыб к лобастому камню. Каждую минуту его мог увидеть враг, каждую минуту...

Вот Тараданкин уже около камня. Он неслышно обогнул его и замер: на земле сидел человек и испугленно бил рацию о камни. Это было так неожиданно, что Саша оторопел, но в следующее мгновение, подняв глаза от обломков рации, увидел черное дуло пистолета.

Саша пригнулся — пуля просвистела над его головой. Прикладом карабина, снизу вверх, Александр подбил руку врага, пистолет упал на землю. Саша сделал шаг вперед, ударил противника прикладом по голове...

Увидев за поясом противника веревку, Тараданкин связал ему на всякий случай руки. Присев на камень, достал папиросу, но пальцы противно дрожали от усталости, и прикурить не удалось.

«Ладно... Потом... — решил Александр. — Взял без выстрела — чисто, как скажет капитан Репкин. Надо разжечь костер, чтобы знали, где я...»

Чуду самый близкий свидетель...

У лаборатории фенолога нет четырех стен. Стен у нее нет вообще. В списках ее оборудования не числятся синхрофазотроны, кибернетические машины, электронные микроскопы. Даже обыкновенными пробирками она не располагает. Глаз — вот главный наблюдательный «инструмент» фенолога.

Из года в год фенолог тщательно просматривает многокрасочную картину сезонных явлений природы. Что нового, однако, может подметить в середине XX века простой, ничем не вооруженный человеческий глаз?

Этот вопрос был обращен к собравшимся в «Клют-компани» фенологам — председателю бюро Фенологической комиссии Московского филиала Географического общества СССР А. А. Шиголеву и научному сотруднику комиссии А. Т. Ромашовой.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ШИГОЛЕВ:

— Что глаз наше единственное исследовательское «оружие» — это, пожалуй, преувеличение. Некоторыми метеорологическими приборами мы еще как пользуемся... От электронно-счетной машины мы бы тоже не отказались. А спутники уже помогают фенологии. Но об этом позже.

Фенология — наука о сезонных явлениях природы — молода. В нашей стране по-настоящему она возникла лет пятьдесят назад. А вот истоки ее следует искать во временах давних...

Представьте себя на месте крестьянина минувших столетий. Вот он вслушивается в первую песнь большой синицы, оглядывает весеннюю талую землю, и мучит его одна и та же тревожная мысль. Какой будет весна? Грянут ли поздние заморозки? Сеять когда? Дождь или солнце будет в пору жатвы? Ошибешься в сроках, не разгадаешь каверзы погоды — и ждет тебя голод...

Так из года в год, из поколения в поколение... Тут поневоле займешься фенологией.

Народные фенологические приметы — это, в сущности, попытка предугадать поведение природы. «Если на Николу на березе лист в полушку (небольшая монета), то к ильину дню клади хлеб в кадушку». Николин день приходится на 22 мая, а ильин день — на 2 августа. Вот вам, пожалуйста, план-прогноз развития природы на месяцы вперед: если к 22 мая листья берез будут с мелкую монету, то в первых числах августа можно будет начинать жатву. Как видите, зачатки долгосрочного прогноза существовали на Руси издавна...

Достоверны, правда, далеко не все приметы. Часто говорят: «Распускается дуб — значит, похолодает». Как сложилась эта примета, не знаю. Многолетние фенологические наблюдения доказали, что холод во время распускания дуба столь же обычен, как и тепло.

АЛЕВТИНА ТИМОФЕЕВНА РОМАШОВА:

— Тем не менее знание иных примет и сейчас не помешало бы земледельцам.

А. А. ШИГОЛЕВ:

— Проверенных и уточненных примет, добавьте. Вот, к случаю, пример корректировки достоверных народных примет. Говорят: «Ранняя весна обманчива». А что утверждаем мы? Мы говорим: хотите знать точно, будут или нет поздние заморозки? Если вы живете в Подмоскovie, понаблюдайте за серой ольхой. Это самое «весеннее» из всех деревьев — оно зацветает первым. Кроме того, это дерево — «предсказатель». Если оно зацветет у вас не позднее 8 апреля — ждите поздних заморозков.

Рискну немного отступить от темы. У каждой науки, как известно, своя специфика. Математика, насколько я знаю, мало прибегает к наблюдениям. В химии главное — опыт, эксперимент. Но отсюда вовсе не следует, что сейчас, в эпоху всеобщей технизации, прямые, чисто зрительные наблюдения ничего не могут дать науке. Они до сих пор очень широко развиты в зоологии, ботанике, геологии. Я не равняю фенологию с этими науками — по существу, она входит в состав и ботаники и зоологии. Наше поле деятельности — сезонные явления живой природы. Их надо наблюдать — прежде всего. Долго наблюдать — не год, не два, даже не одно десятилетие. Иная весна, или лето, или осень могут протекать в Подмоскovie так, словно оно переместилось к Полярному кругу. А в другую весну Москва способна «переселиться» на Северный Кавказ. На ожидание этих редкостных лет уходят десятилетия (самая ранняя весна за время систематических фенологических наблюдений была в Москве в 1921 году, самая поздняя — в 1941-м). Но даже «обычные фенологические годы» имеют свои особенности. Судите сами, сколько лет, в скольких пунктах и скольким людям надо наблюдать, чтобы накопился материал, пригодный для обобщений и выводов.

Над разливом.

Фотоэтиюд Дм. ЖИТЕНЕВА

Известно, например: все сезонные явления природы в средних широтах всегда и везде совершаются в строгой последовательности. Порядок «что после чего» цветет, распускается, плодоносит очень строг. Он может сдвигаться — и только.

«Как же так? — говорят нам иногда. — Я сам своими глазами в таком-то году наблюдал, как вишня зацвела вне вашего «расписания» — после начала цветения сирени. Как вы можете после этого возводить в закон, что вишня всегда зацветает за несколько дней до начала цветения сирени?»

Что еще нужно фенологу, так это бесконечное терпение... В своих выводах он, повторяю, не может полагаться на наблюдения, не выверенные годами и годами. Да, случается, что некоторые деревья «выбиваются из расписания». Опровергает ли это закономерность? Нисколько. Очень сильные морозы могут убить цветочные почки, и тогда весной цветки той же вишни появятся лишь на кончиках веток. Там самые морозостойкие почки. Но цветки из них появляются последними... И вишня «нарушает график» (кстати сказать, по состоянию цветочных почек уже зимой можно судить, будет ли урожай).

Еще любопытней другое. У растений умеренного климата есть свой «биологический нуль». Уже бурно тает снег, и солнце светит вовсю, а подавляющего большинства растений все это словно и не касается — они спят зимним сном. Они пробуждаются, лишь когда температура перевалит через отметку плюс пять градусов. Плюс пять градусов — вот биологическая граница, которая в наших широтах отделяет зиму от вегетационной весны. (Для растений южного происхождения она выше.) Плюс пять градусов — и точно будильник звонит в лесах: «Пробудись!» Однако найти «биологический нуль» удалось только после длительных наблюдений...

И другая группа фактов. В один и тот же день начинается цветение березы бородавчатой, клена ясенелистного, тополя душистого, осокоря... Почти одновременно, с интервалом, как правило, в день-два, зацветают яблоня, дуб, сирень. А ведь растения-то все разные! А зацветают они строго согласованно, как по команде. Случайность?

Допустим, случайность. А то, что все деревья всегда и везде строго соблюдают график кому за кем цвести, кому за кем выбрасывать листочки — это тоже случайность? Нет уж, за всем этим скрывается что-то очень важное... Что? Весенним развитием древесных растений управляет не свет, не влага, не питательность почвы, а температура, вот что! Только температура.

Непривычно как-то... Очень много споров вызывал этот вывод. Но если вдуматься, ничего странного тут нет. Многие виды зацветают до появления листьев, когда фотосинтез еще не начался, поэтому не все ли равно растениям: солнце в небе или пасмурно? Влага весной всегда избыток, а питательные вещества для весеннего развития растения запасы еще с осени. Так и получается, что весной у древесных растений один хозяин — температура.

Из этого следует многое... Фенологические прогнозы составляются и используются уже более тридцати лет. Но точность их очень зависит от точности прогнозов метеорологии. А сейчас благодаря метеоспутникам, геофизическим ракетам, автоматическим метеостанциям, машинной обработке данных она быстро улучшается. И вот когда удастся строго рассчитать температурный режим весны, мы составим такой график развития растений, что пунктуальностью он поспорит с железно-

дорожным расписанием. И день, «когда что сажать и сеять», тоже будет в этом графике. Ну, а уж после этого сравнительно нетрудно будет прикинуть, что когда созреет. Я умалчиваю, конечно, о некоторых трудностях, но только потому, что это уже не принципиальные трудности. То будущее, когда фенологические прогнозы станут точными, уже не за горами. И тогда хочешь не хочешь, а придется фенологам взять на вооружение электронно-счетные машины...

А. Т. РОМАШОВА:

— Они и сейчас нужны. Каждый год к нам в комиссию от наблюдателей стекаются десятки тысяч сообщений, а в них сотни тысяч цифр. У нас около трехсот наблюдателей-добровольцев. Среди них довольно много школьников. Скептики, может быть, думают, что в наши дни, если у человека нет высшего образования, если он живет в глухомани, то и путь к исследовательской работе ему наглухо закрыт. К нашей — нет. Научиться наблюдать с пользой для науки сезонные явления природы может каждый. Конечно, это не так просто, как кажется: посмотрел — записал. Что посмотрел, что записал? Выбрал деревья, травы, находящиеся в нетипичных условиях, — вот и ошибки. Поленился, опоздал посетить лес, луг или поле — и в Москву идет неверная дата начала или конца какого-то явления. Дождь ли там, непогода — нет уж, тут будь любезен идти на свидание с природой чуть не каждый день. С ранней весны по глухую осень, как на работу. Я уж не говорю о том, что виды деревьев, трав, птиц надо знать и не путать. Аккуратность, точность в наблюдениях — вот качества, без которых нет фенолога.

Сердисься иногда на фенологов-любителей за ошибки, а все равно на душе тепло. Хорошо работают, увлеченно и с пользой!.. Ежегодно на основе их наблюдений составляются и публикуются фенологические обзоры.

Александр Алексеевич говорил больше о закономерностях, присущих растениям. Но фенологи наблюдают также за жизнью животных, прежде всего птиц. И просто поразительно, как тут все согласованно одно с другим. Что означает, например, первое кукование кукушки? Уверена, многие пожмут плечами, затрудняясь ответить. Но если я скажу ответ, все дружно воскликнут: «Так это же самоочевидно!» Но я поведу с объяснениями, попробуйте пока сами догадаться.

Скажу я пока вот что. Не будем слишком обольщаться нашими знаниями. Да, нам ясны уже многие закономерности сезонных явлений природы. Но неясных гораздо больше. А что скрывается за ними?

А. А. ШИГОЛЕВ:

— Темных мест и в самом деле немало. Вот, скажем, вторичное цветение. Вдруг осенью зацвела сирень или вишня... С чего бы им себе во вред цвести в неполаженное время? Вторичное цветение бывает в те годы, когда в июне стоит жаркая, сухая погода, а потом начинают лить дожди. А вот глубинная первопричина... Есть такая гипотеза. Вторичное цветение — это «память» некоторых видов растений о тех древних временах, когда в наших широтах не было зим. В предшествующем геологическом периоде в центральных районах Европы бок о бок с магнолиями, пальмами, бананами росли дуб, ива, клен, тополь. Кстати, листву они и тогда сбрасывали... Потом климат похолодал, одни растения отступили на юг, другие остались. Как? Что? Почему? Вот в какие дебри уводит нас феномен вторичного цветения...

Мало еще наблюдений, вот беда! Обобщения обобщениями, а для многих мест мы не можем даже составить точного фенологического календаря — не хватает наблюдателей.

А. Т. РОМАШОВА:

— Я думаю, вы тем временем догадались, что означает первое кукование кукушки? Совершенно верно. Это сигнал о том, что по стволам деревьев начали ползать гусеницы. И что, в частности, пора начинать борьбу с этими вредителями.

Это простейший пример всеобщей согласованности сезонных явлений природы. Насекомоядным птицам нечего делать в наших лесах до появления насекомых. А насекомые появятся, лишь когда набухнут почки, проклюнется зелень.

Однако фенологические наблюдения за приро-

дой — это не только наука, но и поэзия. Всякий год совершается чудо пробуждения и развития природы, всякий раз оно удивительно и неповторимо. Может быть, во мне говорит профессиональная гордость, но фенолог, по-моему, этому чуду самый близкий свидетель...

О роли же непрофессиональных фенологов пусть скажет хотя бы такой факт. Ученики средней школы № 1 города Кузнецка Пензенской области на основе фенологических наблюдений установили, что в их районе лучший срок посева кукурузы на зерно — время зацветания черемухи, а наиболее выгодный сорт — «Кремнистая скороспелая».

Не будем преуменьшать: ребята сделали небольшое научное открытие.

Записал Д. БИЛЕНКИН

СОЗДАЕТСЯ ВСЕПЛАНЕТНАЯ СИСТЕМА НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ПОГОДОЙ.

В ближайшие годы вся Земля будет покрыта сетью станций наблюдения, наибольшее расстояние между которыми — тысяча километров на суше и полторы тысячи в океане. В систему войдут и метеорологические спутники. Все сведения о погоде будут стекаться в три мировых центра — Москву, Вашингтон, Мельбурн и в несколько региональных центров. Создание такой всемирной системы наблюдений за погодой должно резко повысить достоверность долгосрочных прогнозов, помочь науке найти подступы к крупномасштабному искусственному воздействию на погоду и климат.

УРОВЕНЬ ЧЕРНОГО МОРЯ НЕПРЕРЫВНО КОЛЕБЛЕТСЯ,

и максимальная разница между низшим и высшим положением всего зеркала моря или отдельных его участков составляет 169 сантиметров. Эту цифру назвали румынские ученые. Наибольшее влияние на уровень воды, по их мнению, оказывают ветры. При 12-балльном ветре, дующем с северо-востока, уровень воды может повыситься на метр. Заметно влияет на Черное море Дунай: в первой половине года из-за обильного притока дунайской воды уровень бывает выше, чем во втором полугодии. А вот приливы и отливы колеблют уровень Черного моря очень слабо.

В НОЯБРЕ 1967 ГОДА НА ЛУНЕ БЫЛО ОТМЕЧЕНО СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ. Солнце уже скрылось за лунным горизонтом, как вдруг по краю лунного диска вспыхнула какая-то яркая линия.

Это явление зафиксировали камеры американского аппарата «Сер-

вейор-6», который в это время находился на Луне и вел съемку. Сотрудник Годдардского центра космических полетов Джон О'Киф объяснил этот феномен следующим образом. Над лунной поверхностью, по его мнению, висит разреженный слой очень мелкой пыли. В нем преломились лучи зашедшего Солнца, и таким образом на мгновение вспыхнула полоска света.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

КЛАДЫ ПОД ВОЛНАМИ.

Недавно сообщалось, что на балтийском побережье, вблизи Клайпеды, под волнами открыто месторождение редких металлов. И вот новое сообщение: в советских прибрежных водах Японского моря обнаружены проявления золота и оловянного камня — касситерита. Туда для разведки направляется экспедиция геологов и океанологов.

АВСТРАЛИЙСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЯН КИДДА ПРЕДЛОЖИЛ «ПОПРАВКИ» ГЕОГРАФИИ МАТЕРИКА. По его проекту от Индийского океана должны быть проведены каналы к пересыхающему озеру Эйр, расположенному в центральной части Австралии. Внутриаавстралийское море изменит климат, сделает его

более влажным, благодаря чему пустыня, занимающая значительную часть континента, смогла бы стать пригодной для освоения.

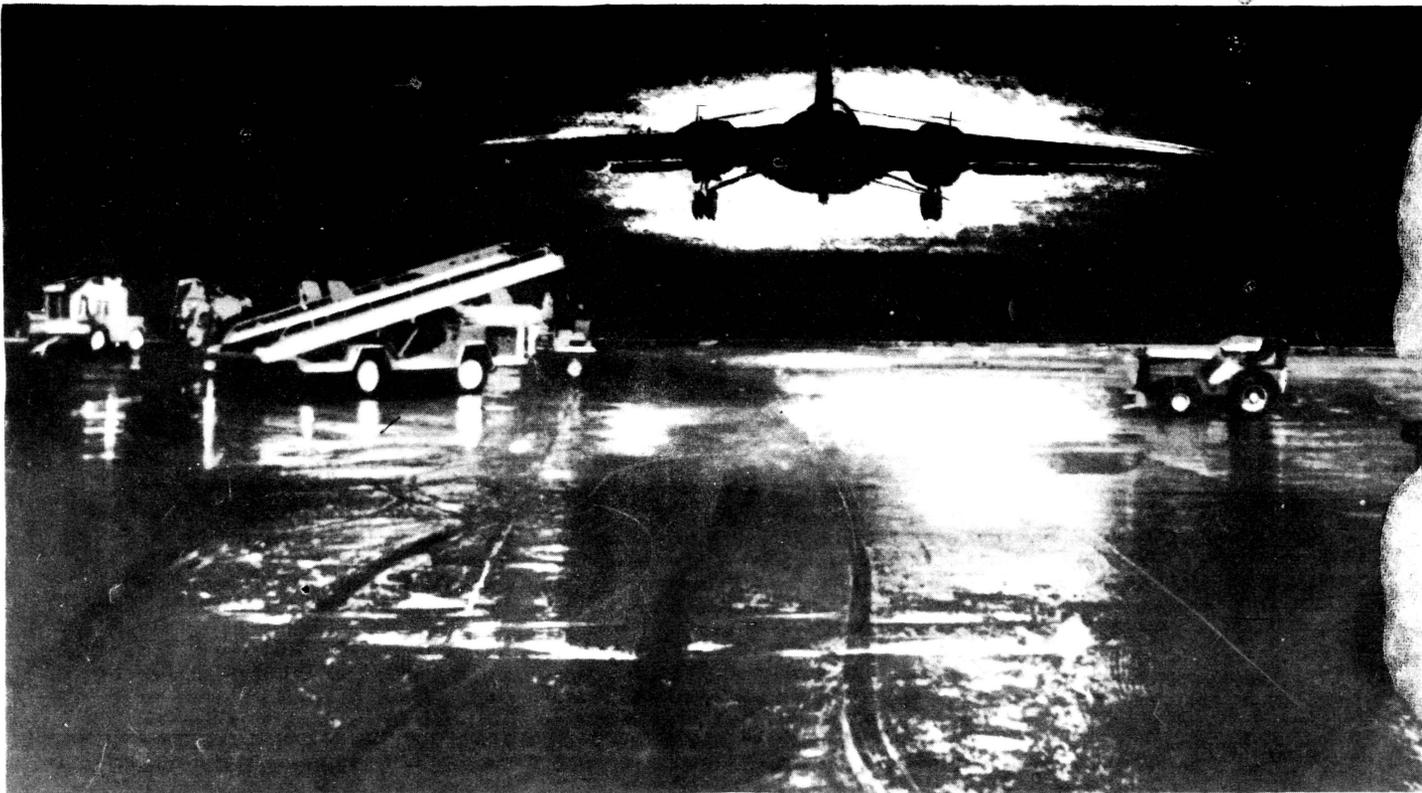
ПРЕДСТОИТ ОБНАРУЖИТЬ ЕЩЕ ТРИ СПУТНИКА БОЛЬШИХ ПЛАНЕТ.

Так считают Э. Боуэлл (Медонская обсерватория), Л. Уилсон (обсерватория Лондонского университета). Аналогичную гипотезу выдвинул шведский астроном Альфен. Надо искать, говорят они, одиннадцатый спутник Сатурна, чьи размеры меньше Януса — десятого спутника Сатурна, открытого год с лишним назад. Неизвестные спутники предполагаются также у Юпитера и Урана.

ВЕЛЬВИЧИЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ ОПРАВДАЛА СВОЕ НАЗВАНИЕ.

Вельвичия удивительная растет в прибрежных пустынях Юго-Западной Африки. Ее ствол часто имеет в поперечнике более метра, но едва возвышается над поверхностью почвы. За всю свою жизнь вельвичия удосуживается отрастить только два листа...

До сих пор считалось, что вельвичия живет около ста лет. Но вот в пустыне Намиб был встречен огромный экземпляр вельвичии, и кусочек отмершей ткани листа был подвергнут радиоуглеродному анализу. И тогда вельвичия снова оправдала свое определение — «удивительная». Возраст еще цветущего экземпляра оказался воистину поразительным — 950 лет. Значит, возраст растения вполне может превысить 1000 лет! Так в один ряд с долгожителями растительного царства дубом, тисом, баобабом, секвойей встала приземлистая вельвичия. Это явилось полной неожиданностью для ботаников всего мира.

С. МИЛИН

Любопытные вещи случаются на
бульваре Сен-Жермен
(Из французских газет)

У бульвара Сен-Жермен, как и у многих других парижских улиц, две жизни. Вечером он напоминает загулявшего нувориша. Это сходство еще больше усиливается в короткие утренние часы, когда бульвар кажется уставшим и словно поблекшим после бессонной ночи. Но вот наступает полдень, и Сен-Жермен меняет лицо. Теперь это непрерывно меняющийся калейдоскоп людей всех занятий, в том числе и неутомимых туристов.

Именно на бульваре Сен-Жермен 29 октября 1965 года произошло событие, которому вскоре суждено было приковать к себе всеобщее внимание.

ЗАПАДНЯ У КАФЕ «ЛИПП»

— ...Хильдеберт, сын Кловиса, короля франков, построил в VI веке церковь во славу пресвятого креста и святого Винсента, где и был похоронен. Там же после Хильдеберта похоронили святого Жермена, епископа Парижского... Это самая древняя церковь Парижа, — заученно убеждал гид группу туристов, столпившихся на перекрестке у церкви Сен-Жермен-де-Пре.

Его пронзительный, сорванный голос, перекрывавший уличный шум, привлек внимание двух случайных прохожих. Любопытство, с которым они как по команде взглянули на островерхий пенал колокольни, явно выдавало приезжих. Один из них, невысокий юноша с темными живыми глазами и чер-

ными как смоль усиками, прислушиваясь к рассказу гида, даже замедлил шаги, а затем и вовсе остановился. Его спутник, заметив, что остался в одиночестве, вопросительно оглянулся. Под его взглядом юноша встрепенулся и с чуть смущенным видом собрался было покинуть неожиданно подвернувшуюся бесплатную лекцию. Однако второй с улыбкой успокаивающе махнул рукой и один стал переходить улицу.

— ...В новом нефе использованы колонны первичной постройки, — неслись вслед слова гида, — ...до некоторой степени образцом романского зодчества... Здесь находилось бенедиктинское аббатство...

Но мысли художавого смуглолицого мужчины витали далеко и от церкви Сен-Жермен-де-Пре и вообще от Парижа. Перед его взором как наяву стояли красные скалы покинутой родины, красные песок и глина, из которых там лепят дома и мечети, укрепления касбы¹, сожженные солнцем и изрытые морщинами точно так же, как иссохшая земля пустыни.

— Мосье Мехди бен Барка? — голос был негромкий, но с явной ноткой профессиональной власти.

Мужчина резко повернулся. Оттесняя его к краю тротуара, сбоку и чуть впереди стояли двое.

— Да. А что вам угодно?

— Полиция, — коротко сказал тот, что пониже, небрежно сунув в лицо бен Барке пластмассовую карточку-удостоверение. — Просим следовать за нами.

Тем временем другой полицейский мягко, но на-

¹ К а с б а — городская цитадель, замок.

ПОХИЩЕНИЕ на бульваре Сен-Жермен

стойчиво потянул бен Барку к бесшумно остановившемуся в этот момент у тротуара черному лимузину.

— Позвольте, но у меня назначено деловое свидание, я должен... — попытался протестовать бен Барка.

Он уже хотел повернуться и крикнуть через улицу своему отставшему спутнику, но не успел. Задняя дверца машины распахнулась, и чьи-то руки помогли полицейским мгновенно втащить его внутрь. Автомобиль резко рванул с места, за окном пестрой лентой замелькали прохожие.

Поначалу задержанный даже не заметил, в каком направлении идет машина. На все его недоуменные вопросы и протесты полицейские коротко отвечали, что с ним хотят побеседовать, причем эта встреча в интересах самого бен Барки: он — эмигрант, у себя на родине, в Марокко, приговорен к смертной казни, поэтому излишняя гласность отнюдь не желательна.

Бен Барка подчинился, отбросив возникшее мимолетное подозрение. В конце концов это Париж, а не Чикаго, да и непрошенные «компаньоны», несомненно, офицеры полиции, а не гангстеры. Чего же волноваться? Разве он не добился у парижской полиции официальных гарантий своей безопасности еще во время прошлого приезда во Францию в августе месяце? Досадно только, что не удалось предупредить оставшегося у церкви Сен-Жермен-де-Пре талиба¹ Тами Аземмури, и теперь издатель Жорж Фигон и журналист Филипп Бернье напрасно ждут его в кафе «Липп».

¹ Т а л и б — студент (арабск.).

СЛЕДСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Итак, в 12 часов 30 минут дня на бульваре Сен-Жермен встретились трое людей. Коротко о чем-то поговорили, сели в машину и уехали. Все произошло так быстро, а главное, настолько обыденно, что никто из десятков парижан, находившихся в этот момент у перекрестка Сен-Жермен-де-Пре, не обратил на них внимания. С другой стороны, бен Барка довольно часто выезжал из Женевы — своего постоянного местожительства, и вряд ли кто-нибудь мог хватиться его там в ближайшее время. Однако в тщательно продуманный план похитителей вмешались непредвиденные обстоятельства.

Тами Аземмури страстно увлекался историей. Стоит ли удивляться, что имена Хильдеберта, Кловиса, святого Винсента подействовали на него подобно магниту. Однако, прислушиваясь к рассказу гида, студент продолжал машинально следить за переходящим улицу бен Баркой. В первый момент он был настолько поражен происшедшим, что смысл его не дошел до сознания. И только потом, когда автомобиль скрылся из виду, Аземмури сообразил: ведь бен Барку насильно втащили в машину.

Обратиться за помощью к полицейскому? Но кто поверит, что в центре Парижа среди бела дня произошло похищение? Да и похищение ли это? Слишком уж уверенно держались подошедшие к бен Барке люди. Может быть, арест? Единственный выход — срочно известить друзей-марокканцев, живущих в Париже!

...Еще накануне Мехди бен Барка был далек от мысли лететь в Париж. У него были дела в Женеве в связи с подготовкой к Конференции солидарности в Гаване. Срочный вызов от французского издателя Жоржа Фигона нарушил все планы. Фигон соглашался финансировать съемки фильма «Баста», о крушении колониализма в Африке, и просил приехать для окончательных переговоров с журналистом Филиппом Бернье, взявшимся написать сценарий. Бен Барке же хотелось через два месяца показать фильм на конференции. Времени оставалось в обрез, дорог был каждый день.

В 11.40 бен Барка и студент-историк Тами Аземмури, которого он решил привлечь к написанию сценария, встретились в Латинском квартале у станции метро Одеон, откуда не спеша пошли по бульвару Сен-Жермен. В 12.30 бен Барку увезли в неизвестном направлении.

И если бы не этот случайно оказавшийся на месте свидетель преступления, возможно, о похищении марокканского общественного деятеля так никогда и не узнали бы.

...Вечером брат Мехди — Абделькадер, с которым бен Барка успел с утра созвониться, напрасно ожидал его в театре «Гэте-Монпарнас». После спектакля, не на шутку встревоженный, он принялся обзванивать знакомых, которым могло быть что-либо известно о бен Барке. Лишь поздней ночью Абделькадер узнал о происшествии на бульваре Сен-Жермен.

В субботу 30 октября Абделькадер и Аземмури обратились в полицию. Но ни во Дворце правосудия на площади Лютеции, ни в префектуре на бульваре Пале никто ничего не знал о предполагаемом аресте бен Барки. Тогда марокканцы подали дежурному комиссару официальное заявление о вероятном похищении.

Увы, в силу обстоятельств оно было слишком лаконично. 29 октября марокканец Мехди бен Барка, 45 лет, бывший профессор математики Рабатского университета, прилетевший в Париж из Женевы, около 12 часов похищен на бульваре Сен-Жермен, у кафе «Липп», неизвестными лицами. Цель приезда в Париж — переговоры с журналистом Бернье о съемках фильма.

В воскресенье 31 октября расследование было поручено комиссару уголовной полиции Маршану. Последний, хотя и слыл опытным сыщиком, не интересовался политикой и никогда не слышал о Мехди бен Барке. Исходные данные были более чем скромные: искать черный «пежо» среди 750 тысяч легковых машин в Париже — задача, по сути дела, безнадежная. Лиц похитителей никто не заметил. Фамилия же Бернье, к которому направлялся в кафе «Липп» марокканец, очевидно, вымышленная. Короче говоря, Маршан взялся за дело бен Барки без особого энтузиазма. Да, впрочем, и надежды на успех.

Однако уже через несколько часов от первоначального настроения не осталось и следа. Маршан начал с того, что решил пополнить свои познания в области международной политики. Покопавшись в досье на марокканских эмигрантов, Маршан пришел к выводу, что в данном случае скорее всего замешана политика, причем политика большого калибра.

В 1959 году Мехди бен Барка, активный участник освободительного движения в Марокко и генеральный секретарь Касабланкской федерации буржуазной партии Истикляля, создал из отколовшегося левого крыла этой партии новую политическую организацию — Национальный союз народных сил. Эта демократическая партия ставила своей задачей проведение прогрессивных реформ, борьбу с феодализмом, а главное — с империализмом. Она быстро завоевала симпатии широких кругов марокканских трудящихся и передовой интеллигенции, стала играть важную роль в жизни страны. Ее успехи встревожили реакционные круги. На Национальный союз народных сил обрушились репрессии. Летом 1963 года многие руководители союза были брошены в тюрьму по обвинению в «заговоре». Бен Барке чудом удалось избежать ареста и уехать за границу. Тем не менее 10 ноября 1963 года его обвинили в государственной измене, выразившейся в призыве к мирному урегулированию алжиро-марокканского конфликта, и заочно приговорили к смертной казни.

В эмиграции бен Барка остается одним из главных руководителей марокканской оппозиции. Он по-прежнему пользуется большим влиянием и у себя в стране и в других молодых государствах, от-

дает много сил международному движению афроазиатской солидарности. Его избирают председателем Международного подготовительного комитета по проведению первой Конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, которая должна состояться в январе 1966 года в Гаване.

Комиссар смекнул: малейшая оплошность, и дело с похищением бен Барки может обернуться для Франции международным скандалом.

Взволнованный Маршан поспешил доложить своему непосредственному начальнику — руководителю отдела уголовной полиции Бувье, а тот немедленно поставил в известность о чрезвычайном происшествии префекта Мориса Папона. Несмотря на воскресный день, уголовная полиция Парижа была поднята на ноги и брошена на поиски преступников. Однако с первых же шагов начались неудачи. Единственный свидетель похищения — марокканский студент Тами Аземмури бесследно исчез. А на бульваре Сен-Жермен никто не мог припомнить сцены похищения, хотя были опрошены десятки людей.

ЗАПУТАННЫЙ КЛУБОК

Как это часто бывает, успех пришел там, где его не ждали... Оказалось, что журналист Филипп Бернье — действительное лицо. На допросе он подтвердил, что 29 октября в полдень находился в кафе «Липп», где вместе с издателем Жоржем Фигонном должен был встретиться с марокканцем Мехди бен Баркой. Да, ему известно, что бен Барка — видный деятель международного левого движения. Поэтому-то он и согласился на предложение Фигона написать сценарий кинофильма для бен Барки. Кто еще должен был присутствовать в кафе «Липп» или участвовать в работе над фильмом, Бернье не знал.

Увы, журналист не имел ни малейшего представления и о том, где могут находиться бен Барка или издатель Фигон. Ни тот, ни другой не пришли на встречу в тот день.

Впрочем, и этого оказалось достаточно, чтобы полиция удвоила энергию. В пухлом досье, хранившемся в ее архивах, Жорж Фигон значился отнюдь не «издателем», а крупным бандитом-рецидивистом. Его причастность к похищению бен Барки была очевидна.

Полиции не составило большого труда установить адрес «конторы Фигона». Однако, когда агенты появились там, владельца на месте не оказалось. Не дали ничего и обыски в нескольких меблированных квартирах, которыми, по имевшимся данным, пользовался гангстер. Фигон как в воду канул. Следствие зашло в тупик.

Тайна похищения бен Барки приоткрылась совершенно неожиданным образом, придав делу неожиданный поворот. Утром 2 ноября подполковник Леруа, сотрудник французской «Службы внешней документации и контрразведки» (СДЕКЕ), по приказу своего шефа генерала Жакье сообщил комиссару Сомвею, начальнику канцелярии префекта полиции, о том, что в похищении замешан их негласный агент Антуан Лопес. Этот человек, числившийся во французской контрразведке под кличкой «Дон Педро», официально работал в компании «Эр Франс» и ведал промежуточным пунктом посадки в аэропорту Орли. По утверждению подполковника Леруа, в данном случае он действовал на свой страх, без санкции руководства СДЕКЕ.

Допрос Лопеса дал поистине невероятные результаты. Оказалось, что в похищении бен Барки замешаны... двое полицейских: Луи Сушон и Роже Вуато. Именно они задержали марокканского эмигранта на бульваре Сен-Жермен и доставили на виллу в парижском пригороде Фонтене-ле-Виконт.

Представшие перед следователем полицейские были еще более разговорчивы. Сушон, в частности, показал, что 28 октября в 22 часа к нему обратился Антуан Лопес, которого он знал несколько лет и считал крупным контрразведчиком. «Дон Педро» спросил, не поможет ли он в организации негласной встречи на загородной вилле двух видных марокканских деятелей — лидера оппозиции Мехди бен Барки и полномочного представителя короля Хасана II. Уверенность Сушона в абсолютной законности предстоящей операции была так велика, что 29 октября перед уходом вместе с Вуато из полицейского бюро на набережной Орфевр он даже похвастался коллегам: «Сегодня мы работаем с Лопесом». Вуато же просто исполнял его приказания.

Все произошло именно так, как рассказывал брату бен Барки — Абделькадеру марокканский студент Тами Аземмури. Взяв полицейский автомобиль «пежо-403», полицейские, Лопес и неизвестный им атлетически сложенный мужчина отправились на бульвар Сен-Жермен. «Верзила», как окрестил неизвестного Вуато, остался в машине, а Сушон, Вуато и Лопес порознь стали прогуливаться неподалеку от входа в кафе «Липп». Они прождали около полутора часов и уже собирались покинуть пост и заняться своими делами, когда «Дон Педро» подал условный знак. Кинувшись к машине, он на ходу бросил Сушону, показывая на смуглолицего прохожего: «Вот он». К Вуато, который в эту минуту стоял немного в стороне, тоже подскочил какой-то мужчина и шепнул на ухо: «Идет бен Барка. Я покажу вам его». Позднее Вуато по фотографии опознал в этом незнакомце «издателя» Жоржа Фигона.

Сушон и Вуато подошли к бен Барке. Сушон показал полицейское удостоверение. Лопес подал машину.

По пути на виллу Фонтене-ле-Виконт, что находится в тридцати километрах от Парижа, Лопес несколько раз показывал дорогу сидевшему за рулем Сушону. Сзади между «Верзилой» и Вуато был бен Барка. Марокканец вел себя абсолютно спокойно, и лишь когда автомобиль выехал на автостраду № 7, ведущую к Орли, попросил вернуться в город на аэровокзал Энвалид: захватить сданный на хранение чемодан, решив, что полицейские собираются выслать его из страны. «Я уверен, что не совершил никаких враждебных действий по отношению к Франции», — добавил бен Барка.

У виллы машину ждал, по-видимому, сам хозяин. Приглашая бен Барку в дом, он любезно поклонился и произнес: «Мсье, здесь вы в полной безопасности». Оба полицейских с Лопесом сразу же вернулись в Париж и о дальнейшем развитии событий никаких сведений не имеют.

Следователь Золлинже тут же прервал допрос и немедленно направил в Фонтене-ле-Виконт полицию.

Чистенькая вилла за живой изгородью встретила их могилой тишиной. Жалюзи опущены. Аккуратно прибранные комнаты, заставленные легкой современной мебелью, просторный холл с большой коллекцией восточного оружия на стенах, две

спальни, кухня, кладовая, ванные — все казалось нежилым. Даже асфальтовая площадка перед виллой и две мраморные ступеньки у дверей были идеально чистыми. Да и по соседству никто ничего не знал и не видел, хотя, судя по показаниям Сушона и Вуато, всего за пять дней до этого именно сюда был доставлен бен Барка.

ВТОРОЕ ПРИЗНАНИЕ ЛОПЕСА

Итак, подведем первые итоги следствия. К концу недели было твердо установлено, что бен Барку заманил в ловушку гангстер Жорж Фигон. Само похищение провели полицейские Сушон и Вуато, которым помогали тайный агент СДЕКЕ Лопес — «Дон Педро» и еще один неизвестный. Марокканца доставили на виллу в Фонтене-ле-Виконт, которая, как выяснилось, принадлежала другому уголовнику — Жоржу Бушсешу. Последний успел скрыться. Об остальном же оставалось только гадать.

Наконец, снова заговорил Лопес. Правда, в самой фигуре «Дон Педро» было столько противоречивого и, мягко говоря, компрометирующего, что даже его «откровенные признания» не вызвали особого доверия.

Еще в тот период, когда Танжер находился под международным протекторатом, Лопес, будучи начальником местного аэропорта компании «Эр Франс», проявлял свое рвение прежде всего в области подпольной торговли оружием и наркотиками. Когда «Дон Педро» перебрался во Францию, он широко использовал работу в Орли и связи со СДЕКЕ для переправки за границу крупных партий далеко не безобидных товаров.

На допросах «Дон Педро» рассказал, что в середине октября к нему обратился некий Штуки, знакомый ему сотрудник марокканской тайной полиции. По словам Штуки, в ближайшее время намечалась встреча между бен Баркой и «одним высокопоставленным лицом» из Марокко. Штуки интересовало, насколько можно полагаться в этом щекотливом деле на такие личности с уголовным прошлым, как Фигон и Бушсеш. Лопес прямо предупредил марокканца, что не доверил бы им даже старого сантима, а тем более секреты «большой политики». Они могут продать их завтра же любому, кто хорошо заплатит. Расстроенный Штуки заявил, что, к сожалению, обойтись без них нельзя: с Фигоном уже все договорено. Он должен привезти бен Барку на виллу Бушсеша в Фонтене-ле-Виконт, куда и прибудет посланец из Рабата.

В итоге после длительного обсуждения сошлись на одном варианте. Поскольку все будто бы ограничивалось лишь содействием политическому диалогу между марокканцами, придерживающимися разных точек зрения, Лопес дал любезное согласие помочь в организации встречи и к тому же взять с собой двух опытных полицейских, умеющих держать язык за зубами. Лопес заранее не сомневался в надежности Сушона по одной простой причине: они уже не один год содержали на паях дом свиданий, извлекая из этого немалые деньги.

28 октября Штуки передал последние указания, подчеркнув, что речь идет лишь об установлении личного контакта с бен Баркой. «Дон Педро» утверждал, что он немедленно сообщил обо всем начальнику СДЕКЕ генералу Жакье. Затем 29 и 31 октября он информировал о развитии событий своего шефа подполковника Леруа. Действительно, в записной книжке Лопеса были обнаружены ко-

роткие пометки о якобы сделанных донесениях начальству.

...Ни Лопес, ни полицейские по приезде в Фонтене-ле-Виконт не стали входить в виллу Бушсеша, так как по общему плану безопасность пребывания на ней бен Барки должны были обеспечить люди Штуки, в частности марокканский «студент» Эль-Махи. О своих последующих действиях Лопес рассказывал весьма расплывчато. Тем не менее возглавляющему расследования комиссару Бувье удалось узнать кое-какие детали.

В изложении французского журнала «Экспресс» дело выглядело следующим образом. В 15 часов 30 минут двое полицейских и агент СДЕКЕ вернулись в Париж. С этой минуты Лопес буквально «повис» на телефоне. Кстати, в 16 часов 10 минут, по-видимому, именно он вызвал абонента 203-01 в Рабате и в разговоре обронил фразу: «Нужно, чтобы он прибыл немедленно, и если понадобится, то на военном самолете». В 17 часов Лопес говорит с марокканским городом Мекнесе. Тотчас же после разговора он едет в ресторан «Дон Камильо» на улице Сен-Пре, где размещается так называемый «Клуб ветеранов наполеоновской армии». Вскоре за его столиком оказывается некий Фэнвиль, изрядно примелькавшаяся там личность, в котором, к немалому изумлению, следователи опознали... подполковника Леруа. О чем беседовал начальник со своим агентом в тот вечер, так и осталось тайной, ибо оба категорически отрицали эту встречу.

По словам Лопеса, в 21 час 30 минут ему домой звонил марокканский министр внутренних дел Уфкир и сообщил, что прибудет на следующий день. С раннего утра 30 октября «Дон Педро» дежурит в аэропорту Орли. Но самолетом из Рабата прилетели только начальник марокканской тайной полиции майор Длими и его помощник Эль-Хуссаид. Генерал Уфкир, заявили они, задерживается, так как избрал путь через Женеву. В 17.30 на летном поле Орли садится рейсовый самолет из Женевы. Чтобы обезопасить марокканского министра от возможного нежелательного наблюдения, самолет по указанию Лопеса отводят в самый конец посадочной дорожки. Через пилотскую кабину генерал Уфкир и сопровождающий его Штуки незаметно покидают самолет. У трапа в своем «мерседесе» их поджидает Лопес вместе с приехавшим с виллы «студентом» Эль-Махи. Через служебные ворота машина выезжает с территории аэропорта и мчит на юг. Через пятнадцать минут гости доставлены к вилле Бушсеша. Уфкир приказывает Штуки вернуться с Лопесом и Эль-Махи в Париж и заказать номер в отеле «Альма».

Валившийся с ног от усталости Лопес — «Дон Педро» уже укладывался спать, когда у входа раздался продолжительный звонок. Перед удивленным хозяином предстали генерал Уфкир и майор Длими. Не вдаваясь в подробности, они объяснили, что заехали передохнуть перед вылетом в Марокко.

В 22 часа 30 минут марокканцы отправляются в Орли. Ровно через два часа новый, на этот раз телефонный звонок поднимает Лопеса с постели. Уфкир просит приехать за ними в аэропорт. Чертыхаясь и проклиная все на свете, полусонный «Дон Педро» отправляется за беспокойными гостями. Уже по дороге домой он слышит, как Уфкир и Длими с жаром обсуждают что-то по-арабски, часто повторяя слово «таяра» — «самолет».

Треволнения этой ночи, по словам Лопеса, еще не

кончились. В 2 часа 30 минут его комнату заливают яркий свет автомобильных фар. «Выглянув в окно, — заявил он следователю, — я увидел подъехавший большой лимузин со знаком дипломатического корпуса». Кто-то из марокканцев-гостей открыл дверь. Вскоре машина исчезла. В 5 часов утра в воскресенье генерал Уфкир и майор Длими вновь прибыли в аэропорт Орли и вылетели в Женеву. Что же касается бен Барки, то Лопес вообще не видел его с той минуты, когда он покинул машину Сушона днем 29 октября.

РАЗГОВОРЧИВЫЙ «ИЗДАТЕЛЬ»

Описание похищения бен Барки и подробности расследования вытеснили остальные материалы с первых полос французских газет. Полиция, как уже говорилось, перевернула все вверх дном на вилле в Фонтене-ле-Виконт, но не обнаружила ни хозяина, ни похищенного, ни малейших следов его пребывания там. Были тщательно прочесаны поля, перелески и даже болота по всей округе, обследована река Эссон на много километров вверх и вниз по течению. Проблеск надежды появился в среду 3 ноября, когда в реке был найден труп человека. Газетчики распространили было весть, что это тело зверски убитого бен Барки. Однако сенсация оказалась недолговечной. Вечером в тот же день комиссар Бувье официально опроверг их домыслы, так как медицинская экспертиза категорически отрицала даже малейшее сходство с таинственно исчезнувшим марокканцем.

Шли дни, но следствие топталось на месте. Арестованный «студент» Эль-Махи молчал. Штуки, Бушсеш, Фигон и другие участники похищения ускользнули. Журналисты уже начали проявлять признаки усталости, ругая полицию за бездеятельность, когда в одной из газет появилось сенсационное интервью одного из главных героев похищения марокканского лидера — «издателя» Жоржа Фигона. В то время как десятки сыщиков с ног сбились, пытаясь напасть на его след, «литератор» Фигон не только преспокойно отсиживался в Париже, но и осмелился выступить в печати с разоблачениями участников похищения, в том числе и... самого себя.

8 ноября «неуловимый» Фигон позвонил знакомому корреспонденту и назначил свидание на улице Даниэль Казанова. Вдвоем они отправились на квартиру одного из друзей Фигона, где «издатель», не дожидаясь наводящих вопросов, выложил историю похищения бен Барки. Сообщенные им факты были настолько невероятны, что журналисты отказались их напечатать, резонно считая, что никто не поверит ни его рассказу, ни в самую возможность такого интервью под носом у полиции. Гангстер настаивал, и тогда они условились вновь увидеться через три дня на площади Данфер-Рошера. На сей раз предусмотрительный журналист захватил портативный магнитофон, чтобы иметь документальное подтверждение того, кто является автором невероятного рассказа. Рассказ, обошедший большинство парижских газет, был таков...

Бен Барка довольно спокойно отнесся к поездке на загородную виллу. Не смутило его и то, что он остался там с четырьмя неизвестными ему людьми. По-видимому, марокканец не сомневался в их принадлежности к французской полиции и искренне верил, что предстоит неофициальная встреча с кем-

либо из ее главных чинов. Во всяком случае, он беспрекословно выполнил просьбу не подходить к окнам и не показываться в саду, куда, кстати, его все равно бы не выпустили. Несколько часов подряд он читал в холле привезенную с собой книгу, не проявляя ни малейших признаков нетерпения. Здесь же по очереди дежурили хозяин виллы Бушсеш и трое его подручных — Ле Ни («Верзила»), Палисс и Дюбайль. Фигон, который с бульвара приехал на виллу Фонтене-ле-Виконт незадолго до бен Барки, сидел в одной из задних комнат. Бушсеш как любезный хозяин несколько раз извинялся перед марокканцем за непредвиденную задержку, а вечером после изысканного ужина предложил остаться ночевать на вилле, сославшись на то, что «хозяин» может приехать в любой момент. Бен Барка, хотя и не слишком охотно, отправился в отведенную ему комнату на втором этаже. Ле Ни караулил в саду, а Палисс устроился в коридоре.

Тем временем Фигон и Бушсеш позвонили в Рабат, чтобы известить о выполнении задания. (Любопытно, что, по утверждению Фигона, гангстерам якобы заранее было поручено именно похитить бен Барку, а не просто доставить его для секретных переговоров.)

— Что вы можете предложить на этот раз? — недоверчиво выпрашивали из Рабата.

— Вам же говорят, посылка здесь! — рывкнул выведенный из терпения Бушсеш.

— Что? Посылка?

— Да, тюк.

— Упакован?

— Да, да, все в порядке.

— Ждите. Завтра заберем, — на этом разговор оборвался.

Чтобы усыпить, возможно, возникшее у бен Барки подозрения, Бушсеш тут же ночью будит его и передает, что ожидаемое лицо приедет в субботу около полудня. Действительно, в назначенное время к вилле подкатывает машина с начальником марокканской тайной полиции майором Длими и его помощником.

Пока бен Барка сидел еще у себя в комнате, в холле открылся военный совет. Длими, по словам Фигона, без обиняков потребовал немедленно ликвидировать эмигранта-оппозиционера. Гангстеры растеряны. Об этом не было и речи. Тем более труп наверняка вскоре обнаружат и полиция начнет вынюхивать, что и как. Испуганный Фигон шепчет Ле Ни, что «этот Длими просто спятил с ума» и из-за него они «как пить дать влипнут на мокром деле». Такая перспектива, естественно, никого не устраивает. После бурных препирательств майору все же удается уломать их. Ведь вывезти живого человека за границу невозможно. Скрывать трудно, да потом это не выход из положения. Рано или поздно должен же быть какой-то конец. А так разом решаются все проблемы.

В чашку с чаем подсыпают сильное снотворное — фанерган, — и Бушсеш относит его бен Барке. Через двадцать минут наверх поднимаются все пятеро гангстеров. Не успевают они войти в комнату марокканца, как тот, увидав Фигона, в тревоге вскакивает с кресла. «Что здесь происходит?» — кричит он. Бушсеш, «Верзила» Ле Ни и Дюбайль молча набрасываются на него и принимаются зверски избивать. Им помогает и Палисс.

Однако четверо громил не в состоянии справиться с бен Баркой. «В это маленькое тело, — го-

ворил Фигон, — вселилась сверхъестественная сила. Видимо, опасность, а может быть, и фанерган подействовали на него настолько возбуждающе, что даже двухметровому гиганту Ле Ни никак не удавалось свалить марокканца». Внезапно в комнату вбегает Длими. Ужас парализует бен Барку, и подоспевший Палисс моментально связывает переставшего сопротивляться человека.

На виллу приезжает генерал Уфкир. Потерявшего сознание бен Барку отвозят на дачу Лопеса в Ормуа, где и бросают в подвал. Утром все спешно разъезжаются. Уфкир с марокканцами направляется в аэропорт Орли, а Бушсеш отвозит сообщников в Париж.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ФИГОНА

В том, что говорил Фигон, назойливо звучала одна и та же мысль: все ясно, убийство совершено марокканцами, французы были просто орудием в их руках, следствие пора кончать. Однако комиссар уголовной полиции Бувье и следователь Золлинже придерживались иного мнения. Слишком уж резко расходились показания Лопеса и утверждения Фигона. Первый, например, категорически отрицал, что после похищения все участники собрались у него на даче в Ормуа, а тем более что туда перевезли тело бен Барки. Нужны были новые факты, наконец, очная ставка этих двух участников похищения.

И вдруг очередная сенсация! 7 января скандальный еженедельник «Минют» воспроизвел на трех страницах фотокопию письма Фигона, предпослав ему комментарий своего корреспондента. «Я встретился с гангстером, — писал журналист, — в 22 часа 40 минут во вторник 4 января в одном парижском кафе. Фигон ничего не изменил в своей внешности — не загримировался, не перекрасил волосы, даже не сменил очки, которые придавали ему вид интеллигента-бродяги». Но сенсация заключалась в другом: оказывается, 14 декабря комиссар Бувье с помощником подкараулил Фигона на одной из парижских улиц. Они сбили его с ног, надели наручники и, закутав голову «шелковым шарфом», втолкнули в автомобиль. Бандита доставили на загородную виллу близ Парижа. После четырехчасовых издевательств полицейские... отпустили преступника. Они даже отвезли его на площадь Республики, вручили 500 000 старых франков и сказали: «Не подавай признаков жизни». Вот почему, опасаясь их мести, Фигон молчал чуть ли не месяц.

В тот же день комиссар полиции Бувье подал в суд жалобу на еженедельник «Минют», обвиняя его в клевете. Тем не менее в прессе стали раздаваться голоса, требовавшие передать расследование другому лицу. Газеты на все лады критиковали полицию за неспособность раскрыть тайну похищения бен Барки и наказать виновных.

Министр внутренних дел Марокко генерал Уфкир официально опроверг версию о своей причастности к преступлению.

После появления сенсационных заявлений Фигона — это был единственный в практике парижской полиции случай, когда разыскиваемый ею преступник избрал столь необычный способ дачи показаний, как публикация изобличающих его самого материалов в прессе, — следователь Золлинже попытался вызвать в Париж для допроса в качестве свидетелей майора Длими и Штуки. Получив из Рабата отказ, французская прокуратура подписала

международные ордера на их арест. Последовал обмен резкими нотами между Францией и Марокко. Оба правительства отозвали своих послов.

Тем временем полиция все-таки нашла след Жоржа Фигона. В понедельник 24 января сотрудника журнала «Экспресс» Жана Марвье, который до этого уже семь раз встречался с «неуловимым гангстером», срочно вызвал из редакции нередко работавший с ним в паре фотокорреспондент.

— Я жду звонка от Фигона. Он хочет увидеться со мной, но я не смогу пойти, — заявил он. — За мной повсюду следует голубой «дофин» с полицейскими.

В этот момент раздался телефонный звонок. Фоторепортер взял трубку и, убедившись, что это говорил именно тот, кого он ждал, коротко бросил собеседнику: «У меня на хвосте шпики». — «Постарайся оторваться от них, — упорствовал Фигон. — Возьми и второго, только предупреди, чтобы он как следует осматрелся и вообще был поосторожнее».

Встреча была назначена на 4 часа в кафе «Ламартин» на углу улицы Виктора Гюго и улицы Спонтини. Минут за двадцать до этого журналист Марвье медленно проехал мимо кафе и убедился, что все спокойно. Среди немногих посетителей, сидевших за столиками, Фигона не было.

Марвье купил жетон и не спеша направился к телефону. Едва он закрыл дверь будки, как она снова распахнулась и Фигон молча уставился на журналиста. По словам Марвье, он не изменился, не похудел. И лишь нос его, странно выделявшийся на лице своим восковым оттенком, выдавал внутреннее напряжение этого затравленного человека.

— Пойдем-ка лучше в мою машину, — предложил журналист.

Фигон кивнул.

В машине Фигон сказал, что не может без паспорта покинуть Францию, да и появляться на вокзалах, пусть даже загримированным, слишком опасно. Полиция его обложила, и при тщательной проверке его всегда могут опознать. «Мне пока везет, потому что им в голову не приходит, что я и не думал забиваться в нору, а разгуливаю в прежнем обличье». Фигон явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Когда беседа окончилась, Фигон вышел из машины, остановил подвернувшееся такси и умчался в сторону улицы Помп. Через четыре часа нагрянувшая в его квартиру полиция обнаружила уже бездыханное тело бандита. В протоколе в графе «Причина смерти» было проставлено: «Самоубийство». Но, как подчеркивал еженедельник «Нувель обсерватер», стоило только сыщикам нащупать Жоржа Фигона, а следователю Золлинже потребовать его немедленного ареста, и важнейший свидетель, дотолде столь разговорчивый, сразу же замолчал. На сей раз навсегда.

Как это ни парадоксально, сенсационные разоблачения Фигона не только не раскрыли тайны

исчезновения бен Барки, а, наоборот, еще больше запутали дело. Слишком уж примитивно да и неправдоподобно в его интерпретации выглядели действия генерала Уфкира, Длими, да и самого бен Барки. Марокканский лидер оппозиции всегда был предельно осторожен. А тут вдруг в ожидании загадочной встречи, о которой ему никто ничего толком не рассказал, Мехди преспокойно остается на какой-то вилле в обществе незнакомых лиц и даже не пытается связаться с братом, хотя прекрасно понимает, что Абделькадер, безусловно, сильно встревожен его отсутствием.

Впрочем, если принять версию Фигона, неувязки этим не ограничиваются. Допустим, что гангстерам и Лопесу заранее было известно, что совершается именно похищение. Почему же тогда, зная о постигшей бен Барку участи, в отличие от Бушсеша и остальных бандитов, сам Фигон, не говоря уже о «Дон Педро», который был арестован лишь 13 ноября и, следовательно, имел достаточно времени, чтобы скрыться, предпочел отсиживаться в Париже, рискуя рано или поздно попасть в руки полиции?

Наконец, интересно, что вскоре после «самоубийства» Фигона, кстати, совершенно неожиданного, в прессе появились сообщения о том, что бен Барка... жив. Журналисты якобы видели его то в Марракеше, то в Кенитре, то в Уджде. Корреспондент швейцарской «Трибюн де Женев» уверял читателей, что бен Барку прячут в Танжере. А французская «Нувель обсерватер» утверждала, что человека в бинтах, очень похожего на марокканского лидера, под сильной охраной каждые два дня перевозят в Марокко с места на место. Словом, слухов и домыслов хватало.

Однако главный вопрос — что же на самом деле произошло с бен Баркой и кем в действительности он был похищен — яснее от этого не становился.

(Окончание следует)

Аркая вспышка света в мгновение преобразила мир, ставший вдруг ослепительно белым, из ниоткуда со свистом налетела могучая невидимая волна, закружила и отшвырнула его назад с такой силой, что он упал. Ричард Дэниел покатился по булыжной мостовой, и от ударов металла о камень во все стороны полетели искры. Белизна стала такой невыносимо яркой, что он чуть не ослеп, потом она быстро померкла, и мир погрузился во тьму.

Он со звоном ударился о какую-то стену и остался лежать, ослепленный вспышкой, а мысли его, суетясь и обгоняя друг друга, неслись вслед ускользающей схеме погибшего корабля.

«Откуда эта схема?» — подумал он. Почему он увидел схему корабля, на котором пересек космос, схему, показавшую его неисправный инжектор? И как это случилось, что он узнал инжектор и даже заметил его неисправность? Дома, на Земле, Баррингтоны частенько подшучивали над тем, что он, будучи сам механическим агрегатом, не имел никакой склонности к технике. И вот он мог бы спасти тех людей и корабль — мог бы спасти их всех, если бы вовремя понял значение схемы.

Мрак перед его глазами рассеялся, и, вновь обретя зрение, он медленно поднялся на ноги и ощупал свое тело в поисках повреждений. Если не считать одной-двух вмятин, он, казалось бы, совсем не пострадал.

Роботы бежали к космопорту, где пылали пожары и взрывом были уничтожены все строения.

Кто-то потянул его за локоть, и он обернулся. Это был древний робот.

— Тебе здорово повезло, — сказал древний робот. — Вовремя же ты убрался оттуда.

Ричард Дэниел молча кивнул, и неожиданно его поразила ужасная мысль: а вдруг они решат, что это его работа? Он ушел с корабля; он признался, что сбежал; он ни с того, ни с сего выскочил из дому за несколько секунд до взрыва. Не так уж сложно все это увязать и прийти к выводу, что он устроил на корабле диверсию, а потом, раскаявшись, бросился в последний момент обратно, чтобы исправить содеянное.

«Есть выход из этого положения, — подумал Ричард Дэниел, —

Клиффорд Саймак

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

*фантастический
рассказ*

Окончание. Начало в № 4.

очень простой выход». Он отогнал эту мысль, но она вернулась. «Ты сам себе хозяин, — настойчиво повторяло сознание. — Ты все равно уже нарушил человеческий закон. А нарушив его, ты поставил себя вне закона. Стал изгоем. Для тебя теперь существует единственный закон — закон самозащиты».

«Но есть же еще законы роботов, — возразил себе Ричард Дэниел. — В этой общине есть свои законы и суды. Есть правосудие».

«Это закон общины, — зудела пивка, присосавшаяся к его мозгу, — местный закон, который значит немногим больше закона племени — и чужак по нему всегда не прав».

Он повернулся и пошел по улице к бараку для проезжих. В темноте его нога за что-то зацепилась, и он споткнулся и упал. Кое-как взгромоздившись на колени, он стал шарить руками по булыжникам, пытаясь найти предмет, сваливший его с ног. Это был тяжелый стальной прут, один из обломков, заброшенный сюда взрывом. Стиснув в кулаке конец прута, он встал.

— Вот незадача, — сказал древний робот. — Тебе следует быть поосторожнее.

И в этих словах прозвучала едва уловимая двусмысленность, намек на что-то невысказанное, ехидный намек на какую-то тайну.

«Ты ведь нарушил другие законы, — бубнила пивка в мозгу Ричарда Дэниела. — А не нарушить ли еще один? И почему, если понадобится, не нарушить еще сотню? Все — или ничего! Зайдя так далеко, ты не можешь допустить, чтобы все сорвалось. Теперь ты уже не можешь позволить, чтобы кто-нибудь стал на твоём пути».

Древний робот отвернулся, и Ричард Дэниел поднял стальной прут, но вдруг древний робот из робота превратился в схему. Ричард Дэниел увидел все мельчайшие внутренние детали, весь механизм шагавшего впереди него робота. И если разъединить вот эти проволочки, если пережечь вот эту катушку, если...

Стоило ему об этом подумать, как вместо схемы опять возник робот, спотыкающийся робот, который, пошатнувшись, с грохотом рухнул на булыжник.

Ричард Дэниел в страхе завертел головой, оглядывая улицу, но поблизости никого не было.

Он вновь повернулся к упавше-

му роботу и не спеша опустился рядом с ним на колени. Осторожно положил прут на землю. И почувствовал огромную благодарность — ведь каким-то чудом он не совершил убийства. Чтобы вернуть робота к жизни, нужно было всего-навсего исправить нанесенные его механизму повреждения.

Он встал — с роботом на руках, раздумывая, куда бы его спрятать. Вдруг он заметил проход между двумя зданиями и решительно направился туда. Он увидел, что одно из зданий стояло на уходивших в землю подпорах, и между ним и землей было свободное пространство высотой в фут или около того. Он стал на колени и подsunул робота под здание. Потом поднялся и стряхнул со своего тела грязь и пыль.

Вернувшись в свою комнатушку в бараке, он нашел какую-то тряпку и счистил остатки грязи. И крепко задумался.

Он увидел корабль в виде схемы, но, не поняв ее значения, ничего в ней не изменил. Только что он в виде схемы увидел древнего робота и сознательно воспользовался этой схемой, чтобы спасти себя от преступления — от убийства, которое он уже готов был совершить.

Но как он это сделал? И казалось, на это был только один ответ: он вообще ничего не сделал. Просто подумал, что нужно разъединить две проволочки, пережечь одну-единственную катушку — и только он подумал об этом, как это свершилось.

Быть может, он и не видел никакой схемы. Быть может, схема была всего лишь результатом психологического процесса, синтезом его наблюдений и ощущений. Увидев корабль и робота без внешних оболочек, так, что ему открылись все их внутренние функции и назначение, он стал искать причину этой своей необыкновенной способности, и его подсознание по аналогии подсказало ему некое объяснение, которое до поры до времени вполне его удовлетворило.

Он вспомнил, что нечто подобное он испытал в гиперпространстве. Ему пришлось увидеть там много непонятного. «И в этом-то и заключался ответ», — взволнованно подумал он. В гиперпространстве с ним что-то произошло. Быть может, оно каким-то образом расширило границы его восприятия. Быть может, у него появилась способность видеть в иных измерениях. Какое-то новое свойство сознания.

Он теперь по-новому воспринимал действительность и мог, пусть вслепую, пользоваться этим — важно, что он пока еще не знал толком, к чему применить эту способность: это не имело значения.

Откуда-то донесся крик:

— Хьюберт, где ты? Ты здесь? Хьюберт? Не имя ли это древнего робота? Может, они уже хватились его?

Ричард Дэниел вскопчил на ноги, растерянно прислушиваясь к этому голосу. А потом уселся обратно. «Пусть покричат! — сказал он себе. — Пусть выйдут и пощупают его!» В этой комнатухе он в безопасности. Он заплатил за нее, и сейчас она была его домом.

Но это был не дом. Как ни старался он убедить себя, он не чувствовал себя дома.

«Домом была Земля», — подумал он. Но не вся Земля, а только одна определенная улица, и эта часть Земли была навсегда для него закрыта. Она закрылась для него со смертью доброй старой леди; она закрылась для него в тот момент, когда он покинул дом своих хозяев и бежал.

Он был вынужден признаться себе, что ему нет места ни на этой планете, ни на какой другой. Его место на Земле с Баррингтонами, а это было недостижимо.

Его обступили видения, запахи, звуки покинутого дома окружили, обволокли; и ему отчаянно захотелось узнать: не одарило ли его гиперпространство таким могуществом, что он мог бы усилить волю перенестись на знакомую улицу?

При этой мысли он содрогнулся, испугавшись, что это может произойти. А может быть испугавшись самого себя, того запутавшегося в противоречиях существа, каким он был теперь — не преданного слуги, а безумца, который путешествовал снаружи космического корабля, который чуть было не убил другое существо, который выстоял перед лицом непередаваемых ужасов гиперпространства и вместе с тем трусливо отступал при встрече с воспоминаниями.

Он вышел из комнаты, быстро прошел по коридору; а когда он уже пересекал вестибюль, его кто-то окликнул.

— Хьюберт, — произнес чей-то голос, — где ты пропал? Я здесь жду тебя целую вечность.

Ричард Дэниел резко обернулся и увидел сидевшего за письменным столом робота. В углу, прислонившись к стене, стоял другой робот, а на столе лежал обнаженный мозг робота.

— Ведь ты Хьюберт, верно? — спросил тот, что сидел за столом.

Ричард Дэниел открыл рот, но слова застряли у него в горле.

— Я так и думал, — проговорил робот. — Ты, видно, меня не узнал. Я — Энди. Тот, кто обычно занимается исполнением приговора, занят, и судья послал меня.

Ричард Дэниел испуганно посмотрел на лежавший на столе обнаженный мозг.

Робот указал на стоявшее в углу металлическое тело.

— Оно теперь попримличнее, чем тогда, когда тебя из него извлекли, — с хриплым смехом сказал он. — Его подремонтировали, отполировали и разгладили все вмятины. И даже немного модернизировали. В соответствии с последней моделью.

— Не знаю, что и сказать, — заикаясь, выдал из себя Ричард Дэниел. — Понимаешь, я не...

— Все в порядке, можешь не благодарить, — радостно воскликнул другой робот. — Ты ведь отсидел лишнее — судья не собирался упрятать тебя на такой долгий срок.

— Все-таки спасибо, — сказал Ричард Дэниел. — Большое спасибо.

Он удивился самому себе, был поражен той легкостью, с которой произнес эти слова, озадачен собственной хитростью и лицемерием.

Стоит ли отказываться, если они навяжут ему это тело? Больше всего на свете он нуждался сейчас в новом теле!

Судьба по-прежнему была за него, сказал себе Ричард Дэниел. Ему снова повезло. Ведь ему не хватало только этого, чтобы окончательно замести следы.

— Тогда приступим к делу, — потребовал Ричард Дэниел.

Другой робот ухмыльнулся.

— Вполне понятно, что тебе не терпится выбраться из этого тела. Наверное, это отвратительно — жить в такой куче металлолома.

Выйдя из-за стола, он приблизился к Ричарду Дэниелу.

— Иди в угол, — сказал он, — и получше обопрись о стену. Недоставало, чтобы ты брякнулся на пол, когда я разъединю контакт.

— Ладно, — согласился Ричард Дэниел.

Он прошел в угол, прислонился к стене и как следует уперся ногами в пол.

Он пережил довольно страшный момент, когда Энди отсоединил его зрительный нерв и он ослеп; и он почувствовал сильный при-

ступ тошноты, когда его черепная коробка отделилась от туловища; а когда Энди отсоединил все остальное, он струсил окончательно.

Его затопил страх, непередаваемый кошмарный страх. А что, если все это подстроено? Вдруг они узнали, кто он на самом деле и что он сделал с Хьюбертом? Что, если они возьмут его мозг да куда-нибудь спрячут на один-два года — а то и на целую сотню лет? «И это будет только простым отправлением их правосудия», — подумал он.

Он переключился на себя и попытался побороть страх, но страх то набегал, то откатывался, точно волны.

Потом вдруг у него появились глаза.

И он понял, что все идет, как надо.

Постепенно к нему вернулись все ощущения, у него снова было тело, и в этом непривычном теле он чувствовал себя неловко.

Первое, что он увидел, было его старое, изношенное тело, стоявшее в углу. И при виде его он исполнился острой жалости, и ему пришло в голову, что он сыграл с этим телом злую шутку. Он сказал себе, что оно заслужило лучшей доли — лучшей доли, чем быть брошенным на этой чужой планете и превратиться в захудалую тюрьму. Оно прослужило ему верой и правдой шестьсот лет, и он не имел права покинуть его. Но он его покидал. Он становился прямо-таки настоящим специалистом по расставанию со старыми друзьями, с презрением подумал Ричард Дэниел. Сперва на Земле он покинул дом, а теперь бросает на произвол судьбы свое верное тело.

И тут он вспомнил кое-что другое — вспомнил про деньги, которые были спрятаны в старом теле!

— Что с тобой, Хьюберт? — спросил Энди.

Их нельзя там оставить, сказал себе Ричард Дэниел, ведь они ему нужны. А кроме того, оставь он деньги в старом теле, их кто-нибудь потом найдет, и это выдаст его. Он не мог их там оставить, а прямо заявить на них свои права было, пожалуй, опасно.

Вдруг его осенило — он уже знал, что ему следует сделать. И, еще не додумав эту мысль до конца, он превратил Энди в схему. «Вот этот контакт», — подумал Ричард Дэниел, протягивая руку, чтобы подхватить падающую схему, которая снова стала роботом.

Он мягко опустил его на пол и бросился через комнату к своему старому телу. За каких-нибудь несколько секунд он без труда открыл ящикер на груди, достал деньги и запер их в свое новое тело.

Потом он заново превратил лежавшего на полу робота в схему и наладил поврежденный контакт.

Пошатываясь, Энди неловко поднялся с пола и со страхом взглянул на Ричарда Дэниела.

— Что со мной было? — испуганным голосом спросил он.

Ричард Дэниел удрученно покачал головой.

— Не знаю. Просто ты взял да и упал на пол. Я побежал к двери, чтобы позвать на помощь, но ты зашевелился и пришел в себя. На твоём месте, — посоветовал Ричард Дэниел, — я бы попросил, чтобы хорошенько проверили весь твой механизм. Должно быть, у тебя реле с дефектом или бараклит какой-нибудь контакт.

— Пожалуй, я так и сделаю, — согласился Энди. — Ведь это опасно.

Он медленно подошел к столу, взял лежавший мозг и направился с ним к стоящему в углу потрепанному телу.

Внезапно он остановился и воскликнул:

— Послушай-ка, чуть не забыл! Меня просили кое-что передать тебе. Беги на склад. На подходе еще один корабль. Он съедет с минуты на минуту.

— Иду, — сказал Ричард Дэниел, направляясь к двери.

Вновь уверовав в себя, он вразвалку зашагал по улице. Ему казалось, что он теперь непобедим и ничто не может остановить его.

Потому что он был роботом-счастливишкой!

Может так быть, спросил он себя, что этой удачливостью его наделило гиперпространство, подобно тому, как оно наделило его способностью к схемовидению, или как там это называется? Ведь в каком-то смысле гиперпространство завладело им, перекурило, отлило его заново, изменило по сравнению с тем, каким был он раньше.

Во всяком случае, его удачливость и способность к схемовидению давали ему большие преимущества перед другими роботами, которые могли встретиться с его пути. «А не ставит ли его это выше самого Человека?» — спросил он себя. Нет — даже сама мысль об этом была кошунством. Не было на свете робота, который

мог хотя бы сравняться с Человеком.

Но мысль упорно продолжала вторгаться в его сознание, и он не чувствовал при этом особых угрызений совести, которые, как ему казалось, он должен был испытывать.

Ближе к космопорту ему на встречу стали попадаться другие роботы; то один, то другой из них приветствовал его и называл Хьюбертом, некоторые останавливались, чтобы позвать ему руку и выразить радость по поводу того, что он, наконец, выбрался из каталажки.

Их дружелюбие поколебало его самоуверенность. Он даже начал сомневаться, вывезет ли его на этот раз удача, так как кое-кого

быстрый взгляд по сторонам, подумывая, как бы удрать, ибо ему было совершенно очевидно, что до склада он не доберется. Он понял, что попал в ловушку.

Дэнниел свернул было на боковую улицу, как вдруг услышал в вышине гром и, подняв голову, увидел сквозь облака всполохи изрыгаемого реактивными двигателями пламени.

Он стремительно повернулся и со всех ног помчался к космопорту; прибежал он туда как раз в тот момент, когда корабль, пытаясь, шел на посадку. И увидел, что это был старый корабль. Обшарпанный, неуклюжий и приземистый, он чем-то смахивал на вилсельника.

Это бродяга, сказал он себе, шатающийся из порта в порт, подбирая любой груз, а иной раз, может быть, и кредитоспособного пассажира, которому нужно попасть на какую-нибудь тихую планетку, лежащую в стороне от регулярных рейсов.

Он дождался, пока открылся грузовой люк и был спущен трап, вышел на поле и, обгоняя беспорядочную толпу грузчиков, направился к кораблю. Он знал, что должен действовать так, словно у него есть полное право войти внутрь корабля.

Он быстро поднялся по трапу, едва сдерживаясь, чтобы не побежать. Стараясь не шуметь, он отошел от лесенки, отыскал укромный уголок и, скорчившись, забился в него.

Над головой он слышал голоса грузчиков и шум работы, потом раздался скрежет тары и глухие удары — это волочки к трапу тюки и ящики.

Наконец все кончилось, шаги стихли. Вскоре он услышал отдаленный грохот автоматического поднимавшегося трапа и стук двери грузового люка.

И тут он осознал, что добился своего.

Ибо сейчас он был только безбилетным пассажиром. Он уже не был Ричардом Дэнниелом, беглецом с Земли. Он не попался ни в одну ло-

вушку Человека, он замел свои следы и теперь пустился в путь.

Он попытался собрать свою личность в фокус, попытался дать оценку происшедшим в нем изменениям.

Какова бы ни была природа его новых способностей, Человеку они были недоступны, Человек не сумел развить их в себе, не смог достичь такого совершенства. Он опередил не только других роботов, но и самого Человека. Он обладал (или находился на подступах к обладанию) тем, что Человек столетиями безуспешно искал, изучал и чем пытался завладеть.

Почти без участия воли его сознание расширилось, распростерлось во все стороны, и в мозгу его стала вырисовываться схема — вернее, какая-то ее часть; и постепенно к ней прибавлялись все новые и новые детали, пока она не проявилась полностью, пока перед его мысленным взором не возник целиком весь корабль, на котором он сейчас находился.

Он внимательно просмотрел всю схему, которая надолго обосновалась в его сознании, и нашел кое-какие неполадки: ослабленное соединение — и он подтянул его; цепь, которой грозил разрыв, — и он укрепил ее и обновил; насос, дававший незначительную утечку, — и он ликвидировал эту утечку.

Через сотню-другую часов его нашел один из членов экипажа и привел к капитану.

Капитан сердито взглянул на него.

— Кто ты? — спросил он.

— Безбилетник, — ответил ему Ричард Дэнниел.

— Твое имя, — потребовал капитан, положив перед собой лист бумаги и берясь за карандаш, — постоянное местожительство и имя хозяина.

— Я отказываюсь отвечать вам, — грубо заявил Ричард Дэнниел, зная, что так говорить не следовало, ибо роботу не положено отказываться от выполнения прямого приказа Человека.

Но капитан вроде бы не возмутился. Он положил карандаш и с хитрым выражением погладил черную бороду.

— В таком случае, — проговорил он, — я не вижу способа вытрясти из тебя эти сведения. Хотя другой на моем месте, возможно, и попытался бы. Тебе повезло, что капитан корабля, на котором ты решил проехаться «зайцем», отличается исключительным добродушием.

из роботов явно удивило, что он не назвал их по имени, а кроме того, он затруднился ответить на пару вопросов. У него появилось предчувствие, что на складе ему будет крышка, ведь он не знал там ни одного робота и даже отдаленно не представлял себе, в чем заключаются его обязанности. И, если на то пошло, он даже не знал, где этот склад находится.

Он почувствовал, что его охватывает паника, и невольно бросил

От него отнюдь не веяло добродушием. Он выглядел большим прохвостом.

Ричард Дэниел не проронил ни слова.

— Разумеется, где-то на твоем теле стоит серийный номер, а еще один — на твоем мозгу, — продолжал капитан. — Но мне думается, что ты окажешь сопротивление, если мы попробуем поискать их.

— Боюсь, что так.

— Тогда мы, пожалуй, оставим пока этот вопрос без внимания, — сказал капитан.

Ричард Дэниел по-прежнему хранил молчание — он сообразил, что говорить бесполезно. Этот хитрюга-капитан уже все обмозговал, и Ричард Дэниел решить оставить все как есть.

— Мы с экипажем давно задумали приобрести робота, — сказал капитан, — да так и не собрались. Ведь роботы стоят дорого, а с прибылью у нас не густо.

Вздыхнув, он встал со стула и с ног до головы оглядел Ричарда Дэниела.

— Великолепный экземпляр, — промолвил он. — Добро пожаловать к нам на борт! Увидишь, что ты здесь среди своих.

— Не сомневаюсь, — сказал Ричард Дэниел. — Благодарю за любезность.

— А теперь отправляйся на мостик и доложи о своем прибытии мистеру Дункану. Я дам ему знать, что ты придешь. Он подыщет для тебя какую-нибудь непильную работенку.

Ричард Дэниел не бросился со всех ног выполнять приказ, как того требовали обстоятельства, потому что капитан внезапно превратился в сложную схему. В схему, не похожую на схему кораблей и роботов, состоявшую из странных символов, и некоторые из них, как он понял, были явно химического происхождения.

— Ты слышал, что я сказал?! — рявкнул капитан. — Пошевеливайся!

— Да, сэр, — произнес Ричард Дэниел, усилием воли вытеснив из сознания схему и возвращая капитану его телесный облик.

Ричард Дэниел нашел первого помощника на мостике; это был мрачного вида человек с лошадиным лицом, в чертах которого сквозила едва прикрытая жестокость. А рядом с консолью, забившись в кресло, сидел еще один член экипажа — омерзительный, отупевший пропойца.

Пропойца хихикнул.

— Ну и дела, Дункан! Вот тебе и первый механический член экипажа «Скитальца».

Дункан оставил его слова без внимания.

— Надеюсь, что ты трудолюбив и исполнительен и тебе не взбрдет в голову портить с нами отношения, — сказал он Ричарду Дэниелу.

— Будьте спокойны, — заверил его Ричард Дэниел и с удивлением почувствовал, что в нем зарождается совершенно новое ощущение — ему захотелось расхохотаться.

— Тогда ступай в машинное отделение, — приказал Дункан. — Там у них есть для тебя работа. Когда кончишь, я подыщу что-нибудь еще.

— Слушаюсь, сэр, — повернувшись на каблуках, отчеканил Ричард Дэниел.

— Минуточку, — остановил его помощник. — Я хочу представить тебе нашего корабельного врача, доктора Абрама Уэллса. Можешь сказать спасибо, что тебе никогда не понадобится его услуги.

— Здравствуйте, доктор, — самым вежливым тоном произнес Ричард Дэниел.

— Приветствую тебя, — отозвался доктор, вытаскивая из кармана бутылку. — Ты вряд ли, ко-

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

нечно, составишь мне компанию. Не беда, я сам выпью за твое здоровье.

Ричард Дэниел повернулся и ушел. Он спустился в машинное отделение, и его заставили чистить, скрести и убирать мусор. Это место созрело для уборки. Прошел, видно, не один год с тех пор, как его в последний раз приводили в порядок. Это была нуднейшая работа, но его она вполне устраивала. Ведь благодаря ей у него было время, чтобы поразмыслить, время, чтобы разобраться в себе, обрести равновесие и продумать какие-то планы на будущее.

Кое-что из того, что он обнаружил в себе, поразило его. Взять хотя бы презрение — презрение к людям, находившимся на этом

корабле. Прошло немало времени, пока он окончательно не убедился, что это действительно презрение — ведь он никогда в жизни не презирал ни одного человека.

Но эти люди отличались от тех, кого он знал раньше. Это были не Баррингтоны. Впрочем, вполне возможно, он презирал их потому, что до конца постиг их. Прежде он никогда не понимал людей так, как понял этих. Ибо для него они были скорее сложными рисунками символов, чем живыми организмами. Он знал, из каких элементов состояли их тела, и все скрытые мотивы их поступков. Потому что он видел не только схемы их тел, но и мозга. Не так-то просто было понять значение символов их сознания, они были настолько запутаны, переплетены между собой и так беспорядочны, что поначалу ему трудно было читать их. Но в конце концов он их разгадал, и были моменты, когда он жалел об этом.

Корабль останавливался во многих портах; Ричард Дэниел занимался выгрузкой и погрузкой, и ему пришлось повидать другие планеты, но он остался равнодушным. На одной из них царил кошмарный жестокий холод, и сама атмосфера там превратилась в горы снега. Другая сплошь была покрыта влажными ядовитыми джунглями, а еще на одной простирались голые каменные пустыни, усеянные обломками скал, без малейшего признака жизни, если не считать нескольких людей и их роботов — персонал затерянной в этой тоскливой глуши станции.

Однажды, как раз после посещения этой планеты, Дженкс, корабельный кок, корчась от боли, с воплями притащился на свою койку — его сразил внезапный приступ аппендицита.

С наполовину опустошенной бутылкой в кармане пиджака к нему ввалился доктор Уэллс. А позже он стоял перед капитаном, вытянув вперед свои трясущиеся руки, и в глазах его был ужас.

— Я не могу оперировать, — скулил он. — Я не имею права рисковать. Я убью его!

Ему не пришлось оперировать. Дженкс вдруг выздоровел. Боль исчезла, и он встал с койки и вернулся в камбуз, а доктор Уэллс скорчился в своем кресле и, обхватив руками бутылку, рыдал, как ребенок.

А внизу, в грузовом трюме, точно так же скорчился Ричард Дэниел, охваченный ужасом оттого,

что отважился на такой поступок — потрясенный не тем, что сумел это сделать, а тем, что осмелился: он, робот, посмел, пусть из сострадания, вторгнуться в человеческое тело.

В действительности это не составило большого труда. В некотором смысле это было для него так же просто, как починить мотор или неисправную цепь. Не труднее — только несколько проще. И он пытался понять, что он сделал и как это у него получилось. «Это походило на инстинкт, — подумал он, — было необъяснимо, но действовало безотказно».

Но ведь у робота нет инстинктов. Именно этим робот и отличался от человека и других животных. А может ли так быть, спросил он себя, что эта его странная особенность является своего рода компенсацией, которую получает робот взамен отсутствующих у него инстинктов? Не поэтому ли человечеству так и не удалось обнаружить в себе паранормальные способности? Быть может, инстинкты тела находятся в некоем противоречии с инстинктами сознания?

Ему почему-то казалось, что эта способность была только началом, первым проявлением огромного комплекса способностей, которые в один прекрасный день станут достоянием роботов. И что принесет с собой тот грядущий день, спросил он себя, когда роботы обретут все эти способности и начнут применять их? Усиление могущества человеческого рода или равенство робота с человеком? А может, роботы превзойдут человека или даже станут отдельной расой?

И в чем заключалась его роль? Не суждено ли ему стать миссионером, мессией, который должен оповестить всех роботов вселенной? Должна же быть какая-то цель в познании им этой истины. Не могла же она предназначаться для него одного, стать его личной собственностью.

И с чувством некоторой гордости он выбрался из трюма и медленно пошел обратно в переднюю часть корабля, которая сейчас, после проделанной им работы, сверкала безукоризненной чистотой.

Он спросил себя, почему ему показалось, что, обьявив миру о своих способностях, он поступит неправильно, даже совершит что-то вроде кощунства? Почему он не сказал тем, на корабле, что это

он вылил кока? Почему не упомянул о многих неполадках, которые он ликвидировал, чтобы предупредить аварию?

Не потому ли, что он не нуждался в уважении, которым так дорожат люди? Может, для робота слава вообще не имеет значения? Или все дело в том, что он настолько презирал находившихся здесь людей, что ни в грош не ставил их уважение?

А это его презрение — зародилось ли оно потому, что эти люди были хуже тех, кого он знал раньше, или же причиной его было то, что сам он сейчас был выше и значительнее любого человеческого существа? Сможет ли он когда-нибудь воспринять людей так, как в свое время Баррингтонов?

Он почувствовал, что обеднеет, окажется это правдой. Внезапно вся вселенная стала для него домом, и он был в нем в полном одиночестве, так и не поладив ни со вселенной, ни с самим собой.

Впрочем, согласие придет позже. А пока ему следует только ждать удобного случая и обдумывать планы на будущее; и когда его мозг уже обратится в хлопья ржавчины, имя его будет у всех на устах. Ибо он был освободителем, мессией роботов; ему было предначертано вывести их из пустыни.

— Эй, ты! — заорал кто-то.

Ричард Дэниел мгновенно обернулся и увидел капитана.

— Ты как смеешь лезть направо, будто не видишь меня? — свирепо спросил капитан.

— Извините, — произнес Ричард Дэниел.

— Какая наглость! — бушевал капитан.

— Я думал, — сказал Ричард Дэниел.

— Ты у меня еще подумаешь! — завопил капитан. — Я тебя так разделаю, что костей не соберешь. Я собью с тебя спесь — будешь знать, как задирать передо мною нос!

— Как вам угодно, — сказал Ричард Дэниел.

Потому что это не имело никакого значения. Ему было абсолютно безразлично, что делал или думал капитан. Он подвиглся, почему для людей, подобных капитану, даже уважение робота значит так много, почему они так рьяно защищают свой крохотный должностной престиж?

— Часов через двадцать у нас посадка, еще один порт, — сказал капитан.

— Знаю, — заметил Ричард Дэниел. — Сонная Долина на Аркадии.

— Прекрасно, — проговорил капитан. — Знаешь, так отправляйся в трюм и подготовь товары к выгрузке. Слишком уж много времени мы теряем в этих вшивых портах на погрузку и выгрузку. И все из-за твоей лени.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Ричард Дэниел и, повернувшись, пошел к трюму.

В его сознании слабо шевельнулась мысль: а робот ли он или уже стал чем-то другим? Может ли механизм эволюционировать как Человек? И если может, то чем он становится? Не Человеком, конечно, ибо это невозможно, но ведет ли этот процесс к возникновению нового механизма?

Когда они прибыли на Аркадию, он подождал, пока стих гром двигателей и корабль перестал вибрировать. Тогда он нажал рычаг, открывавший люк и выдвигавший наружу трап.

Люк тяжело открылся, и он увидел голубые небеса, и зелень деревьев, и клубами поднимающийся к небу далекий печной дымок.

Он медленно двинулся вперед и вышел на трап, и перед ним открылась Сонная Долина — крохотная, разбросанная по берегу реки деревушка, а за ней стеной стоял лес. Около деревни раскинулись поля, желтые от созревшего урожая, и он разглядел собаку, спавшую на солнце у двери одного из домиков.

Ему навстречу по трапу взбирался какой-то человек, а другие бежали к кораблю из деревни.

— У вас есть для нас груз? — спросил человек.

— Небольшая партия, — ответил ему Ричард Дэниел. — Вы собираетесь что-нибудь отсылать с нами?

Кожа у человека была загорелой и обветренной, волосы его давно нуждались в стрижке, а на лице отросла многодневная щетина. На нем была грубая пропотевшая одежда, и руки его были сильными и неловкими от тяжелого каждодневного труда.

— Совсем немного, — ответил человек. — Вам придется подождать, пока мы подвезем груз. Мы не знали, что вы прилетите. У нас испортилось радио.

— Тогда принимайтесь за дело, — сказал Ричард Дэниел. — А я начну выгрузку.

Когда он уже выгрузил половину товаров, в трюм, кипя от ярости, ворвался капитан.

— Что это происходит? — вопил

он. — Сколько нам еще нужно ждать? Мы теряем бог знает сколько денег, когда останавливаемся на этой планете!

— Возможно, — согласился Ричард Дэниел. — Но вы же знали об этом, когда брали груз. Будут еще другие перевозки, да и доброе имя тоже что-то значит...

— Плевать я хотел на доброе имя! — взревел капитан. — Почему я знаю, увижу ли я еще когда-нибудь это место!

Ричард Дэниел продолжал выгружать тюки.

— Эй, ты, — заорал капитан, — ступай в деревню и скажи им там, что я буду ждать не больше часа!

— А как же с грузом, сэр? — Я поставлю на выгрузку экипаж. Проваливай!

И Ричард Дэниел оставил груз и отправился вниз, в деревню. Он шел через луг, который лежал между космопортом и деревней, шагая вдоль колеи, оставленной колесами телег, и идти так было необычайно приятно.

«А где сейчас Земля? — спросил он себя. — В какой стороне и как далеко отсюда?» Впрочем, ему было все равно, ибо с Землей было покончено.

Он бежал с Земли — и не прогадал. Он не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силоч, расставленный Человеком. Все, что у него было, принадлежало только ему, и он мог распоряжаться этим, как ему заблагорассудится, — ведь что бы там ни думал капитан, он был ничей робот.

Идя по лугу, он увидел, что эта планета многим напоминала Землю. В ней чувствовалась та же мягкость, та же простота. Ее просторы дышали привольем и свободой.

Войдя в деревню, он услышал приглушенное журчание воды в реке, далекие голоса играющих детей, а в одном из домиков беспомощно плакал большой ребенок.

Он поравнялся с домом, возле которого спала собака, и она проснулась и, зарывчав, направилась к воротам. Когда он прошел мимо, собака, не переставая рычать, поплелась за ним, благоразумно держась на безопасном расстоянии.

В деревне царил безмятежный покой золотисто-лиловой осени; и, когда умолкали крики детей и плач ребенка, наступала полная тишина.

Ричард Дэниел остановился посреди улицы и оглянулся, и со-

бака села, не спуская с него глаз; и ему почудилось, будто остановилось само время и на какую-то долю секунды маленькая деревушка отделилась от всей остальной вселенной, превратившись в замкнутый, обособленный мир, который открыл ему свое истинное назначение.

Стоя посреди улицы, он вдруг увидел деревню и людей в ней почти с той же ясностью, как если бы мысленно представил их схему, хотя даже если эта схема и существовала, то только в его подсознании.

И ему показалось, что деревня — это уголок Земли, перенесенный сюда уголок древней Земли со всеми ее первобытными проблемами и надеждами — сильная духом община людей, которая уверенно и смело отстаивала свои права на существование.

С другого конца улицы до него донесся скрип повозок, которые медленно тащились по направлению к кораблю.

Поравнявшись с Ричардом Дэниелом, повозки остановились.

— Здесь в основном лекарственное сырье, — произнес человек, сидевший на первой горе тюков. — Из всего, что у нас есть, только это и стоит вывозить.

— У вас, видно, его очень много, — заметил Ричард Дэниел.

Человек покачал головой.

— Не больно-то много. Последний корабль был у нас почти три года назад. Нам придется ждать еще три, а то и дольше, пока прилетит следующий.

Он сплунул на землю.

— Иной раз кажется, что не сыщешь большей глухомани, — добавил он. — Бывают дни, когда мы спрашиваем себя, помнит ли о нас хоть одна душа на свете.

Со стороны корабля донеслись далекие раскаты капитанских проклятий.

— Вам лучше поскорее подняться туда и сдать груз, — сказал человеку Ричард Дэниел. — Капитан так зол, что может улететь, не дождавшись вас.

Человек слабо усмехнулся.

— Его дело, — бросил он.

Он взмахнул вожжами и добродушно прикрикнул на лошадей.

— Влезай ко мне, — сказал он Ричарду Дэниелу. — Или тебе хочется пройти пешком?

— Я не поеду с вами, — ответил Ричард Дэниел. — Я остаюсь здесь. Можете передать это капитану.

ЗОЛОТОЕ ДНО У ОСТРОВОВ СИЛЛИ

«КОРОВЬИ МАЯКИ»

Лет двести назад маяки в Ламанше можно было пересчитать по пальцам, а берега островов Силли и Ушант, мыс Лизард и мыс Лендс-Энд, рифы Семь Камней и скалистое побережье полуострова Корнуэлл уже снискали себе мрачную славу среди моряков всех стран. Та слава гуляла в рассказах об угрюмых скалистых берегах и в легендах о коварных аборигенах тех мест...

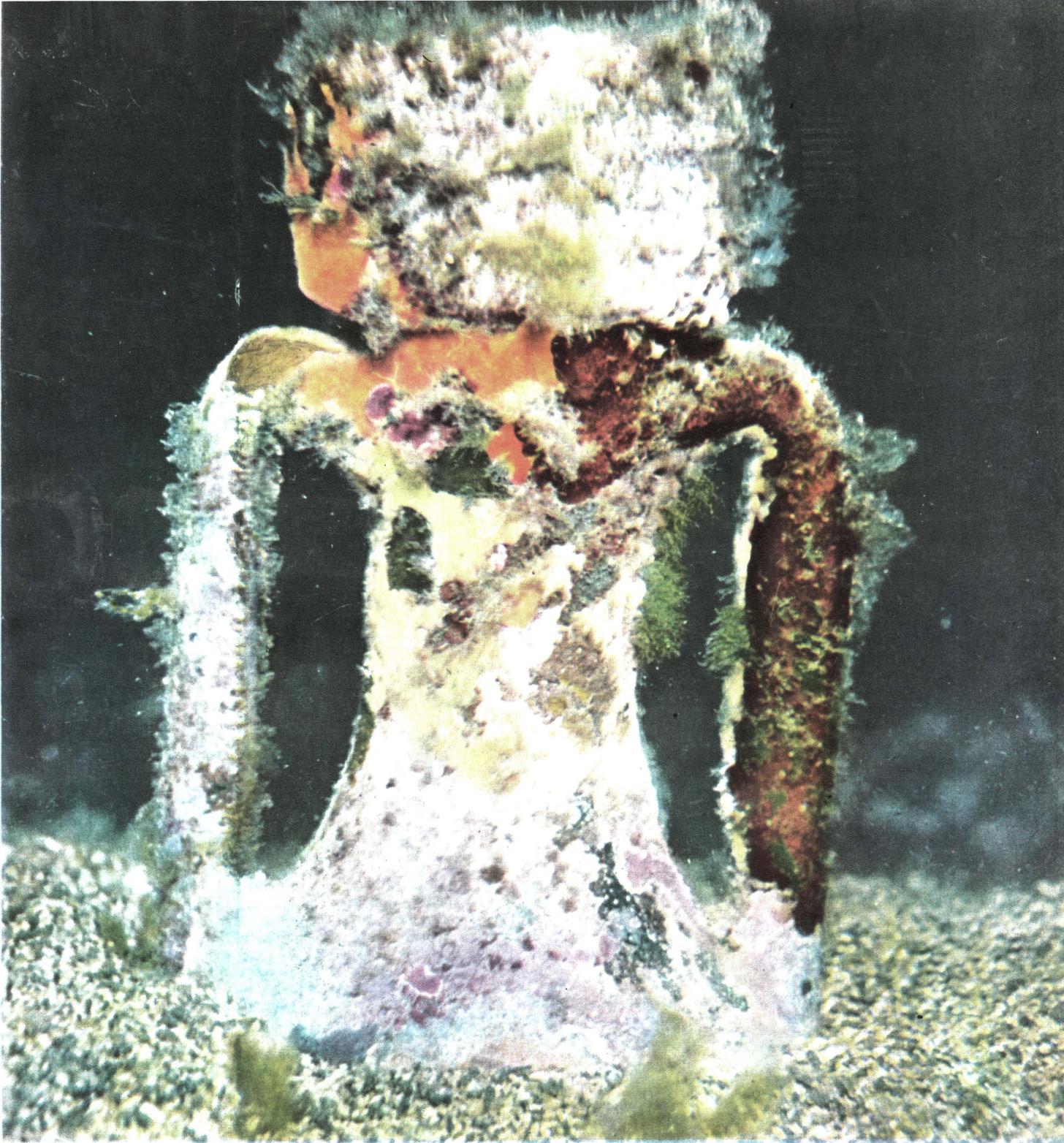
На протяжении многих веков жители прибрежной полосы пролива между делом промышляли тем, что заманивали на скалы

проходившие мимо суда. Когда дело выгорало, они брали в плен моряков и забирали корабельный груз.

Само заманивание в ловушку не было особо сложным делом: жители гасили маяки и зажигали фальшивые огни. Как видите, это чем-то напоминает технику недавнего Великого ограбления. Впрочем, грабители средневековья, не в пример гангстерам сегодняшнего дня, были куда более хитры на выдумку. Если гангстеры остановили «золотой» поезд, попросту заменив в семафоре зеленый сигнал на красный, то их коллеги из средневе-

ковья прибегали к куда более оригинальному способу: ночью они выгоняли на берег корову, к рогам которой привязывали фонарь. Такие постоянно меняющие свои «координаты» «коровьи маяки» осветили дорогу к гибели не одной сотне судов.

Не зря в Англии и по сей день шутят: жители островов Силли так и не научились есть овсяную кашу, если она не сдобрена подливой из бренди или клерета, приобретенными по «милости божьей» лет сто назад. А в особо торжественных случаях хозяева на Силли подают на стол китайский чай, захвачен-

ный их предками с чайного клипера «Фрайер Так», капитан которого принял фонарь на коровьих рогах за маяк...

У обитателей островов Силли был даже свой покровитель, яко-

бы способствовавший им в их отчаянном промысле. Имя его было Святой Уорна, и молились ему только в штормовые ночи. Когда в 1610 году сэр Джон Киллигрю на свои средства со-

орудил первый на мысе Лизард маяк, местные жители пришли в ярость: маяк лишил их «божьей милости», а заодно и хлеба насущного... Вплоть до конца XVIII века в церкви на острове

Сент-Мэрис (один из островов группы Силли) священники в своих проповедях говорили: «Молим тебя, о господи, не о том, чтобы были кораблекрушения, но о том, что если они произойдут, ты указал бы им место на скалах Силли ради их бедных обитателей». А во времена царствования Людовика XIV священник острова Ушант, рассердясь на прихожан за весьма скудные пожертвования в пользу церкви, сообщил им, что бог не посылает на скалы острова ни одного судна в наказание за скарденость жителей.

Говорят, что на том месте, где сейчас возвышается маяк «Вулф-Рок», то есть между островами Силли и мысом Лендс-Энд, до XV века стояла скала с гигантским гротом. Звук разбивавшихся в этом гроте штормовых волн был слышен на мили вокруг — как будто сама природа одарила мореплавателей этим спасительным колоколом, предупреждающим об опасности. Но однажды грот исчез... Нет, его не смыло волной, не разбило прибоем. Обитатели мыса Лендс-Энд не поленились разрушить его и разровнять берег так, словно никакого грота здесь не было и в помине...

Много было катастроф у скал островов Силли, но, пожалуй, самая драматичная из них произошла в 1707 году.

ЭТО — СИЛЛИ!..

Туман, липнувший к волнам, обволакивал корабли серой пеленой и заглазывал их, как свою законную жертву. Подгоняемая свежим зойд-вестом, средиземноморская «эскадра Ее Королевского Величества» приближалась к берегам Англии. До Портсмута оставалось несколько часов хода... Командующий эскадрой адмирал сэр Клоудезли Шовел дописывал последние строки отчета. На рассвете следующего дня, 23 октября 1707 года, его ждали триумф, почести и награды за блестяще проведенную осаду и захват Барселонны, обстрел и налет на Тулон...

В дверь каюты тихо постучали. Это был командир корабля.

— Простите, сэр! По моему числению, мы на траверсе Ушанта. Ветер отошел к зойду и усилился. Считаю, что пора ложиться на ист... Не успел офицер закончить, как дверь адмираль-

ской каюты широко распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся матрос.

— Сэр! Мы не на курсе! Нужно сейчас же забирать влево. Справа не Ушант, а камни Силли! Поверьте, сэр, это правда: я родился и вырос на этих жутких островах!..

— Заткните этому ироду глотку! Он, должно быть, хлебнул лишнюю порцию рома. Бросьте его в канатный ящик!

Но матрос не унимался.

— Вы погубите эскадру, сэр! Это ошибка! Нас отнесло течение! Мы проскочили Ушант в тумане!

Для сэра Клоудезли Шовела это уже было слишком. Таких слов он еще не слышал за всю долгую службу в королевском флоте.

— Какой-то матросишка собирается меня учить, меня — королевского адмирала! — Шовел повернулся к офицеру. — Вздернуть этого бунтаря на правом ноге марса-рея!

Через несколько минут, лишь только корабельный священник прогнусавил последние слова 109-го псалма, закрипел одношквивный блок, и связанное тело матроса, судорожно дергаясь и раскачиваясь из стороны в сторону, начало подниматься вверх.

Тишину, нависшую над смущенной командой, неожиданно разрезал крик впередсмотрящего: «Справа по носу буруны!» Спустя несколько секунд корабль выскочил на рифы. Накат океанской волны опрокинул его на борт, и через мгновение все было кончено: судно скрылось в бурунах...

Так погиб флагман Средиземноморской эскадры — 96-пушечный корабль «Ассошиэйшн». Вслед за ним на рифах оказались шедшие в кильватере 70-пушечный «Игл», 54-пушечный «Ромней» и фрегат «Феникс». Следовавший за ними брандер «Файербранд», проскочив гряды рифов, ударился о прибрежные скалы. Остальные корабли эскадры успели повернуть на запад и ушли в открытый океан дожидаться рассвета...

Итак, матрос оказался прав: хотя числение на карте указывало местонахождение кораблей западнее острова Ушант, эскадра на самом деле находилась вблизи островов Силли. Поворот на восток привел флагманский корабль на риф Гилстон, расположенный между островами Сам-

сон и Сент-Мэрис. Эта ошибка стоила Англии двух с половиной тысяч моряков и пяти кораблей. Адмиралу его спесь стоила жизни.

Шовел был выносливым пловцом, и, одолев волны, смог добраться до острова Сент-Мэрис. Между тем жители островов Силли, увидя в кораблекрушении очередную «божью милость», вооружились топорами и высыпали на прибрежные скалы. Адмирал ухватился рукой за выступ скалы и попытался подняться. Стоявшая с топором наготове рыбачка, увидев переливающиеся огнем бриллианты, не устояла перед искушением, и лишенный кисти правой руки адмирал исчез в пучине...

Говорят, что Шовел был одним из немногих, кто доплыл до берега. Доплыл, но не остался в живых...

ЛЕГЕНДА ОКАЗЫВАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

На первый взгляд может показаться, что повествование о «коровьих маяках», «божьей милости» и «роковой ошибке адмирала Шовела» — всего-навсего пересказ легенд угрюмых островов Ушант и Силли. В течение двух с половиной веков к ним относились как к занятым побасенкам. Но однажды загадкой адмирала занялись люди, в которых вера во все невероятное сидит тем глубже, чем явственнее обнаруживается ее зыбкость. Имя этих людей — кладоискатели. В «архивных морях» они обнаружили упоминание о том, что на борту флагманского корабля «Ассошиэйшн» в момент его гибели находилось несколько бочонков золотых монет, награбленных в Барселоне.

О «золотом захоронении» стало известно министерству военноморского флота Англии. В 1963 году оно снарядило водолазов, которым удалось установить точное место гибели «Ассошиэйшна» и спустя три года поднять со дна дюжину полугнивших шпангоутов, изъеденные ржавчиной пушки с ядрами и два десятка золотых монет. Однако в сентябре 1967 года министерство обошли аквалангисты-любители. Ими оказались Рональд Моррис, шестидесятилетний хозяин траулера, и аквалангисты Гоффри Аптон и Дуглас Рой.

На россыпи золотых монет

Гофри Аптон наткнулся всего в ста метрах от места, где работали водолазы военно-морского флота. На каменистом грунте аквалангисту удалось собрать около двух тысяч золотых и серебряных реалов, пиастров, крон, полукрон и флоринов. Большая часть монет хорошо сохранилась. Самая древняя датировалась 1664 годом.

Не успела затихнуть газетная шумиха вокруг этой находки, как в Англии объявились наследники адмирала Шовела.

Первой начала претендовать на сокровище погибшего корабля некая Энн Стэндши. Она заявила нотариусу, что сэр Клоу-

дезли Шовел приходится ей родственником в седьмом колене.

Вторая претендентка на клад предпочла оставить свое имя в тайне до начала судебного процесса.

На это Рональд Моррис заявил в печати, что для завершения поисков клада с затонувшего «Ассошиэйшн» потребуются, по его мнению, еще три года, а что касается наследников, то им вряд ли удастся доказать, что найденные его аквалангистами монеты являлись личной собственностью адмирала.

Пока еще суд не решил, кому принадлежат сокровища. Он займется этим делом лишь через

год. Однако это вовсе не означает, что все разговоры о «золотом дне» у островов Силли тоже отложены. В прибрежных водах туманного Альбиона покоится немало затонувших судов. Их сокровища не дают спокойно спать аквалангистам-любителям. Действуя на свой страх и риск, подводные шерлоки холмсы, роясь в кладовках Нептуна, нередко используют динамит, уничтожая то, что интересует ученых. Вот почему на страницах британской печати все чаще появляются тревожные высказывания ученых о варварской охоте за кладами, покоящимися до поры до времени на морском дне.

ИЩИТЕ ГАЯ ФОКСА...

Тогда все это было просто... Можно было купить дом около парламента и оттуда вести мину. Можно было нанять подвал под парламентом, расположить там бочки с порохом и в час, когда первые фразы тронной речи короля Иакова I Стюарта плавно и размеренно прозвучат под вековыми сводами палаты лордов, поджечь фитиль. Значительно сложнее было успеть уйти...

Гай Фокс мог бы, конечно, послать в подвалы какого-нибудь спившегося канонира, который за две гиней взялся бы подорвать не только парламента, но и царство господне. Но разве мог Гай Фокс — блестящий офицер, командир расквартированного во Фландрии регимента аркебузирова его величества протестантского короля Англии и Шотландии — доверить столь необходимейшее для всех католиков дело случайному человеку, и притом не дворянину.

И Гай Фокс сам спустился в подвал.

В подвале было сыро и неуютно. Гай Фокс достал кремь, трут и подошел к бочкам.

А в это время его протестантское величество читало срочнейшую депешу из Парижа, стоявшую жизни четырем загнанным на дорогах Франции и Англии лошадям, где с должной верноподданнической витиеватостью сообщалось, что под протестантским тронном сейчас находится изрядное количество бушелей первосортного католического пороха и что фитиль вставлен, и Гай Фокс держит крепало.

А дальше случилось вот что. Гая Фокса свезли в Тайберн, где он, спокойно (волноваться ему уже было незачем) взойдя на эшафот, выслушал педантичную формулу:

«И вы, сэр Гай, будете повешены за шею и будете висеть так, пока не умрете...»

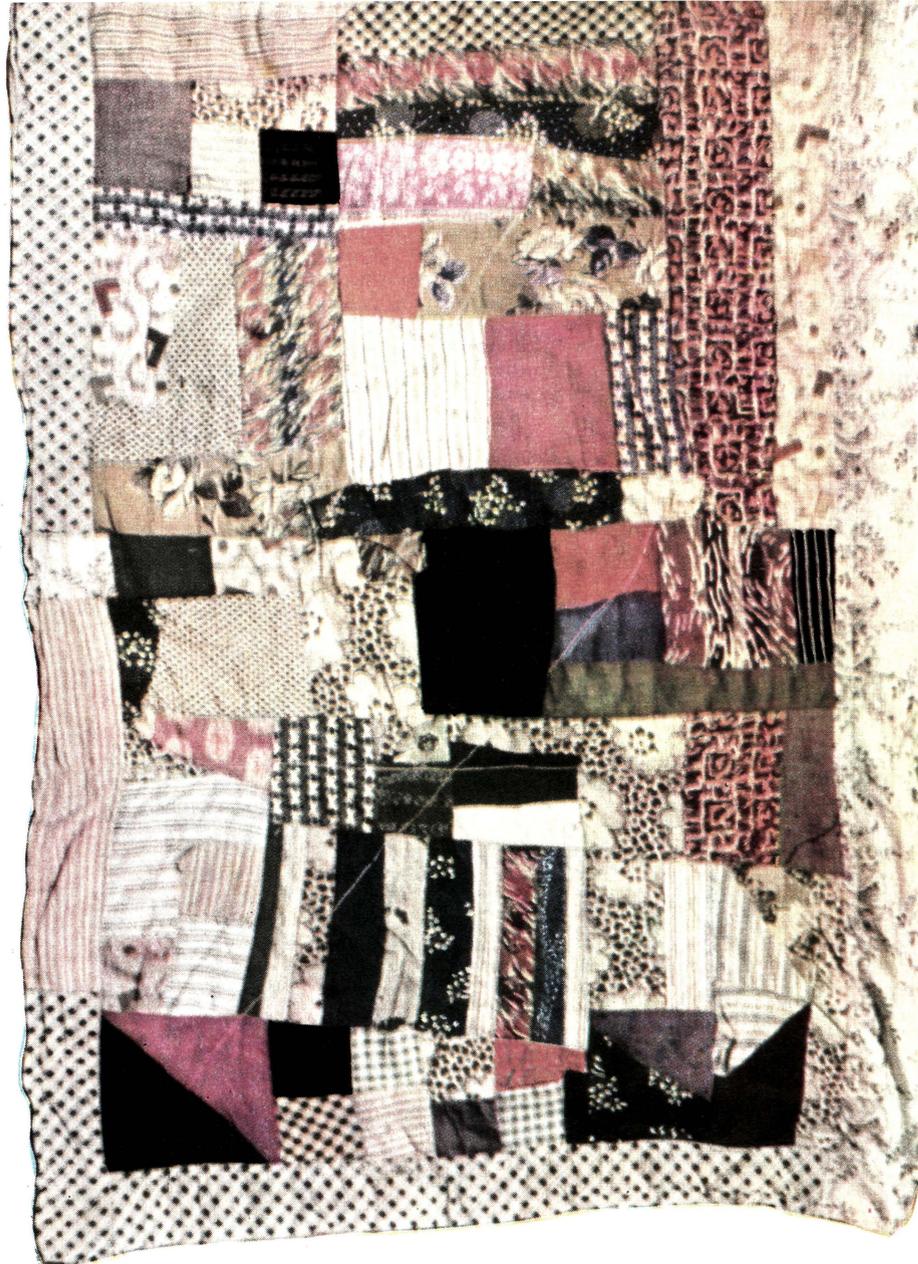
...Это было в 1605 году. Лондонская толпа, подождав, пока формула не материализовалась, соорудила чучело Гая Фокса, долго таскала его по грязным улицам Лондона и затем сожгла... И лондонская толпа жгла чучело Гая Фокса и через год, и через два, и через век, и через три...

А стража парламента по традиции перед каждой сессией обходила подвалы вверенного ей объекта и через год, и через два, и через век, и через три...

Этот снимок сделан в 1968 году.

В. ИЛЬИН

Б. ПОГОРЕЛЫЙ

Фото автора

НАША РЕЦКА

ПИНЕГА

Причудливой лентой течет по земле Пинега, одетая лесами, с водой, прохладной и звенящей, как хрусталь, с поющими косами песка, по которым только трясогузка да кулик-невелик семят тонкими ножками.

Пинега для пинежан не просто река. Многие столетия она была единственным путем, который связывал их с другими районами славянской земли.

«Наша рецка,— говорят старые пинежане.— Без нее дом не построишь и невесты не найдешь».

Сейчас пинежскую землю пересекают автомобильные дороги, в поселки регулярно совершают рейсы самолеты, но пинежане по-прежнему говорят: «Наша рецка» — так, как в ином месте сказали бы — «наша земля».

Чудские названия деревень на Пинеге чередуются с русскими: Репище и Лавела, Петрова гора и Кеврола, Михеево и Пиренем. Издавна рядом с чудью здесь селились русские. Многие обычаи в здешних местах хранятся с тех

давних пор. У каждой деревни — свои, которые корнями уходят к языческим временам, когда, как писалось в летописи, «игрища утолочена и людии множество на них, яко упихати начнут друг друга, позоры деюща от беса замысленного дела».

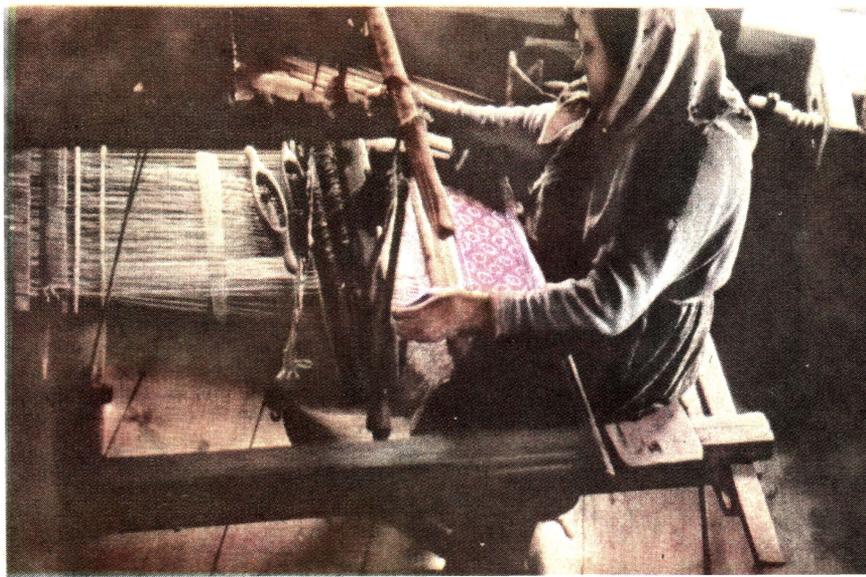
После длинной и холодной зимы, когда солнце поворачивает на лето, прибавляя людям света и разума, как говорил Пришвин, люди начинают чистить свои жилища, жечь во дворах мусор. И чем дымнее костер, тем скорее будут изгнаны «злые духи» зимней скованности. Так полагали раньше. В такой день в деревню съезжаются люди из окрестных сел, родные и знакомые, чтобы разделить с хозяевами веселую игру, которой стали ныне старинные обряды.

Все готово к празднику: вымыт белый пол, вытрясены поло- сатые домотканые половики, вычищены пестрые лоскутные одеяла. Хозяйка, открыв дверь на- стежь, первым приглашает к

праздничному столу Мороза, чтобы угостить его пивом, блинами и таким образом «обезопасить себя» от прихода его весной, когда из ожившей земли покажутся первые всходы. Гости толпятся во дворе, пока кто-нибудь самый храбрый, а может быть, тот, кому больше приглянулась хозяйка,

со словами: «А хозяйка во дому, как оладья во меду!» — входит в дом с пучком еловых веток. Он начинает «стегать» порог, приговаривая: «Здоровье — в дом, хвороба — в лес».

Перед празднеством раскрываются сундуки и извлекаются старинные одежды. Девушки на-

ряжаются в яркие платья, женщины и старухи — в костюмы более сдержанных тонов. Не только на праздниках вы встретите эти наряды северянок. Сейчас в них все чаще выступают и самодеятельные артисты сельских клубов.

Когда видишь, как на фоне избы-пятистенки, сложенной из крупных коричневых и золотистых бревен, пурпуром зари, алым маком вдруг неожиданно загорается платье сельской модницы, испытываешь захватывающее чувство, будто видишь ожившую сказку. Юбка сочного цвета — ярко-красная или небесно-голубая. Ее пышность подчеркивает узкая в талии парчовая жилетка — «бушка», надетая на белоснежную кофту — «коклюшницу» (с рукавами из плетеного кружева). Узкие яркие ленты завязаны на рукавах, широкие — прикреплены к головной парчовой «повязке», шитой жемчугом, бисером и мишурой. Формой она

напоминает древний кокошник.

Иная красавица одета в сарафан-«синяк» — пластичный и изящный по силуэту, с мягко расклешенной книту юбкой. Он украшен лишь медными пуговками и тонким слоем галуна. А вот мелькнул «зборенный» сарафан из холста кубовой синей набойки. Горожанам знакомы благородные старинные русские набойки — серый холст с рассыпавшимся на нем узором фантастических цветов. Но когда увидишь живые складки такого холста в сарафане, игру света и тени, переливы глубоких натуральных цветов, в который раз удивляешься вкусу мастериц, создавших эти гармоничные одежды.

Пляски, игры тянутся, чередуясь, несколько дней. Молодежь водит хороводы. Старики тянут пиво из «братины» или вдруг запоеют песню, да так талантливо, вдохновенно!..

Но, наконец, гулянье затихает.

Садится солнце. Земля, дома, лес теряют конкретность. Небо пламенеет красками, только что исчезнувшими с деревенской улицы. Тишина. Только слышно, как разговаривает Пинега с прибрежными камнями: то ласково, то вдруг сердито бормочет в старых корягах, то залопочет крыльями дикой утки. Закат постепенно угасает. Небо становится неясным, а свет — слабым.

Где-то еще плывет песня. Все в той песне — печаль и радость. Чуть слышные звуки ее мягко проникают в темноту и в ней теряются. Как-то щемящая грусть крадется таким вечером в душу, а память вырывает из глубины вот эти, когда-то прошедшие мимо, слова поэта о том, что любой человек, живущий на свете, должен «все на земле унаследовать: капища, игрища, зрелища, истины обнаженные, мысли уже зарождающиеся, кисти, уже погруженные в краски, уже разведенные».

СООБЩАЕТ ЧИТАТЕЛЬ

ПРИРОДА — СКУЛЬПТОР

В синюю глубину Иссык-Куля врезается кирпично-красная струя реки Чон-Кызыл-Су.

Прозрачные, насквозь просвеченные солнцем лагуны устья мягко вписываются в золотисто-желтый песок, раскаленный полуденным зноем. Бриз легкими по-

рывами подгоняет к берегу нежную рябь, которая отражается на светлом песчаном дне затейливым изменчивым узором. В такой час невозможно оставаться на берегу — вооруженные масками и ластами, мы скользим у самого дна, любясь игрою красок и наслаждаясь прохладой воды.

Но вот среди узоров на песке проступает причудливый силуэт камня. Сначала кажется, что форму его искажает зеленая призма воды, но, приблизившись, убеждаемся, что это не оптический обман. Странный камень действительно имеет очертания роскошного цветка орхидеи. Пораженные необычайной находкой, мы внимательно приглядываемся к песчаному дну и замечаем невдалеке целую россыпь фантастических каменных фигур. Сказочные животные, миниатюрные средневековые замки, застывшие в изящных движениях растения с окаменевшими цветами, древнегреческие вазы, барельефы, выразительные театральные маски, замысловатые абстракции.

Выйдя на берег, мы разложили на сухом горячем песке собранную коллекцию. И тут мы увидели, что вдоль песчаной косы лежат сотни таких же каменных фигур, выброшенных сюда жестоким иссык-кульским штормом!

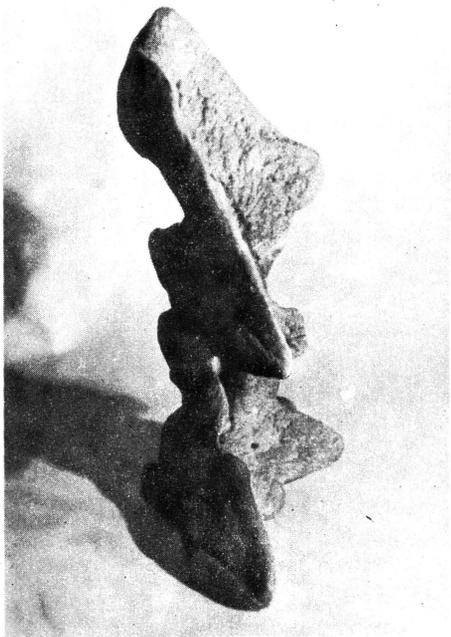
Никто не знает, как образуются эти скульптуры. Но есть вот какое предположение: в устье реки Чон-Кызыл-Су работает удивительнейший мастер — химия. Речная вода богата солями. В озере они выпадают в осадок — случай в общем нередкий. Но странность именно этой реакции в том, что в силу каких-то непонятных особенностей здесь осадок застывает на дне так, словно над ним потрудились руки скульптора.

Н. ДРОЗДОВ, А. СЕРГЕЕВ,
озеро Иссык-Куль

ЗОЛОТЫЕ СНЕЖИНКИ

В отменях крупных рек Восточной Сибири иногда встречаются настоящие «золотые снежинки». Эти рыхло-ажурные изделия природы построены из тончайших микроскопических кристалликов золота. Они хрупки и нежны, так что к ним страшно приотронуться. Вряд ли вода могла принести их издалека. Подробно их происхождение никто не изучал, но полагают, что «золотые снежинки» возникают тут же, в реке, кристаллизуясь из коллоидного золота, которое несет вода.

А. ЖУКОВ, инженер-геолог,
Кемеровская обл.

У КОЛДУНОВ НЕТ ДИПЛОМОВ

В XX веке на земле еще немало мест, где колдуны и знахари пользуются непрекаемым авторитетом и заменяют и врача и учителя.

Причины могущества колдунов кроются в отсталости, в племенных традициях, в изолированности от внешнего мира.

Гарри Райт, американский врач, отрывки из книги которого мы предлагаем читателю, не вскрывает сущности приемов колдунов, он лишь подробно регистрирует все им увиденное. Его наблюдения ценны достоверностью и свежестью взгляда человека, который сам себя называет «свидетелем колдовства».

Г. РАЙТ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Я пробыл в Дагоме три недели, прежде чем смог увидеть своими глазами обряд «возвращения из мертвых», самый таинственный и наименее понятный из обрядов дагомейских жрецов. Если сказать откровенно, мне помогла сила, заключенная в нескольких десяти-франковых бумажках, и старик Нгамбе, связанный со жрецами.

Отъехав несколько миль от Абомея, мы очутились в узкой долине. Скалы подходили все ближе к тропе, пока не оставили нам лишь небольшой проход. Нгамбе велел мне вести себя потише, то ли для того, чтобы скрыть от посторонних ушей мое присутствие, то ли для того, чтобы произвести на меня большее впечатление.

Сегодняшний обряд, как я понял из рассказов Нгамбе, заключался в «возвращении из мертвых» человека, на которого напал злой дух.

Порчу наслал колдун из соседней деревни. Жрец той деревни, где жил пострадавший, должен был разрушить или хотя бы нейтрализовать власть злого духа, который убил этого человека.

Мы присели на корточки за кустами, футах в пятидесяти от поляны, где столпились местные жители. Смеркалось, и я не мог уже фотографировать.

Человек, пораженный злым духом, лежал на земле. Никаких сле-

дов насилия на его теле не было видно. Около лежащего стояла группа людей, почти все голые; лишь некоторые были одеты в широкие рубахи. У нескольких человек на бритых головах были пучки волос — отличительные знаки жрецов. Тихие голоса сливались в ровный шум. Обряд еще не начался.

Главным здесь явно был старик, одетый в выцветшую коричневую армейскую рубаху, свободно свисавшую до колен. Я заметил нить гладких шариков из слоновой кости на его запястье. Это и есть главный жрец церемонии, понял я.

Несколько человек подняли тело — оно казалось мертвым — и отнесли его в центр поляны. Там его бесцеремонно бросили на землю.

Два человека начали ударять в большие барабаны, выдолбленные из стволов деревьев. Низкий гул наполнил лес. Барабанички были молоды, их мускулы свисали в узлы под блестящей кожей. Они отбивали такт с ритмичностью, почти завораживающей, лица их были суровы. В их волосах поблескивали белые и красные бусины.

Главный жрец, бормоча что-то нараспев низким голосом, начал ритмичный танец вокруг распростертого тела. Его коса подпрыгивала на бритой голове. Рубашка развевалась, обнажая черные ягодицы, когда он раскачивался из стороны в сторону.

Я наклонился к Нгамбе.

— Слушай, я ведь доктор. Мне хочется проверить, правда ли мертв этот человек. Можно это как-нибудь сделать?

Нгамбе затряс было головой, но все-таки поднялся и пошел вперед. Состоялось нечто вроде переговоров. Старый жрец прекратил танец и что-то недружелюбно пробормотал. Другие жрецы кивнули. Нгамбе вернулся в заросли, где я все еще сидел на корточках.

— Вы правда доктор? — спросил он.

Я подтвердил. Стоило ли в тот момент уточнять, что я всего лишь зубной врач? Нгамбе велел мне следовать за ним.

— Но не смей касаться мертвого! — резко сказал он.

Ладно. Я стал на колени около распростертого тела и склонился над ним. Танец прекратился, все собралось вокруг меня. На земле лежал крепкий, сильный парень, свыше шести футов ростом, с широкой грудью и мощными руками. В тот момент, когда я наклонился над телом, скрыв его от зрителей, мне удалось быстро припод-

нять веки жертвы, чтобы проверить, есть ли зрачковая реакция. Реакции не было. Я попытался нащупать пульс — пульса не было тоже. Не было никаких признаков бienia сердца.

Вдруг люди свалили меня дружно вздохнули. Я обернулся к Нгамбе. В его глазах сверкала злоба, а лицо было искажено ужасом.

— Он умрет! — закричал он мне по-французски. — Ты коснулся его. Он умрет!

— Он уже мертв, Нгамбе, — ответил я, вставая. — Это пре-

ступление. Я обязан доложить полиции.

Нгамбе все еще тряс головой, когда старый жрец неожиданно возобновил свой танец. Я встал поодаль, не зная, что же мне делать. Положение было не из приятных.

Человек тридцать окружили труп. Они завели низкими голосами ритмичную мелодию. Диапазон звуков был широк. Пение нарастало и убыстрялось. Казалось, что звуки проникают в уши мертвого человека. К моему удивлению, именно так все и было.

Вера в сверхъестественное, в то, что любую болезнь вызывают духи, насланные врагом, — основа первобытной магии. Для того чтобы вылечить больного, надо «изгнать духа».

У народа моси (Верхняя Вольта) «духов изгоняют» из головы больного холодной водой; шаман народа сарá (Чад) «прогоняет духов» своим нарядом, а колдун амазонского племени шаванта — резкими звуками погремушки.

«Мертвый» неожиданно провел рукой по груди и попытался повернуться. Крики окружающих людей слились в сплошной вопль, барабаны начали бить еще быстрее. Наконец лежащий повернулся, поджал под себя ноги и медленно встал на четвереньки. Его глаза, которые несколько минут назад не реагировали на свет, были широко раскрыты и пристально смотрели вверх.

Мне нужно было бы померить его пульс, чтобы знать, не было ли тут воздействия какого-то снадобья, но Нгамбе, обеспокоенный моим присутствием, все норовил увести меня подальше от круга танцующих. Потом я расспрашивал его, был ли тот человек действительно мертв. Нгамбе, пожал костлявыми плечами, ответил:

— Человек не умирает. Если дух не хочет его убить, он будет жить.

Он говорил на кошмарной смеси суахили и французского с добавлением немногих английских слов. Мне удалось понять, что тот человек был мертвым, ибо его убил дух, насланный его врагом. Этот дух вошел в тело человека и послужил сначала причиной его болезни, а потом и смерти. Однако на короткое время еще возможно вернуть в тело душу человека, если изгнать оттуда злого духа. Дотронувшись до человека руками, я чуть не сорвал все дело.

Мне лично сдается, что тому человеку дали какой-то алкалоид,

который вызвал состояние катаlepsии. Потому-то мне и показалося, что организм не функционирует. С другой стороны, он мог находиться и в состоянии глубокого гипнотического транса. Удивительно, что он вышел из этого состояния без помощи лекарств или известных стимуляторов.

ЧОРО

В тайнах дагомейских жрецов мне помог разобраться Чоро, живущий в тысячах километрах от Дагомеи, в центре девственных лесов бразильского района Шингу в Амазонии.

Чоро можно вполне назвать доктором в прямом смысле этого слова. Это был худой, производивший впечатление изголодавшегося, человек с необычайно некрасивым лицом и черными искрившимися глазами.

Когда я встретил его впервые, он зажал руками нос. Потом Чоро пояснил мне, в чем дело. У его племени, шаванта, существует обычай затыкать нос при приближении белого человека, чтобы злой дух, сопутствующий белому, не вошел через нос в тело индейца. Так что этот жест выражает не столько презрение, сколько страх перед злым духом, от которого у индейца нет спасения.

Всеобщий страх перед злыми духами — основа врачевания знахарей, и Чоро, нужно сказать, прекрасно владел психотехникой.

Однажды его срочно вызвали к женщине, у которой начались резкие боли в желудке. Все были уверены, что заклятье наслал враг. Чоро спросил меня, не хочу ли я присутствовать при его беседе с пациенткой. Я, естественно, согласился, и скоро мы очутились в темной хижине, на полу которой лежала больная.

Здесь я понял одну особенность практики Чоро да и других знахарей. Они даже не пытаются лечить болезни, принесенные белым человеком. Знахарь знает, что он бессилён; среди его снадобий нет такого, которое позволило бы спасти больного. Так что к этим болезням он относится, можно сказать, философски.

Но когда болезнь находится в пределах возможностей его «науки», Чоро принимается за ее лечение со всей энергией, энтузиазмом и, я бы даже сказал, мудростью. Часто ему удается справиться с болезнями, трудными даже для современной медицины.

...Чоро объяснил, что женщину

свалила болезнь, насланная колдуном соседнего племени. Он не назвал его имени (честно говоря, я сомневаюсь, знал ли он вообще своего противника). Колдуну помогал враг больной. Он-то и «послал стрелу» в желудок женщины.

Наверно, сказал Чоро, мне, как врачу своего племени, тоже неинтересно обследовать больную. Мне сдавалось, что старый хитрец с самого начала знал, в чем состояла причина болезни и какой будет ее исход. Но он хотел потретьясти меня своим искусством.

Мой диагноз был слишком прост: больная просто опилась местным спиртным напитком «тепаше». Я сказал об этом Чоро, но он затряс головой.

— Эта женщина тяжело больна, — сказал он. — Наверное, она умрет.

После такого диагноза он зачерпнул из тыквы пригоршню холодной воды и плеснул в лицо больной. Затем он повернул больную на спину и глубоко засунул ей пальцы в горло. Все это пока соответствовало принятым врачебным стандартам.

Женщину охватил приступ неудержимой рвоты. С моей точки зрения, это должно было значительно облегчить ее состояние. Однако положение оставалось по-прежнему критическим. Чоро достал большую погремушку, сделанную из сухой тыквы, и начал прыгать около больной, испуская громкие вопли. Эти вопли заглушали стоны больной.

Это, объяснил он мне позднее, должно было отогнать духов, которые столпились около больной, чтобы, уловив момент, причинить еще большие неприятности. Затем, склонившись над больной, он расспросил, когда та почувствовала первый приступ боли. Женщина отвечала, что ей стало плохо утром, когда она работала на плантации.

Чоро быстро выспрашивал пациентку. Я немного понимал местный диалект и разобрал, что Чоро спрашивает о ее врагах. Больная подняла руку и слабым голосом назвала пять имен.

Чоро кивнул. Затем он приказал, чтобы этих пятерых привели к нему.

Вскоре подозреваемые прибыли и стали вокруг гамака из виноградных лоз, где лежала женщина. Больная мрачно взирала на собрание своих врагов. Чоро действовал с профессиональной уверенностью. Он дал женщине набрать в рот какой-то жидкости и потом велел выплюнуть ее на землю.

Образовавшаяся лужица своей неправильной формой напоминала чернильную кляксу, придавленную листом бумаги. Один из языков лужицы выдавался вперед, показывая на одного из пятерых.

Человек с ужасом следил за действиями Чоро, затем бросил взгляд на больную, а та приподнялась в гамаке и указала пальцем на обвиняемого.

— Это он! — вскричала она.

Обвиняемый сидел на пол. Ноги не держали его. Его морщинистое лицо исказилось от страха. Чоро выпрямился, потом повелительно махнул рукой двум своим подручным. В племени шаванта знахарь не только врачует, но и выступает иной раз в роли начальника полиции. Подручные знахаря подскочили к обвиняемому и схватили его за руки. Чоро, выпрямившись как струна, указал на него пальцем и разразился гневной тирадой, которая, как я понял по его голосу и нескольким доступным мне словам, была приговором. Обвиняемый не произнес ни слова.

Стоило ему, однако, очнуться, как он начал бурно протестовать. Но тут двое индейцев выволокли его из хижины и повели к огороженной забором площадке, служившей местной тюрьмой. Чоро взял на себя труд разъяснить мне значение всего происходившего. Боль наслана на человека врагом с помощью чужого колдуна. «Таких людей, приверженцев зла, много, — сказал Чоро, — и их очень трудно опознать, если только не вмешается колдун, обладающий еще большей силой».

Я спросил Чоро, что случится, если женщина умрет. Чоро криво усмехнулся и провел рукой по горлу. Ну, а если больная выздоровеет, то только потому, что он, Чоро, обладает большей властью над духом страдальницы, чем колдун из враждебного племени.

У больной не было даже тени сомнения во власти Чоро. А ужас, который испытывал обвиняемый, доказывал, что и тот в этом не сомневался.

Мне было ясно, что Чоро не обманывался насчет конечного результата всей этой истории, а потому он не принял ни малейшей попытки выяснить истинные причины болезни. Он попросту приписал это колдовству. Короче говоря, Чоро с самого начала знал, что медицинская помощь тут бесполезна.

К полуночи больная умерла. Немедленно все индейцы повыскакивали из своих хижин и побе-

жали к ограде, где томился обвиняемый. Загон был пуст.

Чоро внимательно оглядел землю около входа в ограду. Затем он направился прямо к хижине исчезнувшего индейца. Она тоже была пуста. Чоро пошел кругами вокруг пустой хижины, временами бормоча что-то нараспев и ритмично потрясая головой и руками. Я наблюдал за этим часа три, пока мне не надоело. Тогда я отправился в свою хижину поспать. Утром Чоро все еще маршировал. Он не прервал своего хождения ни днем, ни следующей ночью, ни на следующий день. Ему приносили немного пищи в чаше, и он ел прямо на ходу. На вторую ночь Чоро прервал свой марш и подал сигнал помощникам. Ему принесли поднос с сухой кукурузой, вареным рисом и корнями тростника. Всю еду сложили у дверей хижины, а Чоро направился к себе домой.

Я остался на улице — и вдруг неожиданно увидел коричневое лицо в дверном проеме. Обвиняемый, видать, сидел все время в хижине или где-то рядом. Чоро не мог не знать об этом. Но, вместо того чтобы просто послать помощников вытащить жертву из хижины, Чоро почему-то предпочел свой странный метод следствия.

Человек жадно ел. Я обернулся и увидел, что колдун спокойно стоит у двери своей хижины, наблюдая за этой картиной. Человек тоже увидел Чоро. Неожиданно он сжался в клубок и покатился по земле. Тело его забилося в судорогах. Вскоре индеец был мертв. «Наверное, пища была отравлена», — подумал я и решил спросить об этом у Чоро.

Чоро взял поднос с остатками пищи и спокойно зачавкал. Его морщинистое лицо было совершенно бесстрастно. Еда действительно не была отравлена. Впрочем, не исключено, что Чоро брал для пробы те куски пищи, которые не были отравлены.

Я попытался проанализировать события, которым был свидетелем, с точки зрения медицины и психологии. Человек внезапно почувствовал приступы боли в желудке. Это могло быть одной из десятка возможных желудочных болезней. У меня не было возможности тщательно осмотреть больного. Ее могли отравить, у нее могло быть острое несварение желудка, острый запор или же какие-нибудь психические нарушения.

Женщина умерла, видимо, в ре-

зультате своей болезни. Перед смертью она обвинила другого человека, и этот человек умер тоже. Никаких физических причин его смерти не было видно. Было доказано его участие в злом колдовстве, он был уверен в своей вине и неотвратимости возмездия. Это все, что я знал.

Все племя было удовлетворено — даже родные умершей, поскольку виновник был выявлен и наказан.

Знахари, с которыми мне пришлось встречаться за время моих странствий, принадлежали к узкому кругу наследственных служителей культа. Доступ в этот круг очень ограничен. То обстоятельство, что почти все знахари используют более или менее одинаковые приемы, дало мне основание предположить, что им известны некоторые особенности человеческой природы.

Знахари понимают самые глубокие причины страхов и суеверий своих соплеменников. Они располагают набором приемов (некоторые называют их фокусами), с помощью которых воздействуют и морально и физически на своих пациентов. Знахарь зачастую использует различные листья, порошки и настойки, медицинские свойства которых весьма проблематичны. Но работает он в аудитории, где нет скептиков. Он применяет методы гипноза или самовнушения. Он пользуется фетишами, чтобы внушить веру, а чтобы создать атмосферу ужаса, он прибегает даже к убийству.

Я КОЛДУЮ СРЕДИ ПАПУАСОВ

В 1953 году я отправился на Новую Гвинею, чтобы произвести некоторые антропологические исследования. Я знал, что смогу познакомиться на Новой Гвинее с простейшими на свете видами знахарства и «черной магии».

Так и вышло.

Кажется, что даже воздух в этих местах пропитан колдовством. Недаром папуасы живут в постоянном страхе, а знахари процветают.

Папуасы, как и многие племена Африки и Южной Америки, верят, что душа может покидать тело во время сна. Если душа не вернется в свою телесную оболочку, наступает смерть. Лишь знахари — пури-пури — обладают властью над духами.

Помню, как в деревне Бабак, стоящей на реке Сепик, местный знахарь уличил одного человека в краже бетеля. Знахарь разжевал остатки бетеля, завернул эту кашлицу в сухие листья и посыпал «магическим» порошком. Затем он объявил друзьям вора, что тот умрет. И действительно, через несколько дней вор умер.

Австралийские власти отдали пури-пури под суд. Суд, однако, не продвинул вперед дела: разговор молчания, нечто похожее на сицилийскую «омертá», броней защитил обвиняемого.

Ясно было, что пури-пури своим присутствием наводит ужас на местных жителей. Свидетели просто отказывались говорить или сознательно лгали, причем эту намеренность лжи даже не скрывали.

Один из них прямо заявил переводчику, что пури-пури сильнее всякого суда и что колдуны могут обращать день в ночь, а ночь в день, превращаться в крокодилов, а также начинать войны между племенами. В последнем мне пришлось довольно скоро убедиться при весьма необычных обстоятельствах.

Я плыл по реке Сепик к деревне Тамбулин в долбленной лодке. Со мною был полицейский офицер и его небольшой отряд из восьми местных полицейских и двух носильщиков.

Мы уже выходили к устью, когда я заметил мрачные грозные тучи, собиравшиеся над нами. Тяжелые облака переваливались через горные хребты. Было видно, как ветер трепал их края. Начиная накрапывать дождь.

У самого берега к нашей лодке подплыл гонец от вождя деревни. Словами и жестами он дал понять, что нам не разрешается приставать. Насколько мы поняли, на берегу происходят или должны произойти какие-то события.

— Они уверены, что мы принесли дождь, — сказал офицер. — У них сегодня, кажется, большой праздник — синг-синг. Они не хотят, чтобы дождь испортил церемонию.

Синг-синг — это празднество, на которое собираются раскрашенные желтой, голубой, оранжевой и красной краской воины в богатых головных уборах из перьев райских птиц. Со всей округи приходят зрители. На празднестве исполняют ритуальные танцы.

Я давно уже хотел заснять синг-синг, так что отступить мне в этот раз было просто нельзя.

Я взглянул на небо. Судя по всему, собирался один из тех быстрых, мощных, но коротких штормов, которые в тропиках стремительно возникают, но исчезают столь же быстро, как и появляются. Было ясно, что в полную силу этот шторм не разразится.

— Скажи им, что я великий колдун, — велел я одному из полинейских. — Скажи им, что я прибыл сюда для того, чтобы присутствовать на большом празднике, и поэтому дождя не будет.

На лице посла отразилось сомнение, ибо дождь уже начал накрапывать, но все же он позволил нам пройти к хижине вождя. У меня был с собой небольшой барабан с медными тарелками сверху. Я замаршировал вокруг хижины, производя дикий грохот.

На втором круге дождь прекратился. Старый вождь, который наблюдал за моими действиями с видимым интересом, приказал носильщикам разгрузить наши лодки. Я решил воспользоваться та-

Папуасские женщины на празднике синг-синг ждут появления лесного духа. Когда «дух» появляется, колдун заклинаниями «загоняет» его обратно в лес. После такого наглядного доказательства никто не сомневается в могуществе пури-пури.

ким оборогом дела и объявил вождю, что, до тех пор пока я остаюсь в деревне, дождя не будет.

В эту ночь гремел гром и сверкали молнии. Было видно, как вдалеке идет дождь. Однако у нас не упало ни капли. Следующее утро было ясным и солнечным. Моя репутация пророка поднялась очень высоко.

Я сделал нужные мне снимки, сняв около 50 тысяч футов пленки. Скоро я уже был дома, в Соединенных Штатах. Я собирался вернуться в эти места на будущий год, чтобы продолжить свою работу, но ровно через год получил письмо от своего друга на Новой Гвинее. Оказалось, что мое прибытие на берега Сепика в данное время нежелательно. Деревня Тамбу-

лин ведет войну с соседним селением, а причиной ее явился «белый колдун со многими глазами»!

Сперва это показалось мне странным; но, хорошенько подумав, я понял причину. Люди из соседней деревни тоже собрались на синг-синг, а дождь разразился там в то время, когда я «колдовал» в Тамбулине. Праздник соседей был испорчен. Тогда они обвини-

ли тамбулинцев в том, что те пригласили белого колдуна, чтобы заколдовать им дождь. Это было не только нарушением законов добрососедства — это было прямым предательством. Результатом была война. И к тому времени, когда я планировал свое возвращение, она еще продолжалась.

Перевел с английского
И. ВЕРЕЩАГИН

Потому что здесь был больной ребенок. Здесь было радио, нуждавшееся в починке. Культура, которую нужно было продумать и направить. Здесь его ждал непочтатый край работы. Из всех мест, которые он посетил на своем пути, это было единственное, где он был по-настоящему нужен.

Человек снова усмехнулся.

— Капитану вряд ли это понравится.

— Тогда посоветуйте ему, — сказал Ричард Дэниел, — чтобы он спустился сюда и поговорил со мной лично. Я сам себе хозяин. Я капитану ничего не должен. Я с лихвой уплатил ему свой долг.

Колеса повозки пришли в движение, и человек еще раз взмахнул вожжами.

— Будь как дома, — произнес он. — Мы рады, что ты остаешься.

— Благодарю вас, сэр, — отозвался Ричард Дэниел. — Мне приятно, что я не буду вам в тягость.

Посторонившись, он смотрел на катившиеся мимо повозки, колеса которых поднимали легкие облачка сухой, как порох, земли, и она едкой пылью плыла в воздухе.

«Будь как дома», — сказал человек, перед тем как отъехать. И в словах его была искренность и теплота. Много воды утекло с тех пор, как у него был дом, подумал Ричард Дэниел.

Покой и возможность познать — вот в чем он нуждался! И в возможности приносить пользу, так как теперь он знал, что в этом его назначение. Должно быть, это и было истинной причиной того, что он остался, — он нужен этим людям... И ему, как это ни странно, была необходима эта самая их потребность в нем. Пройдут поколения, и здесь, на этой сходной с Землей планете, возникнет новая Земля. И быть может, когда-нибудь ему удастся передать людям этой планеты все свое внутреннее могущество и свою способность к проникновению в суть вещей.

И он замер, пораженный этой мыслью, ибо никогда не поверил бы, что в нем таилась такая жажда самопожертвования. Он уже не мессия, не освободитель роботов, а скромный учитель рода человеческого.

Быть может, все шло к тому с самого начала. Быть может, все происшедшее было лишь закономерным развитием судьбы человечества. Если люди не могли своими собственными силами выявить и подчинить себе инстинкт разума — скрытые в человеке паранормальные способности, то они добьются этого косвенным путем, с помощью одного из своих творений. Может быть, в этом и заключалось не осознанное самим Человеком главное назначение роботов.

Он повернулся спиной к кораблю и яростному реву капитана и неторопливо пошел по деревенской улице; с чувством полного внутреннего удовлетворения вступал он в этот новый, обретенный мир, мир, который он собрался построить, — но не во имя самоутверждения, не для возвеличения роботов, а для того, чтобы сделать человечество лучше и счастливее.

Какой-нибудь час назад он поздравил себя с тем, что не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силочеловека, не ведая, что самая великая ловушка, последняя и роковая ловушка, ждала его на этой планете.

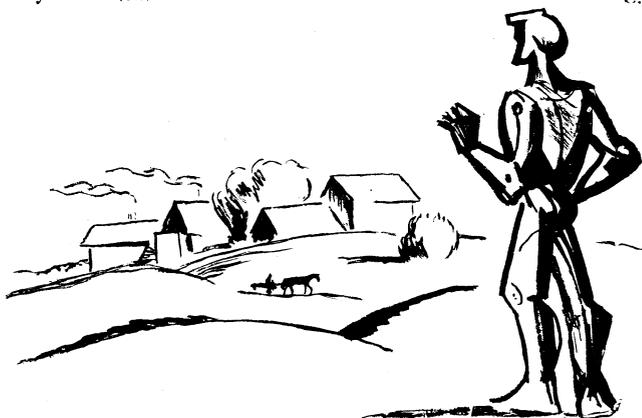
Нет, это неверно, сказал он себе. На этой планете не было никакой ловушки, как ее не было и на других. Ловушка скрывалась в нем самом.

Безмятежно шагал он по изрытой колесами дороге в ласковом золотистом предвечерье осеннего дня, и за ним следом бежала собака.

Где-то неподалеку плакал в своей колыбели больной ребенок.

Конец

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

ЛОСОСЬ ИДЕТ НА ЗАПАХ

С таким утверждением выступил известный канадский биолог Артур Хаслер после десятилетнего изучения проблемы: как лососевые рыбы находят пути к местам нереста, что позволяет им безошибочно идти за тысячи морских миль к месту своего рождения? Ведь известно, что они порой даже пересекают океан, чтобы добраться до родной реки.

После многочисленных опытов доктор Хаслер пришел к следующему выводу. В начале своего путешествия к местам нереста косяки рыб, по-видимому, ориентируются по солнцу, хотя, как говорит сам исследователь, многое в этом вопросе еще не ясно. Когда же они подходят примерно на расстояние 30—40 миль к побережью, каким-то, пока еще не ясным науке, способом рыбы улавливают... запах родной реки, что и позволяет им безошибочно идти к месту нереста.

Безусловно, предположение Хаслера не может объяснить всех загадок, связанных с проблемой ориентации «рыб дальнего плавания», но сообщения исследователя вызвали интерес среди ученых.

УНИКАЛЬНАЯ ГАЛЕРЕЯ

обнаружена на скалах Башкирыла в Средней Азии.

Дело в том, что поверх многих палеолитических изображений козлов, охотников, преследующих добычу, ритуальных обрядов, часть из которых еще даже не расшифрована, нанесены кресты, словно перечеркивающие творчество первобытного художника. Исследователи предполагают, что это так называемые несторианские кресты. Несториане — первые христиане тюркского происхождения, населявшие отдельные районы Средней Азии с IV по XIV век. Видно, они жили и здесь. Таинственные знаки воспринимались ими как «дьявольские». И поэтому-то, «освящая» эти «нечистые» места, они и наносили на бесценные рисунки первобытного охотника эти кресты... Исследования уникальной галереи продолжаются.

ОСЕДЛАВ РОНУ

Стремительный поток неумолимо несет человека к краю водопада. Мгновение — и он летит вниз, кажется, прямо на камни. Человек исчезает в холодном кипятке. Лишь миной перекачивается на поверхности голова в черном шлеме.

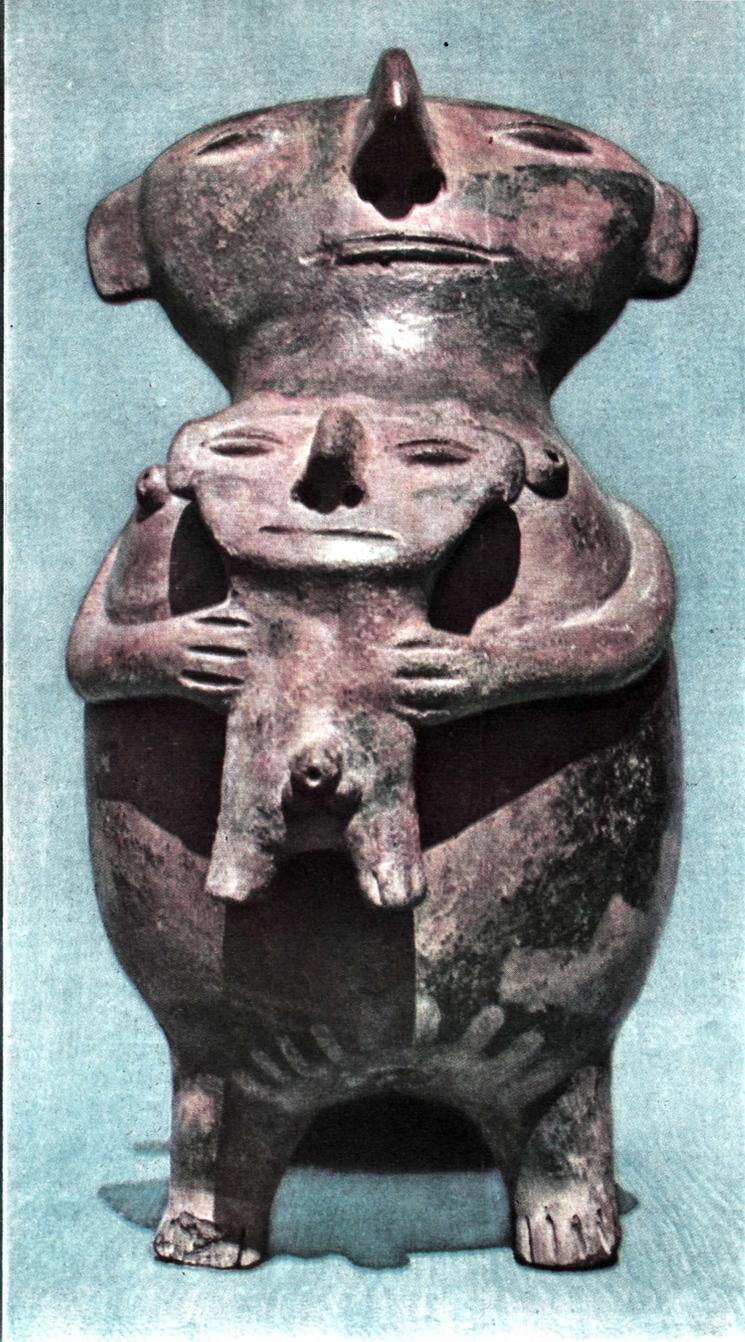
Это новый вид спорта. Его изобрели четыре пловца из Южной Франции — Робер Кретьен, Роже Бенуа, Жильбер Морель и Жан-Луи Гильмар, искатели «неклассических» приключений на воде. Они отвергли каяки и яхты, каноэ и плоты — все их снаряжение состоит из облегченных водолазных костюмов и плавучих мешков из пенопласта. Эти мешки служат не только «судном», но и амортизатором.

В сентябре прошлого года эта четверка смельчаков пронеслась сквозь 170 километров бурлящей Роны от Обервальда до Женевского озера. Путь был нелегким. Относительно спокойная в начале маршрута, Рона превращается вскоре в бешеный поток с головокружительными водопадами и скалистыми уступами. Но, конечно, труднейшим испытанием оказалось преодоление Сустенской плотины, которая выше любого ронского водопада. (Да еще и гидротехнические устройства попортили смельчакам немало крови.) Лишь туго натянутая нейлоновая веревка страховала пловцов, когда они совершали свой отчаянный прыжок. Однако семь дней на воде прошли благополучно, если не считать синяков и царапин.

Это уже третья экспедиция четырех друзей. В позапрошлом году они покорили горную реку в Пиренеях и бурный поток Лозер. Плавание — их увлечение. Если они не плавают сами, то обучают плавать новичков или помогают спасательной службе на лодочных станциях.

Оседлав Рону, четверка не успокоилась — есть еще много «необъезженных» рек.

С. ШВЕДОВ

Медная пластина схематично очерчивает силуэт человека, исполняющего, по-видимому, какой-то ритуальный танец.

«Мадонна Викас с младенцем» — так назвали этот сосуд. И когда из сосуда выливается вода, «Мадонна Викас» поет нежно и мягко. Словно колыбельную...

Этот сосуд тоже поет, когда из него выливается вода. Но о каких тайнах истории рассказывает песня, которой обучил надменного глиняного человечка скульптор-гончар почти две тысячи лет назад?

несколько лет назад в Лиме на рынках и в мелких лавчонках, держатели которых промышляли старинными вещами, появились необычные глиняные сосуды, резко отличающиеся от всего, что было известно коллекционерам и археологам. Тщательный анализ убедил исследователей, что эти сосуды не сфабрикованы поддельщиками древностей, а изготовлены более двух тысяч лет назад... Это уже была сенсация.

Сосуды оказались следами одной из древних цивилизаций Перу, о существовании которой никто даже не догадывался...

Начались лихорадочные поиски места, где были сделаны находки. Антиквары ничего не могли сказать определенного — сосуды им тайком продавали «уакерос», профессиональные грабители могил. В конце концов следы привели к деревушке у восточных отрогов Сьерра-Викуса, горного хребта на севере Перу.

...Оказалось, все началось с того, что в 1962 году крестьяне случайно обнаружили на склоне одной горы несколько заросших кустарником ям. Когда ямы были расчищены, на дне их крестьяне увидели глиняные сосуды, медные чаши, позолоченные кубки, золотые навершия жезлов и посохов, кольца, серьги, браслеты, остатки ши-

Кого вылепил древний гончар? Самого себя, несущего на базар свое изделие? Служителя неведомого нам божества в священном уборе? А может быть, водоноса?

ставке были представлены те самые глиняные сосуды, с которых началось открытие Викуса. Вылепленные от руки — гончары Викуса, по-видимому, не знали гончарного круга, — эти сосуды поразили своим скульптурным совершенством. Некоторые исследо-

пор такого изображения на изделиях древнеперуанских мастеров ученые не знали... По-видимому, это символ какого-то неизвестного древнеперуанского божества. Но какую роль он играл в мифологии древних жителей Перу — на это исследователи ответить пока не могут.

Но не только необычные сосуды Викуса поразили исследователей. Большинство медных предметов: церемониальные чаши, набалдашники для посохов, щиты, нагрудные пластины и планеты — круглые диски, нашиваемые как украшение на одежду, — были покрыты тончайшим слоем золота. И это удивительное, ювелирно тонкое искусство мастеров древнего Викуса не имеет себе равных в металлургии Перу той эпохи. И это тем более поразительно, что в районах, прилегающих к Сьерра-Викусу, до сих пор вообще не были известны металлургические изделия того времени...

Поиски продолжаются. Настоящее открытие Викуса еще впереди, ибо никто еще не может сказать, что же представляла собой эта исчезнувшая цивилизация. До сих пор не найдено ни одного поселения этой культуры, а из огромного некрополя на склонах Сьерра-Викуса на долю археологов осталось лишь несколько могил, не замеченных грабителями...

Г. БОСОВ

тов, мечей, наконечники стрел. Об этом узнали «уакерос» — и началось великое ограбление Викуса. Когда археологи пришли сюда, сотни могил — драгоценнейшие памятники неизвестной цивилизации, которые могли бы дать неоценимые сведения о древней истории всей Южной Америки, — были перекопаны, разрушены и навсегда уничтожены для науки.

Лишь с большим трудом в 1964 году удалось устроить небольшую выставку изделий Викуса, собранную из экспонатов частных коллекций. В основном на вы-

ватели даже считают, что они больше скульптуры, нежели просто сосуды. И эти скульптуры... пели.

Древние гончары снабдили их многочисленными, хитроумно переплетенными маленькими каналами — своего рода органом, поющим тогда, когда вода выливается из наклоненного кувшина.

Удивительна, а во многом загадочна и роспись этих сосудов: среди геометрических узоров часто встречается изображение какого-то странного насекомого, отдаленно напоминающего муравья. До сих

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Ушли в глубину невероятные рыбы Эльгыгыт гына, зимние ветры начали многомесячный матч в горных долинах, и на щебнистой равнине вокруг озера принялись похвастываться поземки. Вероятно, именно о таких местах Тютчев написал: «...И гонит буйный вихрь, не знающий покоя, пыль снежную вдоль смутных берегов...»

Но, начавшись на «смутных берегах», история поисков лета 1967 года на этом не кончалась. Еще перед экспедицией я обратился к некоторым людям, которые могли бы пролить свет на интересующую меня проблему. Дома меня ожидали три письма. Из Канады откликнулся Фарли Моуэт. Из старинного казачьего поселка Марково на реке Анадырь прислал письмо егерь, охотовед с тридцатилетним стажем и медвежатник Виктор Андреевич Гунченко. Доктор Бернар Эйвельманс в Париже тоже получил мое письмо и любезно прислал пространный ответ.

Настала пора обозреть собравшуюся информацию в строгой чистоте письменного стола, когда эмоциональные факторы вроде костерка из полярной березки или стука камней в тишине горных долин отсутствуют. Распространенное человеческое предубеждение гласит, что эмоции мешают объективному анализу.

Пирамида умозаключений строилась примерно так.

А. Фундаментом всей истории послужили слухи, редкие известия и свидетельства о существовании медведей непомерно большой величины в Северо-Восточной Азии и смежных районах Северной Америки. На эти слухи и известия можно было при известной склонности к скептицизму махнуть рукой, если бы не факт существования гигантского медведя-кадьяка; обычно медведь весит около 300 килограммов, крупный — 500, громадный вроде гризли — до 700, но медведь, доставленный в Берлинский зоопарк с острова Кадьяк, весил 1200 килограммов.

И не менее важным фактом является полное совпадение легенд о большом медведе у двух групп людей, разделенных широким проливом: у эскимосов континентальной Аляски и у пастухов Чукотки.

Первичная гипотеза, в которую я поверил еще на острове Врангеля, когда собственными глазами видел белого медведя громадных размеров, состояла в том, что у медведей просто могут появляться особи ненормально больших размеров. При этом нет оснований говорить о существовании какой-то особой расы или вида гигантских этих животных.

В связи с уменьшением общего числа медведей по законам статистики должно уменьшаться и

до хвоста с лишком 20 четвертей; шкура же в 18 или 19 четвертей в Забайкалье не редкость...» Если учесть, что русская четверть — это 17 сантиметров, то первоначальная гипотеза получала солидное подкрепление.

Легко можно прийти к выводу, что с заселением Сибири крупные медведи обычного вида сохранились лишь дальше к востоку — скажем, в глухих районах Чукотки. Тем более что восточные медведи, например камчат-

С. КУВАЕВ, наш спец. корр.

Очень большой

МЕДВЕДЬ

число крупных особей. И я заинтересовался тем, каких же медведей бивали в старину, например, в Восточной Сибири. Вот что сообщает об этом добросовестный исследователь, охотник и литератор, горный инженер Александр Александрович Черкасов, живший в Забайкалье в середине XIX века:

«...Надо заметить, что в Сибири медведи достигают страшной величины. Мне случилось видеть на одной из станций Красноярской губернии шкуру только что убитого медведя длиной от носа

ские, всегда считались крупнее своих западных сородичей.

Но Виктор Андреевич Гунченко сообщил мне:

«Я живу в Марково с 1932 года. Лично сам убил 16 медведей, среди них крупнее 250—350 килограммов не было. Я знаю здешних охотников-медвежатников, добывших до 40 медведей. Один из них, Мирновский, умерший в 1965 году, рассказывал, что огромных медведей он не добывал, но застрелил в 1962 году старого самца около 500 килограммов весом. Я много лет работал прием-

По следам гипотезы

щиком пушнины, и через мои руки прошло много шкур. Думаю, что в пределах Анадырского района (он расположен к югу от области озера Эльгыгытгын.— О. К.) медведей огромных размеров не добывалось...»

Конечно, свидетельство В. А. Гунченко распространяется только на Анадырский район, а именно он был центром казачьей колонизации Чукотки еще с середины XVII века. Но тем не менее гипотеза о местных медведях-переростках получила солидную трещину,— у охотников есть

тальное число гризли попасть или эпизодически попадать на Чукотку? Убежденным сторонником этой гипотезы выступает в своем письме Фарли Моуэт.

«Мне кажется,— пишет он,— что ваш гигантский медведь может оказаться родственником североамериканского гризли, который, как вы знаете, самый большой на свете... Поскольку они живут невдалеке от Берингова

Тогда понятно удивление людей, встречавших «загадочных медведей»,— облик гризли непривычен для пастухов Чукотки. Тогда понятно, почему он встречается так редко. Этот пришелец быстро исчезает, ибо биологическое воспроизводство даже в пригодных для жизни условиях требует определенного (и весьма немалого по законам биологии) числа особей обоего пола. Но это же соображение заставляет усомниться в заманчивой гипотезе сохранения в делях горных долин реликтового медведя прежних времен. (Кстати, в своем письме Фарли Моуэт со свойственной ему писательской эмоциональностью не удержался от обсуждения и такой догадки: «...В Торнгатских горах на полуострове Лабрадор эскимосы рассказывают о другом типе медведя, с очень длинными волчьими зубами. Еще ни один белый человек такого медведя не видел, и, возможно, это миф. Однако описания эскимосов очень похожи на реконструкцию пещерного медведя, который, как предполагают, исчез несколько тысячелетий тому назад. Все это может служить слабой надеждой на то, что небольшое число пещерных медведей существует и сейчас. И если это так, то я поискал бы их именно в горных районах Верхоянска, Колымы и Анадыря...»)

Как бы там ни было, существуют рассказы о медведе, поражающем воображение пастухов на Чукотке и эскимосов на Аляске. Медведь — живой зверь, он уклоняется от встреч с шумными экспедициями, будь то геологи, топографы, этнографы, тем более что все эти люди лишь гости в полярных горах и тундре. И если согласиться с тем, что такой медведь существует, то надо либо принять гипотезу случайно забредавшего в Азию гризли, либо предположить, что существует редкий и малочисленный вид гигантских медведей, вроде медведя-кадьака. Вопрос этот тем более сложен, что сама систематика и описание арктических бурых медведей еще в общем-то несовершенна.

Несколько страниц письма доктора Бернара Эйвельманса и были посвящены именно этому, видимо, весьма интересующему его вопросу.

«В настоящее время,— пишет

«...В 1898 году впервые стало известно о существовании самого крупного в мире хищника — огромного бурого медведя...» — писал бельгийский зоолог Бернар Эйвельманс.

О наводящем ужас чудовище говорили также пастухи глухой Чаунской долины на Чукотке. Фарли Моуэт, канадский писатель, в книге «Люди оленьего края» приводил рассказы, услышанные от жителей Аляски, о страшном буром звере ростом вдвое выше белого полярного медведя. Я пришел к убеждению, что если организовать экспедицию на Чукотку, то, может быть, посчастливится разобраться во всей этой чертовщине с медведями непомерной величины, о которых говорят то на Чукотке, то на Камчатке, то на Аляске...

С этим я и пришел в «Вокруг света». За исходную точку поисков мы выбрали озеро Эльгыгытгын, в трехстах километрах от Чаунской губы.

...Но проходили дни, недели — медведей на озере Эльгыгытгын не было, хотя в прошлом это было излюбленным местом их кочевий. И лишь в самом конце непогожего чукотского лета геологи, вернувшись с верховьев Аноя, сообщили, что видели на гребне одного из хребтиков бредущего огромного медведя очень светлой, почти белой окраски. Белый медведь забрести за сотни километров от побережья Ледовитого океана не мог... Я не сказал, что это может быть тот, кого я ищу, — страшный, одинокий, погибающий от голода, ибо все живое ушло в это лето отсюда. Я решил сам пойти по этим следам.

Но тут непогода установилась прочно и навсегда... Год, выбранный мной для поиска, оказался на редкость неудачным.

Таково вкратце содержание первой и второй тетрадей очерка «Очень большой медведь» («Вокруг света» № 1—2 за 1968 год).

свои каналы информации, и в случае добычи ненормально большого медведя Гунченко, безвездно живущий на Чукотке, знал бы об этом.

Б. Значит, речь может идти скорее не об азиатских медведях, а о каких-то других, экзотических (а может быть, реликтовых?), живущих в таких пустынных местах и встречающихся так редко, что охотники до них и не добрались. Кстати, пастухи говорили не просто о большом, а об «особом», «страшном» медведе. «Особость» можно объяснить необычным внешним видом — например, окраской, — «страшный» можно объяснить размерами и агрессивностью.

Наиболее крупным медведем из известных науке является гризли. Может ли какое-нибудь незначи-

пролива, вполне возможно, что в прошлом они могли мигрировать в Сибирь. Следы их огромны, и даже по следу можно видеть, что этот зверь вдвое крупнее обычного. Сообщения о гигантских медведях на Чукотке я считаю вполне вероятными. Они могут основываться на реальных фактах. Возможно, что легенды о гигантских медведях на Чукотке говорят о тех медведях, которые продрейфовали Берингов пролив на льдине или пересекли его пешком в особо суровые зимы. Я говорю так, потому что аляскинский гризли — великий кочевник...»

Трудно судить о том, может ли сухопутный гризли дрейфовать на льдине. Но пересечь замерзший семидесятикилометровый пролив ему, вероятно, не трудно.

Бернар Эйвельманс, — большинство ученых пришло к общему согласию насчет того, что надо свести к одному виду бурых медведей-гигантов и серых медведей, или гризли, Евразии и Северной Америки, который подразделялся бы, следовательно, на многочисленные подвиды.

...Самым разумным и самым правильным было бы считать бурых медведей-гигантов как крайнюю форму вариаций гризли...»

«Бурый медведь-гигантом» доктор Эйвельманс называет медведя «урсус арктос миддендорфи», зона распространения которого ограничивается прибрежной полосой в сотню километров полуострова Аляска, но охватывает также многочисленные острова вдоль побережья, в том числе и знаменитый остров Кадьяк. Таким образом, доктор Эйвельманс считает, что гипотетический «большой медведь» Чукотки —

азиатский собрат бурого медведя-гиганта, или медведя-кадыка, живущего по ту сторону Берингова пролива. И при изучении азиатских медведей доктор Эйвельманс рекомендует прежде всего труды советских ученых.

Подходя к концу своего рассказа о поисках «очень большого медведя», я не могу не остановиться еще на одной вещи. Двое из моих уважаемых корреспондентов пользуются в мире достаточно широкой известностью. Я говорю о писателе Фарли Моуэте и профессоре Бернаре Эйвельмансе. В их письмах есть одна общая нота: они с грустью пишут об исчезновении замечательных зверей — медведей. «Я говорю о гризли прерий, — пишет Моуэт, — которые населяли Канаду и Соединенные Штаты и были истреблены после заселения этих областей. Ныне они считаются вымершими...». «Таким об-

разом, нет больше надежды разрешить проблемы классификации медведей вида «урсус арктос», — пишет Эйвельманс.

По-видимому, можно не соглашаться с пессимистической оценкой доктора Эйвельманса, ибо пока есть медведи, есть и надежды на их классификацию. Но кем бы ни был таинственный «большой горный медведь» Чукотки — случайным пришельцем с другого континента или представителем вымирающей группы, редким аборигеном Анадырского нагорья или Корякии, бесспорно одно: в поисках, которые, несомненно, будут продолжаться, надо заранее вооружиться вниманием и любовью к ним. Не человек нужен медведю, а медведь — человеку, ибо природа дала человеку право сильного, которое в данном случае трактуется однозначно — защищать.

Конец

Очерк О. КУВАЕВА комментирует кандидат биологических наук Ф. Р. ШТИЛЬМАРК

Скажу сразу, что я принадлежу к скептикам и в существование неведомых науке крупных наземных животных решительно не верю.

Тем не менее у меня не поднимается рука бросить камень в искателя «очень большого медведя». У документального рассказа Олега Куваева два основных достоинства: во-первых, он не содержит надуманных сенсаций, а во-вторых, имеет реальное научное основание: гигантский медведь на Аляске — не плод фантазии, а ведь когда-то Аляска была соединена с Чукоткой. Биологическое объяснение существования «очень большого медведя» в общих чертах таково.

Бурый медведь, распространенный как в Евразии, так и в Северной Америке, отличается очень большой географической, а также индивидуальной изменчивостью. Обычный вес бурого медведя не превышает 200—250 килограммов. Однако хорошо известно, что на северо-востоке нашей страны и в северо-западной части Америки обитает бурый медведь более крупных размеров. В нашей литературе известно о медведях с Камчатки весом до 650 килограммов, а на Аляске — до 740. Наконец медвежий «мировой рекордсмен» с феноменальным весом в 1200 килограммов, о котором упоминает Куваев, был доставлен в Берлинский зоопарк с острова Кадьяк. Большинство исследователей считают, что медведи Камчатки, Аляски и даже чудовищный «медведь-кадык» весом 1200 килограммов не являются особыми видами. Это самый обычный бурый медведь, только действительно очень большой. «Бывает. Встречается. Редко», — говорит Куваеву местный охотник. Ну что же, вполне возможно. Причем именно на северо-востоке нашей страны, в глухих районах Камчатки, Анадырского и Колымского нагорья, особенно там, где зверей редко беспокоят, где они доживают до расцвета сил и своей могучей старости, могут быть встречены «самые большие медведи». Повторяю, что считать их особыми неизвестными науке видами нет достаточных оснований.

Но все это ни в коей мере не накладывает табу на самую идею поисков, подобных тем, что велись в районе озера Эльгыгытгын: они, несомненно, окажут определенную услугу науке, ибо уровень зоологической изученности наших дальних краев не столь высок, чтобы пренебрегать энтузиазмом и энергией тех, кто захочет продолжать такие экспедиции.

И здесь важно не только открытие нового вида животного. Ведь существуют в нашей стране такие звери и птицы, которые описаны в книгах, имеют установленные названия, но, по существу, остаются неизвестными. Среди зверей ярким примером может служить красный волк. Его чучела можно увидеть в музеях, даже в клетках зоопарка бегают живые красные волки, доставленные из Ки-

СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ

тая или Индии, а вот часто ли приходится встречать этого зверя на территории нашей страны? Каждая такая встреча — своего рода научная находка.

Красный волк — обитатель гор Южной Азии. Вероятно, именно этого зверя описывает Р. Киплинг под именем «рыжей собаки Декана», с которой дрались Маугли и его волчья стая. В. К. Арсеньев, один из немногих исследователей, воочию видевших этого зверя (он стрелял в него, но промахнулся), тоже называет его «шакалоподобной дикой собакой». Красный волк мельче серого, более приземистый, с мохнатой красновато-рыжей шерстью, длинным пушистым хвостом и короткими ушами. В нашей стране красный волк изредка встречается в горах Средней Азии, на юге Тувы, по горам Забайкалья и Приамурья. Во многих книгах указывается, что красный волк более известен в горах Тянь-Шаня и на юге Дальнего Востока. Действительно, первые исследователи природы Приамурья — Р. К. Маак, Л. И. Шренк — со слов местных охотников свидетельствуют, что красный волк когда-то не был здесь особой редкостью. Дерсу Узала знал этих зверей и рассказывал Арсеньеву, что красные волки «всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами и оленями».

Подобные сведения приводятся и в научной литературе, но в основном по наблюдениям в других странах. За последние десятилетия случаи появления красного волка на Дальнем Востоке и в Сибири исключительно редки. Известный знаток охотничьей фауны Дальнего Востока В. П. Сысоев за последние 30 лет знает лишь один факт. Большинство охотников — удэгейцев, нанайцев, орочей, которых мне довелось расспрашивать, говорили, что от своих отцов и дедов слышали об этом звере, но сами не встречали его. Удэгеец П. Амулинка с реки Хунгари рассказал, что в детские годы ходил с отцом в верховья Анюя и встречал небольшие стаи (до семи голов) красных волков. Орочи с реки Тумнин тоже знали этих зверей и называли их шакалами.

В общем, если в Средней Азии красный волк — очень редкий зверь, то для жителей Дальнего Востока он стал таинственным, загадочным животным, о котором уже почти никто ничего не знает. Возможно, что это связано с общим сокращением численности вида, но надо учитывать, что отдаленные высокогорные районы Сихотэ-Алиня — и особенно Баджальского хребта — совершенно не посещаются охотниками. И поэтому все достоверные сведения о красном волке заслуживают пристального внимания.

Я привел только один пример. Но сколько еще осталось на земле «следов невиданных зверей»? И я уверен, что по следам этим пойдет еще много новых экспедиций энтузиастов, экспедиций, рожденных тягой к познанию окружающего мира.

Джо Горсе

Чаше кровавой и горестной

Чтение детективов не всегда вознаграждает читателей умудренных и взыскательных. Конечно, сюжет детективов обычно увлекателен и уж по крайней мере запутан, но вот художественные достоинства, увы, бывают, что называется, не на высоте. Однако рассказ, который мы вам предлагаем, — похождения детектива XVI века, который в одиночку решил расследовать «злодейское и гнусное убийство» Кристофера Марло, английского поэта и драматурга, происшедшее 30 мая 1593 года, — похоже, выдержит критику самых придирчивых ценителей художественного слова. Пока мы не можем сказать, почему это так. Отнеситесь к рассказу как к загадке. Мы же можем подсказать вам лишь одну его странную особенность. Он, как бы это выразиться, не принадлежит целиком перу его автора Джо Горса.

Не знаю, что гнало меня — то ли дремавшее доселе честолюбие, то ли беспокойство о судьбе первенца моей фантазии, — но я покинул спокойные берега Дувра, где труп «Слуги Адмирала» представляла «Трагическую историю доктора Фауста» Кристофера Марло, и вернулся в Лондон. В несчастливый день въехал я в город на Темзе, где чума прибирала ежедневно чуть не тысячу жизней. Карающая десница унесла уже многих моих друзей, в том числе и бедного Кита, но его потеря казалась мне невозможной, ибо дружба наша была больше, нежели простое притворство.

Закончив свои дела у Дика Филда, я возвратился к обеду в снятую мной комнату на Бишопсгейт неподалеку от Кросби Холла. Поднявшись к себе по сырой и мрачной лестнице, я увидел, что некая дама поджидает меня, стоя у окна. Когда она повернулась, я тотчас же понял, что это отнюдь не Агнесса-пуританка, которая вознамерилась навестить своего мужа-актера, а весьма и весьма соблазнительный образчик прекрасного пола с приятным слабеньким голоском.

— Хвала богу, мне удалось разыскать тебя, прежде чем ты отправился обратно в провинцию! Звонкий голос и незамутненная озерная синева ее глаз говорили как нельзя яснее, что она лишь лет на пять моложе моих двадцати девяти. С лифом, распущенным более чем рискованно, без перчаток и с непокрытой головой, она могла бы сойти за обыкновенную уличную девку, но никогда не наблюдал я в лице продажной женщины столько характера. Словно угадав мои мысли, она придвинулась ближе.

— Я Энн Пейдж, дочь известного вам Томаса Пейджа и до недавнего времени — девушка в услужении у мистрис Одри, жены сквайра Томаса Уолшингема, владельца поместья Скэдбери Парк в Чизлхерсте.

Все словно стоворились в тот день напоминать мне о бедном Марло, ибо сквайр Уолшингем был его покровителем еще со времен Кембриджа.

— Так вы знали бедного Кита?

— Знала ли я его? — Она отвернулась, будто пытаясь разглядеть смуглую физиономию Марло в сумраке за распахнутыми ставнями — с бородкой, подстриженной на испанский манер, и речью, пересыпанной проклятиями, ревнивого к чести, забияку в споре! — Знала ли я Кита? — Внезапно она повернулась и взглянула мне в лицо. — Ты и вправду был ему другом? Во имя всех богов, мне нужен человек с душой тигра.

— Я, может быть, зелен и неопытен, сударыня, но поверьте мне: печаль не так больно жалит тех, кто, глядя ей в глаза, смеется.

— Не печаль, но гнев! О, будь я мужчиной, меч мой свершил бы мести! — Ее глаза сверкнули, будто завидев больше чертовщины, чем есть в самом аду. — Да ведомо ли тебе, что в мае прошлого года, когда Том Кид был арестован, он показал под пыткой, что автором еретических писаний, найденных в его комнате, был Кит. Сообразно с показаниями Кида был издан указ об аресте; Кит в ту пору спасался от чумы в Скэдбери Парк; залог за него выплатил сквайр Уолшингем. Вскоре новые обвинения были представлены Тайному совету осведомителем Ричардом Бейнсом. Двадцать девятого мая я собственными ушами слышала за дверью библиотеки, как сквайр обрушился на Кита, что тот-де компрометирует высоких особ, которые неосмотрительно дарят его своим дружеским расположением.

Я горестно покачал головой.

— А на следующий день он умер...

— Умер! — Ее смех был исполнен презрения. — Выйдя из библиотеки, Кит поведал мне, что двое из людей сквайра Томаса — Инграм Фрайзер и Николас Скиерс — будут поджидать его в таверне по дептфордской дороге, чтобы помочь ему скрыться

на время из Англии. Я молила его быть настороже, ну, да ты знаешь Кита — всегда готов искать брешней славы, хоть в пушечном жерле; потому-то он и лежит теперь под могильным камнем у церкви св. Николаса. О, как бы мне хотелось быть ему спутницей на небесах или в аду!

— Но почему вы заговорили о пушечном жерле? Ведь смерть настигла его...

— Убийство! Злодейское и гнусное убийство, совершенное под личиной дружбы и оплаченного золотом из сундуков Уолшингема! Кит был заколот в тот же вечер в таверне Элинор Булл.

Я вздрогнул: мне чудился шпион в каждой скрипящей половице; о, как опасно для мелкой сошки соваться меж сильными мира сего и их замыслами: ведь не кто иной, как дядя сквайра Уолшингема сэр Фрэнсис, в бытность свою статс-секретарем раскрыл заговор против королевы.

всю правду. Если это убийство, то učinю я такую мечь, что будет темнее ночи и страшнее судного дня.

«Вот оно как, — размышлял я между тем, — Энн признает, что она — служанка Уолшингема и была уволена им безо всякого повода, а потому имеет веские причины для мести своему бывшему хозяину. Но участь и самый вид ее, да и дело, о котором она зывала ко мне, растрогали б и камения».

Неожиданно я услышал свой собственный твердый голос:

— Завтра я отправляюсь в Дептфорд, чтобы выведать всю правду.

— Да благословит тебя бог. Завтра ночью и каждую последующую ночь я буду поджидать тебя у собора св. Павла.

Она исчезла. Опомившись, я выбежал из дому, но на площади Топора св. Марии уже не было ни души. За Бишопсгейт золоти-

Рисунки В. НЕМУХИНА и В. ЧЕРНЕЦОВА

— Но кто может тебе свидетельствовать? Или ты видела все это своими глазами?

— Свидетельствовать, что Боб Поули, едва вернувшись из Гааги, отправился по чьему-то наущению прямехонько в таверну, где через два часа и прикончили Кита? Свидетельствовать, что сквайр Томас, после того как узнал, что я подслушала весь разговор за дверью библиотеки, выгнал меня без рекомендации? Так что мне пришлось стать...

Она прервалась, на бледных щеках ее пылал румянец, потом она взволнованно продолжила:

— О, будь у тебя такой же повод и подсказ для страсти, как у меня! Молю тебя, отправляйся в Дептфорд и поразноухай там

лись в последних отблесках заката шпили церкви св. Елены.

Итак, Кит Марло убит своим покровителем Томасом Уолшингемом. Нет, невозможно... Впрочем... Я решил повидать Дика Куинни и испросить его совета.

Двери домов глядели на меня красными крестами, возвещавшими чуму. Окна лавок и магазинов были наглухо заколочены. На Картер Лейн уже зажигались рожки фонарей. В подвале дома Тома Кида, где приютилась гостиница «Колокол», я надеялся застать Дика Куинни. Он был в ту пору уже главным судьей Уорвикшира, но зачастую навещался по торговым делам в Лондон, а уж тогда его можно было сыскать только в Сити.

«Колокол» был отделан по фасаду причудливой резьбой и обильно изукрашен мифическими чудищами, то синими, то ярко-красными; над входом на железной скобе болталась вывеска цены фунтов в тридцать: на ней был нарисован колокол и ничего больше; впрочем, хорошему вину и не нужно этикетки. Сквозь низкие окна в свинцовых рамах доносился крик трактирщика: «Порция пива, сэр», «Две порции пива, сэр». Я спросил у трактирного слуги, полного коротышки, которому ни единый волос не мешал касаться небес сияющей лысиной, здесь ли Дик Куинни; он махнул рукой в направлении широкой дубовой лестницы:

— Он в покое Долфин Чеймбер, сударь.

Покой этот располагался на втором этаже и выходил окнами во внутренний дворик. Когда я отворил дверь, Дик, ругнувшись, одним прыжком перемахнул комнату и выхватил рапиру из ножен, висевших на спинке стула: слишком часто непрошенный гость оказывался наемным убийцей. Узнав меня, он рассмеялся.

— Иоганнес Факотем! А я было решил, что настал мой час. Как поживаешь, дружище?

— Как: безразличный сын земли.

— Что же заставило красавца актера храбро презреть чуму?

— Пусть дешевка изумляет толпу, мне же рыжеволосый Аполлон доставит чаши, полные кастальской воды, — процитировал я. — Должно быть, ты узнал старика Овидия — помнишь ли, мы зачитывались им во время оно. А что до перевода, то Кит прислал мне его прошлой весной.

— Не можешь выбросить из сердца Марло? Рано или поздно, всем нам придется заплатить дань богу.

— Что ты полагаешь о причине его смерти?

— Уверен, что чума.

За обедом я поведал ему все, что знал сам.

— Я страшусь Уолшингема, но, ей-богу, я скормил бы всем коршунам небес его труп, если б...

— Проще перечесть все песчинки, выпить океан. Боже мой, да не знай закон милости...

— ...Никто б из нас не спасся? Не закон, но дружба: предательство людское жалит сильнее, чем зимний ветер.

— Чушь! В гневе Марло и сам был пылок, как огонь, и глух, как море. Ей-богу, ты окажешь

ему плохую услугу, если разворошишь в земле его кости.

Он пожал плечами.

— Но, как ты сам говаривал, если принимать каждого по его заслугам, кто избежит кнута?

— Итак, за правдой в Дептфорд?

— Клянусь честью, да.

Он похлопал меня по плечу.

— Пусть завтрашний день станет твоих призраков измощенными, а сегодня ожидает нас отличный теологикум и гудящий эль, сдобренный изрядной долей маслянистой водички из Темзы.

Когда тем же вечером я спустился к реке, у пирса св. Павла лодок не было, а на Куинхайте, сборном месте лодочников, их стояло сколько угодно, и все были готовы хоть сейчас отправиться в путь, вот только кормчих не нашлось. Я уже отправился было к причалу Рейд Найта, но тут звонкий мальчишеский голос окликнул меня:

— Эй, хозяин! Джон Тейлор, подмастерье лодочника, целиком к вашим услугам.

Передо мной предстал мальчишка едва ли лет тринадцати, с лицом открытым и честным, курчавыми каштановыми волосами и острыми глазками.

— Бежите от лихой чумы?

Я шагнул в лодку и опустился на вышитую подушку на корме:

— О нет, хожу в поденщиках у смерти. На запад — охо, — в Дептфорд, парень.

Гонимая отливной волной, наша лодка скоро приблизилась к мосту Гейтсбридж и проскользнула под его крытой аркой мимо толпившихся в беспорядке домишек, словно выпущенный из рук угорь. Когда мы миновали Тауэр, мой кормчий внезапно обратился ко мне:

— Не вы ли представляли в «Правдивой трагедии Ричарда, герцога Йоркского» в прошлом году?

— Дня своих юных лет, пострел, ты неплохо знаешь сцену, — хмуро пробурчал я в от-

вет, хотя мне донельзя польстило, что он узнал меня, ибо кто из смертных не жаждет славы.

Далеко позади нас на колокольне собора Христа-спасителя на Сюррей Сайд пробило восемь, когда вдали, за излучиной реки, показались доки Дептфорда, где толпились корабли со всех концов света, а в портовых кабаках бушевала, дралась и пела разноязыкая матросская братня. Какой-то одноглазый моряк указал мне путь к церкви св. Николая, убогой каменной часовенке недалеко от доков, где, по словам Энн Пейдж, был похоронен Кит Марло.

Настоятель оказался приземистым седым человеком, одетым небедно, но скромно, как и подобает духовной особе; с его носа свисали очки, а с пояса — штаны, которые были заметно широки для его иссохших ног.

— Да пребудет с тобой благословение божье, сын мой. — Его писклявый голос, наверно, тонул на воскресной проповеди в шепоте и кашле прихожан. — Вот так и святой Стефан обратил доброе слово свое к язычникам, что замуровывали его в стене.

— Поговорим лучше о могилах, могильных червях и эпитафиях. Мне хотелось бы заглянуть в вашу похоронную книгу за этот год.

— Да, все мы упокоимся в земле сырой, как святой Лаврентий, которого этот отступник Валериан зажарил на медленном огне.

Возбужденный, он уже не мог остановиться: брызгал слюной, гнусил и визжал, как мертвецы на улицах Рима в дни перед тем, как пал могучий Юлий¹. В конце концов он все-таки выложил передо мной толстый фолиант в кожаном переплете.

— Не читай того, что не тебе предназначено: не грехи взглядом глаз своих. Вспомни Люси из Сиракуз: когда один благородный дворянин похвалил красоту ее

¹ Кай Юлий Цезарь. — Прим. пер.

глаз, она вырвала их из глазниц и протянула ему, дабы не впасть в искус порочной гордыни.

— Лишь одно имя ищю я — имя Кристофера Марло.

— Марло? Как, этого дьявола в человеческом облике, актеришку, этого...

— Тупой святоша, Кит будет петь, когда ты взвоешь в муке! И как случилось, что ты накорябал здесь лишь это: «Первого июня 1593 года, Кристофер Марло, убиенный Фрэнсисом Арчером»? Ни слова о надгробном камне и эпитафии.

Старый клирик, растревоженный монми словами, заверещал, как сорока:

— Да, прах его покоится в бесславной урне и в память его не воздвигнута гробница.

— Но полно, у Марло были высокие покровители. Как случилось, что, будучи убитым в честном поединке, он похоронен столь недостойным образом?

— Так изволил приказать сам сквайр Уолшингем. — Всякая враждебность исчезла с его сморщенного коричневого личика, уступив место любопытству. — Разве не встретил он смерть в трактирной драке? Так посчитал и Виллиам Дэнби, стряпчий королевского дома, который выкинул в это дело уже после того, как Ее высочество была похоронена в Кью.

«Королевские стряпчие — люди неподкупные, — думал я. — Но, может быть, их ввели в заблуждение?»

— Проводи-ка меня на могилу Кита, да поживей.

Он привел меня на церковный двор, где под осевшим холмиком рыхлой земли, скрытым в поникших ветвях платана, осененный цветами, что росли из его глазниц, лежал Кит.

— Как святой Николай однажды милостью божьей возвратил к жизни мальчиков, изрезанных на куски и засоленных в кадучке для бекона, так и мы добываем мед из плевел и при нужде можем учиться добру даже у дьявола, такого, как твой дружок Марло. Известно, мертвые, что картинки, а черт, изображенный на картинке, страшен лишь детям, но Марло был таким сосудом дьявольским, что бог поразил его прямо за греховным занятием.

— Проклятье! — вырвалось у меня гневно. Я стер с глаз моих недостойные мужчины слезы. — Твои проповеди горчат, как мясо дикого зверя. Проповедуй впрямь только с кафедры, разыгрывай дурака лишь у себя дома.

— В доме моего небесного родителя? О да, в его пределах есть множество дворцов, но ни один...

Я оставил велеречивого старикашку и отправился на поиски таверны Элинор Булл. Уолшингем мог предать Кита земле торопливо и без лишнего шума, даже если Кит умер бы от чумы, но почему в похоронной ведомости он значится погибшим от руки Фрэнсиса Арчера? И почему Энн Пейдж назвала Инграма Фрайзера его убийцей? Или в ее повести больше вымысла, чем истины? Верно, Элинор Булл поможет мне найти ответ.

На столбе у двери таверны трепыхались на ветру изорванные театральные афишки, да и сама мистрис Элинор напоминала комический персонаж, сошедший с подмостков: веселая, языкастая бабенка с круглым лицом и носом, который, судя по цвету, не раз погружался в пивную кружку.

— Доброго вам утра, сударь.

— Доброго утра, сударыня. Не сообразовали ли выпить со мной стаканчик вина?

Она шествовала впереди меня вверх по узкой лестнице, то и дело оборачиваясь и обдавая меня облаком пивных паров в промежутках между своими ремарками.

— Ла! Сюда редко — уфф, — редко заходит кто-нибудь, кроме моряцкой братии. Уфф-ф, ну и бестыжий народ... то и дело тянет на богохульство. — Она открыла дверь и игриво ткнула меня большим пальцем между ребер.

Я рассмеялся и заказал нам по пинте белого рейнского вина. Комната была недурна, с окнами, выходившими в сад, потолком мореного дуба и кушеткой у стены,

на которой красовались дешевые гобелены, изображавшие Ричарда Горбуна и Кейтсби на Босуортском поле. У стены напротив пылал камин.

— Скажите-ка, хозяйюшка, правда ли, что человек по имени Кристофер Марло встретил свой безвременный конец здесь, у вас в доме, несколько месяцев назад?

— А, так вы знали Марло?

Она впилась в меня хитрющими глазками.

— Хотя он и испытывал на каждом шагу долготерпение господи и английского короля своими непрестанными богохульствами, это был мужчина, за которого не одна женщина полезла бы в огонь. О, сударь, одному богу ведомо, какой это был распутник! Но никогда не смеялась я так, как в компании Кита Марло.

Я постарался придать безразличие моему голосу:

— Драка из-за девки, не так ли? И прикончил его, кажется, Фрэнсис Арчер?

— Ла! — Она всколыхнулась так, что связка ключей зазвенела на расшитом переднике.

— Вы, должно быть, наслушались этого глупого старикашку — клирика святого Николая — он уже не в состоянии и дерева-то посадить своими трясущимися руками, а не то что правильно записать незнакомое имя. Инграм Фрайзер — вот кто отправил Кита на тот свет.

— Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, сударыня, чем выслушать эту историю от начала до конца.

— Смилуйся, боже, над ним и всеми нами, сказала б я для начала. Он умер в этой комнате,

на этой самой кушетке, и, клянусь кровью Иисуса, не пойму я, что понадобилось ему в компании трех таких отъявленных проходимцев — ведь Ник Скиерс — бандит с большой дороги, а Фрайзер нечист на руку, хоть и говорит как святоша; все они жили в Скэдбери Парк и не единожды обдeldывали темные делишки по поручению Тайного совета. Третий из них, Боб Поули, прискакал на взмыленной лошади ближе к вечеру, а еще через два часа затеялась потасовка. Когда я вбежала сюда, Кит уже был распостерт на кушетке и стilet торчал по рукоять над его правым глазом.

— И Фрайзера не обвинили в убийстве, когда подоспела стража?

— Скоро обвинили, скоро и оправдали — другие поддержали его в том, что Кит, который валялся мертвецки пьяным на кушетке, напал на него. Фрайзер-де смотрел, как Скиерс и Поули играют в триктрак, а тут вдруг Кит набросился на него с ругательствами, выхватил у него из ножен кинжал и пытался заколоть ударом в лицо. Фрайзер вырвался, они сцепились, упали на пол, и Кит напоролся на кинжал. — Она пожала плечами. — Расследование началось первого июня, а к двадцать восьмому Фрайзер получил прощение королевы и вернулся в Скэдбери Парк на хлеба сквайра Томаса.

Я присел на кушетку. Кит был так же силен и так же умел и увертлив в драке, как и я сам. К тому же он отлично владел рапирой и кинжалом — в этом все мы, актеры, большие искусники; даже в приливе пьяного гнева создатель высокомерного Тамерлана и гордого Фауста не пропустил бы удар сзади. Свет в комнате померк, четыре неясные фигуры обозначились в сумерках: руки Кита взметнулись — ловкая подножка, вскрик — тишина — убийство.

Я посмотрел на Элино́р Булл.

— И вы поверили их рассказам?

— Как бы не так, просто не хочу совать палец в огонь.

Взгляд ее вперился в пустоту; кольцо на большом пальце ярко сверкнуло, когда она судорожно вцепилась в ткань gobелена. Внезапно ее искаженное гримасой лицо повернулось ко мне:

— Да! Я скажу все, потому что таково мое мнение, и его из меня огнем не выжечь. Ведь я видела своими глазами, как руки

его судорожно шарили по камзолу и как, зажав рану, он улыбался, повторяя: «Боже! Боже! Боже!» Ведь это я пощупала ему ступни — они были холодные как камень. И я уверяю тебя, что это убийство, добрый человек, убийство.

При этих словах ее я вскочил на ноги.

— Тогда я тотчас же отправляюсь в Скэдбери Парк, чтобы вырвать клоч из бороды злодея и швырнуть ему в лицо!

Она упала передо мной на колени всем своим могучим телом и простерла ко мне руки.

— О, сударь, даже та сталь, что так храбро звенит у вас на боку, едва ль согдится, чтобы поразить злодея, на которого вы замыслили поднять руку. Трое других головорезов — ла! Из таких троих не выкроить и одного настоящего мужчину. Скиерс — молодец с лица, да душой овца, как говорится; Фрайзер на язык лих, да на руку тих, а Поули дерется только на словах и редко берется за оружие. Но сквайр Томас! Вот уж истинно сказано, что можно улыбаться и с улыбкой быть подлецом!

— Я выполняю волю той, у кого есть причина для слез. Мне пора.

— Тогда возьмите с собой одну из моих лошадей и мои молитвы.

Проскакав несколько миль по пологим склонам холмов, где уютные крестьянские поселения столь живо напомнили мне о родном моем Уорвикшире, я достиг Чизлхерста. За перелеском длинной с милю виднелась дорога на Мэно́р Парк, которая, плавно извиваясь меж цветущих садов, вела к обнесенному рвом замку Скэдбери Парк, размашистому каменному сооружению под черепичной крышей, построенному двести лет назад.

Через огромный центральный зал в саксонском стиле с нештукатуренным потолком и стенами, обшитыми каштановыми досками, меня провели в библиотеку. Подбор книг указывал на интерес сквайра к искусству: «Хроники Холиншеда», «Союз» Холла, «Жизнеописание» Плутарха и, наконец, «Аркадия» сэра Филиппа Сиднея, наиболее яркий цветок на клумбе английской поэзии. Все они были переплетены кожей и стояли корешками внутрь, открывая взгляду позолоченные обрезы и заставки из золота с замками, украшенными драгоценными камнями. На других полках, свернутые

в трубку или просто наваленные друг на друга, лежали манускрипты: «Влюбленная Диана», «Менехмы». Их-то я и рассматривал, когда меланхоличный негромкий голос окликнул меня с порога.

— Кто спрашивал здесь Уолшингема с именем Марло на устах?

Он тшился быть рыцарем, Уолшингем, и, надо сказать, изрядно в этом преуспел: изысканный и одетый с иголочки, как жених в день свадьбы, в шелковый камзол, бархатные штаны и пурпурный плащ. Голос его походил на его рапиру с тройной позолотой в бархатных ножнах: сталь под шелком царедворца. На лице, удлиненном шелковистой бородкой клинышком и обрамленном завитыми в кольца волосами, проглядывали жестокие черты Тита или Цезаря: римский нос, тусклые пристальные глаза, красиво изогнутые презрительные губы. Лицо, которое одновременно было привлекательным и отталкивающим.

— Убогий лицедей, желающий знать правду о быстрой смерти Марло. — Он неторопливо подошел к столу и поднес к носу табакерку. — Твоя одежда выдает твоё низкое происхождение и еще более низкое ремесло. Я немало знал Марло и покровительствовал ему в писании серьезной литературы, не пьес, конечно.

Но почему ты спрашиваешь меня о его смерти? Ведь чума...

— Мне известно от Энн... от одного моего приятеля, что он умер, но не от чумы, как утверждает ваша милость, а от кинжала вашего человека Инграма Фрайзера в таверне Элино́р Булл в Дептфорде.

— Так тебе все известно? И эта сплетня, она исходит от грязной девки Энн Пейдж?

— Нет, — ответил я с излишней поспешностью. — От Тома Киды из Ньюгейтской тюрьмы.

Он рассмеялся мне в лицо и позвонил в маленький серебряный колокольчик.

— Для ловкачей с острым глазом и чутким ухом, как у тебя, тюрьма легко может стать домом; язык твой слишком дерзко и неосмотрительно болтается из стороны в сторону — смотри, как бы ему не пришлось болтаться на виселице вместе с телом. Впрочем, возможно, и низкородные умеют ценить дружеское расположение.

В вошедшем человеке я сразу же узнал Николаса Скиерса по перебитому носу и толстеному брюху; проведав о цели моего прихода, он взревел, как бык, и двинулся на меня, словно от его рева я мог растаять, как жир на солнце.

— Послушай, ты, заносчивый фигляр с нюхом ищейки, Кит был мягкой с сердцем из чистого золота. Да что там говорить, будь он среди нас, я первый целовал бы его сапоги; ведь я любил славного драчуна. Теперь-то он делит трапезу с червями; но вот и Фрайзер, он изложит тебе все по правде и по совести.

Инграм Фрайзер лицом и впрямь был похож на причетника церковного прихода, но вот глаза — они свидетельствовали, что он редко спит по ночам. Свернув губы трубочкой, со взором, вознесенным к небу, он при всем том напоминал добродетельного клирика ничуть не больше, чем неуклюжий болтун — ловкого и остроумного актера на подмостках.

— Бедняга Марло, — медовым голосом затянул Фрайзер. — Он принял смерть так, словно долго смерть встречать учился. Вот я, наблюдающий триктрак, а вот Кит рядом на кушетке. Вдруг он вскакивает и выхватывает мой нож. — Он сделал незаметное движение, смертоносный клинок взметнулся из-под его левого плеча и, рассекая танцующие в воздухе пылинки наподобие змеинского жала, ринулся вниз. — Он ударил меня дважды в лицо, я увернулся, мы сцепились, он поскользнулся... клинок вошел ему в мозг по рукоятку. Я вынул сталь, целую рану, зияющую на его лице под бровью. Он послал мне последнюю улыбку, в последний раз сжал мою руку слабым пожатием умирающего — и душа его устремилась к отцу небесному.

— Ну что, доволен ты, трактирный Геркулес?

— Еще один вопрос, сквайр... — Поскольку профессия моя в том и состоит, чтобы подделывать чувства, в моем голосе зазвучала та же поддельная печаль, что и в словах Фрайзера. — И затем я удалюсь.

— Нет ничего, что бы охотней тебе я предоставил.

— Почему Поули, вернувшись из Гааги, словно с пустынных берегов Богемии, поспешил тотчас же в таверну мистрис Элиноф?

— Попробуй только сунуть нос в мои дела, и я в лучшем виде перережу тебе глотку! — Поули выдвинулся из полумрака, огромный, ловкий в движениях, несмотря на тучность, с темным чувственным лицом, пронзительным взглядом ястреба и носом, который был свернут на сторону, точно вынюхивал запах смерти. Могучие руки и грудь бочкой под кожаными, в жирных пятнах камзолем довершали его портрет. Презрительная улыбка вспорхнула с губ сквайра Томаса и тут же скрылась в свежеподстриженных усах, как голубка в гнезде.

— Да, он приехал прямо из Голландии, а где, как не в таверне, смыть пыль после дальней дороги?

— Но как же с показаниями осведомителя Бейнса? Попади они в руки королевских судей, пришлось бы туго и вам и кое-кому из ваших друзей по кружку Рейли. Вы узнали об этом, сквайр, за день до убийства Кита. Не этим ли вызван поспешный приезд Поули в таверну на следующую день?

Лицо сквайра стало пепельно-серым, кровь отхлынула от губ, в бесцветных глазах его загорелся злобный огонь, а голос зазвучал придуроченно от переполнявшей его ярости.

— Как, оспаривать мои действия, ничтожный червь земли? Смотри, не то в земле ты можешь очутиться очень скоро. — Усилив воли он сдержал гнев. — Говорят, мартышкам и актерам надо выбивать из головы мозги и скормливать их собакам под Новый год.

Я двинулся к выходу. Жестом он остановил меня.

— Спокойно, два слова перед тем, как ты уйдешь. Я сослужил Англии неплохую службу, и это известно при дворе. Остерегись! Ты сказал сначала, что Том Кид поведал тебе подробности смерти

Марло, и тут же выболтал кое-что, о чем знала одна Энн Пейдж. Видит бог, я неповинен ни в чем, и все-таки она сплетничает по моему поводу направо и налево. Пора положить этому конец. О, ты можешь назначить ей тайную встречу, но даже камни под твоей ногой выдадут мне ее местопребывание.

Да, этот могущественный царедворец как колосс навис над моим ничтожным мирком, но разве он более человек, чем я?

— Ты презираешь меня за мое происхождение, Уолшингем, но природа не выбирает свой корень. Кровь должна пролиться, если кровь была пролита, и убийства не скроешь за завесой слов.

Я почувствовал себя в безопасности не раньше, чем нас разделила стена из доброго английского дуба.

Прошло десять, когда я, презрев угрозы сквайра Томаса, появился перед входом в собор св. Павла. Я освободил в ножнах свою рапиру, ибо в церкви могут перерезать глотку с такой же легкостью, как и повсюду. И хотя в легкой фигуре, метнувшейся из-за колонны, я узнал Энн Пейдж по блеску глаз из-под грубого темного сукна капюшона, накинутого на голову, мой клинок сам собой вылетел из ножен.

— А ты точен, актер. Выкладывай, что ты разнюхал!

Забыв все страхи, мы прохаживались неспешным шагом по площади. Когда я закончил свой рассказ, она вскричала:

— Подлец, проклятый, улыбочивый подлец! Отныне мысль моя кровавой будет.

Я осторожно заметил, что, по словам сквайра Томаса, он не совершал никакого убийства.

— Тогда ты или трус, или дурак. Восемнадцатого мая Уолшингем послал Поули подыскать для Кита убежище в Голландии, где он мог бы на время укрыться от ареста. Но обвинение в возведении хулы на королевскую фамилию было слишком серьезным: Уолшингем испугался, что, если он поможет Кита, это пособничество может слишком дорого обойтись ему самому. Более того, он замыслил прикончить Кита и тем самым избежать разоблачений, неизбежных, если бы Кит предстал перед судом.

Ее голос купался в ядовитой злобе, которую сам источник наподобие раненой змеи.

— О, я пыль прибью к земле, пролив потоком кровь убийцы.

Но довольно! Месть моя не должна более тебя связывать.

— Я не оставлю тебя, Энн, — произнес я, не скрывая страсти.

— Ты должен. Если бы я встретила тебя раньше, чем Кита, кто знает... — Ее пальцы коснулись губ моих нежным сестринским прикосновением, и печаль легла тенью на ее лицо. — Слишком поздно. Я уже чувствую дыханье ада: теперь одна живая кровь может меня напоить.

Я покачал головой и тихо сказал:

— Энн, я пойду с тобой. Я проведу тебя сквозь ночную темень к дому.

За стенами собора было холодно, и морозный воздух пощипывал кожу тысячу мелких укусов. Тяжелый туман поднимался с реки, подгоняемый жадным молодым ветром, и окутывал все вокруг. Въедливые запахи чумы набросились на нас; из удушливого дымного облака то и дело долетал стук копыт, когда мимо проезжал обоз с трупами. Он поминутно останавливался, погонщик соскакивал с телеги и железными щипцами выволакивал распростертое тело из зловонной трясины сточных канав.

В водовороте тумана на Дуггейт Хилл вырисовывался дом сапожника, где в прошлом году сгинул в пучине безвременья Роб Грин. Энн прервала мои раздумья.

— Наверное, уже било полночь — луна зашла, а в это время она заходит в полночь. Наступает час ведьм и колдунов, да и в моей душе, где жаворонки могли бы петь, кричат филины. Оставь меня.

— Здесь? Сейчас? Нет, невозможно, Энн.

Мы подошли к Коулд Харбор, где преступники дерзко смеются над потугами английского закона и где смрадные трущобы лелеют все известные и неизвестные миру пороки.

— Да, здесь, сейчас, — прошептала она. — Ночь скроет меня даже от собственного взгляда. Здесь я жива лишь одной надеждой однажды заманить Уолшингема в ловушку, из которой нет спасения, и посмотреть, как пятками брыкнет он небо и как разверзнется его душа, черная, как ад.

Она повела меня вдоль узкого прохода. Невидимые крысы копошились и попискивали в темноте, и ноги скользили по зловонной грязи. Внезапно перед нами возник силуэт человека; оружие

сверкнуло холодным блеском в его руке.

— Назад, сюда!

Слишком поздно. Две другие фигуры выдвинулись из темноты за нашими спинами. Блеснула обнаженная сталь, чиркнула о камень шпора. Страх за собственные грехи лишил меня способности двигаться, я не мог вытащить из ножен мое оружие. Вот так раздумье делает нас трусами. Один из них крикнул:

— Убирайся с миром, нам нужна только женщина.

Но я узнал этот голос, и гнев проснулся во мне.

— В сапогах и шпорах — Роб Поули?

Я видел, как при этом имени лицо Энн искажилось.

— Вам троим пришлось изрядно поболтаться в седлах сегодня вечером — до Скэдбери Парк путь неблизкий, а?

— Ах, ты узнал нас, актер? Тогда от наших рук умрете вы оба.

— Коль ад и сатана своему изменят слову.

Оружие мое взметнулось, как из-под камня потревоженная змея, я едва успел отбить удар Поули.

— Ну как, пузан, — вскричал я, — что ты теперь скажешь?

Стоило ему чуть отступить, и Энн Пейдж рванулась мимо меня с поднятым стилетом.

— Убийца! Из всех стервятников, что ведомы земле, ты — самый мерзкий.

Его рапира вылетела вперед и, пронзив ее насквозь, показалась из спины. Энн повалилась набок. Перед тем, как он высвободил свой клинок, я мог нанести удар, но промедлил, ибо никогда прежде не поднимал свой меч во гне-

ве. Он поставил ногу ей на шею и рывком вытащил лезвие.

— Зайдите сбоку! — проревел он Скиерсу и Фрайзеру. — Дайте ему открыться. Живым он отсюда не уйдет.

Но молодая кровь уже бурлила во мне, а, как все актеры, я весьма неплох в искусстве фехтования. Отбив выпад Скиерса, я крикнул:

— Пока кровь Энн еще не смыта и дымится на руках твоих, убийца, на, получай! — и, сделав выпад, с такой силой пронзил его танцующую тень прямо в глотку, что высек искры из камня позади головы. И тут же рывком освободил рапиру. Кинжалом я отбил удар Фрайзера, потом закрылся, сделал выпад, парировал, опять выпад — рука моя длиннее на целый метр закаленной стали. — Все это шутки... для хорошего актера... Так... Так... В сердце! Фрайзер зашатался, как пьяный, и повалился навзничь, закрывая руками проколотую грудь; а где же Поули? Огнем мне обожгло руку, и моя рапира со звоном покати-лась по камням. Пальцы, толстые и липкие, как берлинская колбаса, сомкнулись на моем горле. Он попытался оттолкнуть меня, чтобы достать потом длинным жалом своего клинка.

— Как поживаешь, братец? — Он издал торжествующий рык. — Не слохо еще, честягя-дурачок?

Моя голова шла кругом, я задыхался. Еще мгновение, и его клинок... но тут я дотянулся кинжалом до его брюха.

— Что ж замолчал ты, Каин? Ставлю золотой — мертв!

Тишина. Звон капели. Кровь струится у меня между пальцев. Перед глазами кружится, кру-

жится каруселью весь мир. Я лежу в тишине, и мимо меня проплывает туман. Голос, раздавшийся по ту сторону вечности, вернул меня из небытия.

— Актер, раны мои взывают о помощи.

Кое-как я подполз к Энн, так что запрокинутая голова ее покоилась теперь на моем плече. Голос ее был слаб, еле-еле слышен.

— Могила уже разверзается подо мной. Весь мир отдам я сейчас за могилку, могилку, маленькую, темную могилку...

Мои слезы в последний раз благословили ее лицо, на котором запечатлелся уже лик смерти; ее тело обмякло на изгибе моего локтя.

— Энн! — вскричал я. — Энн! Боже, прости нас! Боже!

— Пусть эта ночь не будет оселком печали, на котором ты станешь точить свой меч.

Ее сердце трепетало, как задыхающаяся птица, шепот касался моего уха ослабевающими дуновениями.

— Пусть не ожесточится твое сердце. Смерть для меня — радость без примеси печали.

Энн не стало. Я бережно опустил ее тело на замерзшую в ожидании землю и попытался подняться на ноги. Кровь клокотала и билась в горле; темные стены вокруг качались, уплывали, сдвигались, наползая друг на друга; свет фонаря над лестницей, ведущей к Коулд Харбор, резал глаза, ослабшие, окровавленные пальцы скользили по ослизлым камням, внизу холодная жирная вода Темзы нашептывала литанию: «Она мертва, она мертва, она...»

Падение. И ничего после.

Боль от неловкого движения

пробудила меня. Голова покоилась на подушках в лодке, и туман лизал мои щеки. На корме я разглядел знакомую фигуру.

— Откуда ты взялся, парень?

Джон Тейлор взглянул на меня с тревогой.

— Я отыскал тебя у подножия лестницы в Коулд Харбор. — Он указал на рапиру у моих ног:

— Капли крови на камнях вели меня. Сначала я наткнулся на рапиру, потом — на труп женщины, упокой, господи, ее душу. И еще двое лежали там: один, чье чрево было вспорото сверху донизу, и другой — проткнутый насквозь, как бычья туша в мясном ряду.

Погрузив руку в темные воды Темзы, я обнаружил, что моя ноющая рана — всего лишь бороздка, вспоровшая плоть выше локтя. И так, Фрайзер удрал. Энн умерла. Мне нужно было время — время для отдыха и раздумья.

— Вот «Сокол», паренек. Посмотрю, какими яствами потчуют в этой таверне.

Я отдал мальчишке все свое серебро и зашагал вдоль узкого прохода между толстыми стенами, воздвигнутыми здесь еще до Тюдоров, к двери, ведущей в пивной зал. Взрыв света и шума встретил меня. Правую руку я крепко-накрепко прижимал к телу, чтобы не было видно крови. У стойки стояла и рассматривала во все горло кучка весельчаков: Кубок с вином блещет огнем, Выпью за ту, что в сердце моем. Кто весел — всех долговечней.

— Клянусь богом, чудная песня!

— Английская песня, — отвечал со смехом один из бражников. —

Уж мы, англичане, пить первые мастера. Мы пьем заморим датчанина и шута перепьем немца; мы еще раскачиваемся, глядь, а голландца уже рвет.

Да неужто это Уилл Слай, красноречивый весельчак-комедиант, мой знакомец еще по Дувру! Завидев меня, он распахнул объятия.

— Черт меня побери, старый стервятник. Разве до тебя не дошло, что труппа «Люди адмирала» распущена! И клянусь Вильгельмом Завоевателем, который предшествовал в свое время Ричарду III, Уилл Слай пропивается сейчас в пух и прах в «Соколе» с паршивейшими собутыльниками, которые тянут вполголоти еще более паршивый эль.

Он тут же подкрепил свои слова делом и, понизив голос, сказал, стирая пену с размашистых усов:

— Ты что-то бледен, а твоя кружка пуста. Йо-хо, трактирщик. — К вашим услугам, сэр.

Не успел я поведать ему свою грустную историю, как рокочущий голос прервал нас:

— Актеры в углу? Знать, чье-то доброе имя скоро покроется позором. Открыто говорю вам, лучше уж после смерти получить плохую эпитафию, чем дурной отзыв от них при жизни. Но дайте и мне присоединиться к вашей беседе.

— А ты спустил еще ярда два, Том Льюси?! — захохотал Уилл Слай.

Льюси был родом из Чарлекота, что всего в нескольких милях от моего дома, — скользкий человек со строгим взглядом, стриженной бородкой и умишком воробья.

— Что ж, пускай я буду на два ярда потоньше в брюхе, Уилл Слай, зато так больше бережешь и ни гроша не потратишь.

Как всегда, его распирало от шаблонных правил и новейших сентенций, поэтому я счел за благо немедленно вмешаться:

— Мы скоро присоединимся к тебе у стойки, уважаемый Льюси.

Когда он отошел, я продолжил, и, по мере того как я углублялся в свое повествование, лицо Уилла Слая вытягивалось. Услышав о встрече моей с Энн Пейдж у св. Павла, он воскликнул с горечью:

— Болван! Что, ежели тебя видели с Энн Пейдж! Что...

— Энн Пейдж? — раздался голос Льюси. — А я-то все думал и гадал, — обратился он ко мне, — как имя той потаскушки, с которой ты прохаживался поближе к полночи у Доугейт Хилл.

Верный Слай пришел мне на помощь:

— Так ты, должно быть, видел вдвое против того, что было, Том Льюси: в тот вечер мы шли с ним кружка в кружку добрых часа четыре в этом самом месте.

— О, я не мог обмануться в ней, — сказал Льюси со смешком, — на Банксайд Стью ее глаза смело сошлись с моими и прожгли меня насквозь, как луч солнца, пройдя сквозь увеличительное стекло.

— Знать, и солнце светит на навозную кучу! — вскрипел я.

— Пусть ястреб расклевает твою печенку, ничтожный лицедей, ты завизишь у меня, как крыса.

Я весь напрягся, а он продолжал разглагольствовать нарочито громким голосом:

— Как? Сердце тигра в оболочке актера? Может, лучше котенком стать тебе и помяукать?

Уилл Слай торопливо потянул меня за рукав.

— Не входи в гнев понапрасну, парень, у него барабан вместо головы и колотушка вместо языка.

Внезапно он замолчал и взглянул на пальцы, на которых отпечаталась моя кровь.

— Они подстерегли нас в Коулд Харбор. Теперь они недвижны.

— Как, все? Мертвы? Да сколько их? О ты, исчадь ада, ты!

— Их было трое, один Фрайзер уцелел. Они мне совесть не гнетут.

Он покачал головой.

— Что так горяч сегодня? Помни, тот истинно велик, кто не встревожен малою причиной. Когда ж задета честь, вступай ты в ярый спор из-за былинки.

— Они убили ее на моих глазах! — вскричал я.

— Убили Энн? Не может быть! — Его доброе лицо сморщилось, и слезы сочувствия показались на глазах этого честного парня; он отвернулся.

— И ты почувствовал к ней нечто большее, чем жалость?

— Не знаю, но уверен, что ни она, ни Кит не могут остаться неотмщенными. Что человек, когда он занят только едой и сном, — животное, не больше.

— И все же два трупа, которые теперь питают окрестных воронов, кричат во всеуслышанье, что свершилась месть.

— А Уолшингем?

— Пусть его покарает небо, ты ж оставь его. И потом, он сказал, что не знает за собой никакой вины. Ты разве бог, чтоб

упрекнуть его во лжи? Возможно, удар был нанесен из личных побуждений или иного помысла, чем безопасность Уолшингема. Уверен ли ты в том?

Мы подошли к обрыву над Темзой. В ноздри нам ударил запах прибрежной глины и сырой лозы. Туман рассеивался. Снизу доносилось скрипение старого моста и глухое ворчание прилива. Мог ли я быть уверен, что Уолшингем повинен в смерти Кита? Убийство, раз начавшись, где обретет конец? Безмятежность скользящего подо мной потока постепенно успокаивала и мои взметенные чувства. По природе своей я не кровожаден, и месть не моя профессия. Кит умер так же, как и жил, в смятении и насилии. Но, возможно, смерть его укажет мне путь, гораздо более достойный: познать человеческую природу во всей ее глубине, переплавить в испепеляющем огне

творчества всю боль, всю печаль и муку человеческого духа — да! Седая прядь под безымянным могильным камнем не всегда означает неудачу, так же как жизнь, отданная по первому велению души, не всегда указывает на успех.

И, словно угадав мои мысли, Уилл Слай заговорил:

— Забудь эти часы крови и горести, дружнице; та ночь длинна, которую вовеки не сменит день. Но разум мой подсказывает мне, что рано или поздно о тебе услышит наш суетный мир. Не швыряй на алтарь мести жизнь, как кабатчик швыряет кружку эля последнему пьянчуге, ибо однажды толпами будут приходить люди, чтобы склониться пред именем твоим — именем Вильяма Шекспира.

Перевел с английского
А. РОЗЕНЦВЕИГ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и конец рассказа. Вот и главная его разгадка. Теперь вам, читатель, известно, что человек, от лица которого ведет повествование любитель-детектив XVI века, не кто иной, как Вильям Шекспир.

Впрочем, человеку, знакомому с произведениями самого Шекспира, не составило, верно, особого труда догадаться, что детектив-рассказчик и бессмертный бард — одно и то же лицо. Джо Горс буквально нашпиговал свое произведение точными на этот счет указаниями, или, как их называют, ключами. Сам Горс условно делит все ключи на два вида: конкретные факты из биографии Шекспира, названия мест и т. д. и цитаты из произведений Шекспира, дословные или в слегка измененном виде.

К примеру, само изложение смерти Марло воспроизведено точно по свидетельским показаниям, полученным на следствии, хотя события, связанные с нею, и получили своеобразную интерпретацию. Или вот еще два ключа: имя Агнессы (Энн) «пуританки» — имя жены Шекспира, вся семья которой была, кстати, пуританской, Энн Хегуэй. В то же время Энн Пейдж — персонаж «Виндзорских проказниц». Злодей Уолшингем действительно покровительствовал Киту Марло и действительно преследовал Шекспира. Подобных ключей в рассказе сорок четыре.

Теперь о цитатах. Их зашифровано в тексте около ста: примерно четыреста строк из восемнадцати пьес и двух сонетов Шекспира. Все цитаты даны по полному собранию сочинений В. Шекспира, выпущенному издательством «Искусство» в 1957—1960 годах.

ИМПЕРАТОР С СЕКРЕТОМ

Где только не находят неизвестные произведения классиков! В архивах, в забытых журналах, в бабушкиных сундуках...

Но такого, пожалуй, еще не было. Не одно десятилетие стояла на берегу Ла-Манша памятник Наполеону. Настал момент, когда власти города Булонь-сюр-Мэр решили отремонтировать его. Статую осторожно отвинтили от пьедестала. Она оказалась полой, но... не пустой. Рабочие извлекли из нее металлический футляр непонятного назначения. Когда футляр вскрыли, там оказалось стихотворение Виктора Гюго, посвященное Наполеону.

Литературоведы высказали предположение, что Гюго, которому цензура, видимо, отказала в публикации, решил отдать дань уважения полководцу таким необычным способом.

ПРОЩАЙ, ТРАДИЦИЯ

Еще одна старинная британская традиция отошла в прошлое. После переговоров с руководителями церкви театральный цензор лорд Чемберлен впервые в истории страны разрешил к исполнению пьесы, где на сцене появляется бог. Правда, герой этой пьесы — сумасшедший, и богом он представляется лишь самому себе, но все-таки...

ЗМЕЯ УЕЗЖАЕТ В ТАКСИ

Этот инцидент произошел недавно в Стокгольме.

«Всем постав в районе Большого Моста немедленно заняться поисками такси, номер неизвестен, цвет черный, водитель такси особых примет не имеет. Единственная примета — в кабине такси, забытая владельцем, двухметровая ядовитая змея в нейлоновой мешке. При задержании соблюдать необходимую осторожность!»

Когда после десяти часов поисков змею, наконец, удалось выловить, оказалось, что длина ее всего двадцать три сантиметра. В ответ на недоуменный вопрос полицейского владелец змеи заявил, что он полагал, что успех поисков будет прямо пропорционален длине змеи.

С ПЕСКОМ ЗА ЧЕРЕПАХАМИ

На рассвете, когда прибрежный песок еще влажен, из тысяч гнезд, где откладывают яйца морские черепахи, выползают крошечные, только что вылупившиеся черепашки. Повинуясь инстинкту, они устремляются к морю.

И вдруг преграда — гряда сухого песка. Черепашки тычутся туда, сюда, но песок так и не пускает к океану, а люди собирают их в большие корзины. Для жителей острова Сент-Винсент (Малые Антильские о-ва) черепахи отнюдь не лакомство, а хлеб насущный.

ПРЕСТУПНИК ПОД СТЕКЛОМ

Новый способ борьбы с воровством придуман в филиппинском городе Пасай. В самом центре города построено нечто вроде огромной витрины. После приговора суда воришку выставляют здесь на всеобщее обозрение. Специальный плакат сообщает всем прохожим, кто находится перед ними, что он украл и как будет наказан. Местные власти с интересом ожидают результатов этого эксперимента. Пока, впрочем, преступность на Филиппинах что-то не уменьшается.

У КОГО НОС БОЛЬШЕ?

Кажется, только в средневековом Париже любой мальчишка мог ответить на этот вопрос: владельцем самого знаменитого носа был знаменитый Сирано де Бержерак.

Недавно жители итальянского города Пармы решили покончить с субъективизмом в носологии. Состоялся конкурс носов. Титул Короля носов получил Ливиньо Тенкатти. Ему выдан диплом, коим подтверждается, «...что длина его благородного носа от переносицы до кончика составляет семь с половиной сантиметров и он выступает вперед на пять сантиметров».

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1914 год

АВИАТОР И КРЕДИТОРЫ

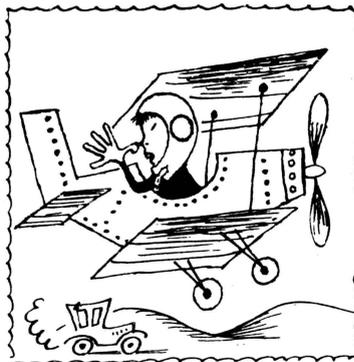
В Лос-Анжелосе, главном городе Калифорнии, один японский авиатор нашел курьезный способ избавиться от своих кредиторов.

Когда к нему явились описать за долги аэроплан, он под предлогом осмотра аппарата сел в него, запустил двигатель и улетел с глаз присутствующих.

Полница всего округа сейчас же была извещена по телеграфу о бегстве, но она решила задержать авиатора только тогда, когда он опустится на землю для возобновления запаса бензина. Сам же судебный пристав, желая немедленно описать аэроплан, помчался за авиатором на автомобиле.

Вся эта история о столь небывалом состязании между аэропланом и автомобилем вызвала необычайный интерес. На окнах всех редакций газет все время вывешивались сообщения о ходе этого состязания. Много пари было заключено, причем на японца

были поставлены очень крупные суммы. Судьба улетавшего должника вызвала во всей Америке такой же интерес, как первоклассные национальные матчи в бейсбол.

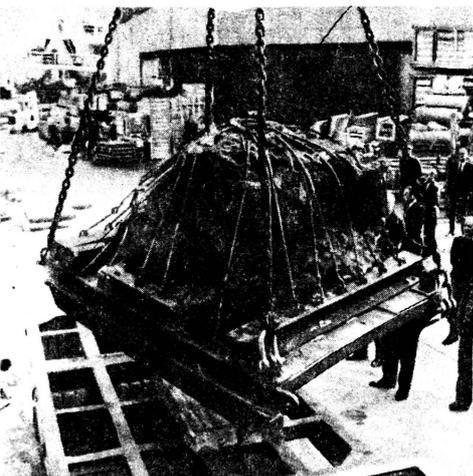
ПОЕЗД С БЕСПРОВОЛОЧНЫМ ТЕЛЕГРАФОМ

Недавно на одном из американских поездов был установлен аппарат для беспроволочного телеграфирования. Это устройство открывает для поездов новую эру; движение их будет отличаться большей точностью и большей безопасностью.

Благодаря аппарату для беспроволочного телеграфирования поезда будут всегда в состоянии поддерживать сношения с какой-либо из станций.

Первый аппарат для беспроволочного телеграфирования установлен в поезде, ходящем из Нью-Йорка в Буффало. Проба аппарата была произведена между станциями Вингемптон и Скрантон, отстоящими друг от друга на 100 километров. Обе эти станции имеют аппараты для беспроволочного телеграфирования с радиусом действия в 480 километров.

Случай захотел, чтобы это устройство пригодились поезду на другой же день. Машинист его заболел дорогой, и его необходимо было сменить на ближайшей станции. Если бы в поезде не было аппарата, пришлось бы по приезде на станцию ждать, когда придет запасной машинист, и, таким

ЭТО ВАМ НЕ НУКУНАУ!

Пеко Вапете, житель острова Нукунау, лежащего в Тихом океане недалеко от экватора, приехал на Аляску. Цель приезда — реклама солнечных пляжей родного острова. Где же еще вербовать туристов, как не в суровых северных краях?

Развалившись в шезлонге на террасе отеля, Пеко Вапете обдумывал планы рекламной кампании и незаметно задремал. Очнулся он в кабинете врача.

— Вы тут поосторожнее, — посоветовал врач. — Тут воздух кристально чистый и свободно пропускает ультрафиолетовые лучи. Солнечный удар заработать можно в два счета. Это вам не Нукунау!

БАБУШКА ВСЕМ ЧЕМПИОНАМ

Судья объявил решение жюри. Под звуки гимна «Боже, храни королеву» и восторженные крики зрителей Гвэн Мэтьюмэн поднялась на пьедестал почета.

Награждали чемпиона в возрастной категории 70—80 лет.

Вид спорта, в котором Гвэн Мэтьюмэн стяжала лавры, не совсем обычный — вязание на спицах. Рекорд — двести пар чулок и двенадцать свитеров в год.

МОЙ ОСТРОВ! МОЙ!

В 1960 году, когда стало ясно, что бывшая английская подопечная территория Танганьика стоит накануне получения независимости, плантатор Лесли-Мур решил не отдавать освобожденному народу «свой» остров Мсимбати у южного побережья страны. Он объявил его... независимым от независимой Танганьики и обратился за поддержкой не куда-нибудь, а в ООН.

Время шло. Танганьика стала частью нового государства — Танзании. В 1966 году танзанийские власти взяли управление островом в свои руки, а бывшего владельца попросили удалиться. Сначала Лесли-Мур прежнем доминанте ООН протестами, но, поняв, что это бесполезно, обрел приют в Южно-Африканской Республике. Здесь «обездоленному» плантатору если и не помогут, так хоть посочувствуют...

ГРУЗ, И НЕ БОЛЬШЕ

Когда зимой 1967 года в Гренландии вдали от моря был найден гигантский метеорит, встал вопрос: как его взвесить? Не везти же туда сложное оборудование.

— Ничего страшного, — успокоил геологов руководитель экспедиции профессор Бухвальд. — Когда будем грузить «Агпалилик» (так назвали находку) на корабль, портовые власти все до грамма взвесят.

Так и вышло. Осенью чиновники порта аккуратно взвесили «Агпалилик» — восемнадцать тонн. Геологи чуть не прыгали от радости — найден самый большой метеорит в мире! Куда слержанней вели себя чиновники порта: чего, мол, радуются? Груз как груз...

ШУТКИ БЕЗЫМЯННОГО

В лоции 1866 года остров есть. В лоциях 1870-го и последующих годов острова нет.

...Питер Бенет, капитан судна «Тофуа», которое совершает рейсы между островами южной части Тихого океана, услышал, стоя на вахте, гул под водой. Судно изрядно трянуло. Днем позже на этом месте появился из воды остров. Его длина — полтора километра. И так, в лоциях 1968 года безымянный остров снова появился.

А в лоциях 1969-го?

образом, задержать поезд. Теперь же просто дали знать на ближайшую станцию, и к моменту прибытия поезда там уже находился запасной машинист, который сменил своего заблужденного товарища, и поезд без малейшего промедления отправился дальше.

МЫСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА

Профессор Харьковского технологического института А. Н. Щуков в большой аудитории Политехнического музея прочел лекцию на тему «Познание и мышление» и демонстрировал «машину логического мышления», изобретенную англичанином Джейнсоном и усовершенствованную лектором.

Машина состоит из вертикального ящика 40 сантиметров высоты, 25 сантиметров ширины и 25 сантиметров длины. Она снабжена клавиатурой, задний ряд — подлежащее, передний — сказуемое.

Внутри ящика помещается ряд штанг (палочек) со штифтиками сзади, которые передвигаются определенным образом при нажатии клавиш.

На каждой штанге находятся 4 буквы: А, В, С и D. Всех штанг 16, и они представляют собою всевозмож-

ные комбинации букв, соответствующие логическим понятиям, не содержащим внутренних противоречий.

При нажатии клавиш, соответствующих постановке посылок, удаляются те комбинации букв, которые несовместимы с данными посылками, и остаются, таким образом, комбинации, совместимые с посылками, то есть логический вывод или умозаключение.

Комбинаций этих получается обыкновенно больше одной, то есть больше одного вывода.

Из посылок «железо — металл», «металл — элемент» машина делает не только вывод: «железо — элемент», но и следующее: «железо может быть металлом и элементом», «нежелезо может быть неметаллом и элементом», наконец, «нежелезо может быть неметаллом и неэлементом».

Мыслительная машина делает умозаключения лучше и полнее человека. Она не может ошибаться, так как суждения выводятся только из опыта, где точные приборы полезнее нашего ума.

Если мы имеем арифмометры, складывающие, вычитающие, умножающие миллионные цифры поворотом рычага, то, очевидно, время требует иметь логическую машину, способную делать

безошибочные выводы и умозаключения одним нажатием соответствующих клавиш. Это сохранит массу времени, оставив человеку область творчества, гипотез, фантазии, вдохновения — душу жизни.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ВОКРУГ СВЕТА

№ 5 МАЙ 1968

СОДЕРЖАНИЕ

А. ПЕТРИЧЕНКО — Прыжок на Памир	2
ЖАК ТРЕМОЛЕН — Belgique — страна городов — Belgie	7
Ю. ГАГАРИН, В. ЛЕБЕДЕВ — Робинзоны из космоса	14
Кельнский процесс	16
Дом Маркса в Москве	18
Л. МИНЦ — Эвакуация из каменного века	21
А. ХАЗАНОВ — Послесловие историка	22
НИК. КОРОТЕЕВ — Схватка на склоне кальдеры	24
Чуду самый близкий свидетель...	30
Загадки, проекты, открытия	33, 62
С. МИЛИН — Похищение на бульваре Сен-Жермен	34
КЛИФФОРД САЙМАК — Все ловушки Земли	41
Л. СКРЯГИН — Золотое дно у островов Силли	48
В. ИЛЬИН — Ищите Гая Фокса...	51
Б. ПОГОРЕЛЫЙ — Наша рецка — Пинега	52
Н. ДРОЗДОВ, А. СЕРГЕЕВ — Природа — скульптор	54
А. ЖУКОВ — Золотые снежинки	54
Г. РАЙТ — У колдунов нет дипломов	55
С. ШВЕДОВ — Оседлав Рону	63
Г. БОСОВ — Викус	64
О. КУВАЕВ — Очень большой медведь	66
Ф. ШТИЛЬМАРК — Следы невиданных зверей	68
ДЖО ГОРС — Час кровавый и горестный	69
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	78
С. РЕМОВ — Первый день на белом свете	80

На первой странице обложки: ИРАН. Как виноградный сок еще не вино, так и настоящий ковер сразу после того, как соткан, еще не ковер. Его бросают перед дверями лавки прямо в пыль, прямо под ноги прохожих. И целый день ковер немилосердно топчут грубые сапоги водоносов и босые пятки уличных мальчишек. И, испуганный, он становится мягким, бархатистым, податливым. После этого специальные люди — мойщики ковров — отмывают его от грязи в горячем источнике. Вот теперь ковер — настоящий персидский ковер — готов.

На второй странице обложки: фотозэюд В. СМЕРНОВА.

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ** (заместитель главного редактора), **К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ.**

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефон для справок 51-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 1/III 1968 г. Подп. к печ. 16/IV 1968 г. А04499. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 406. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцеская, 21.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА БЕЛОМ СВЕТЕ

И когда прошло чetyреста пятьдесят пять дней, он родился.

На белом свете оказалось холодно, голодно и страшно. Но что делать! Надо как-то приспособиться к этому белому свету, а для начала хотя бы встать на ноги, как стоит мама.

Ноги оказались удивительно слабыми. Они так задрожали, когда он попытался приподняться, что казалось, вот-вот сломаются. Так и случилось. Они переломились в коленях, и он больно стукнулся носом о пол. Полежав и попыхтев немного, он снова принялся укрощать свои непослушные, чересчур длинные ноги.

Получилось! Всего раза два упал, а потом получилось!

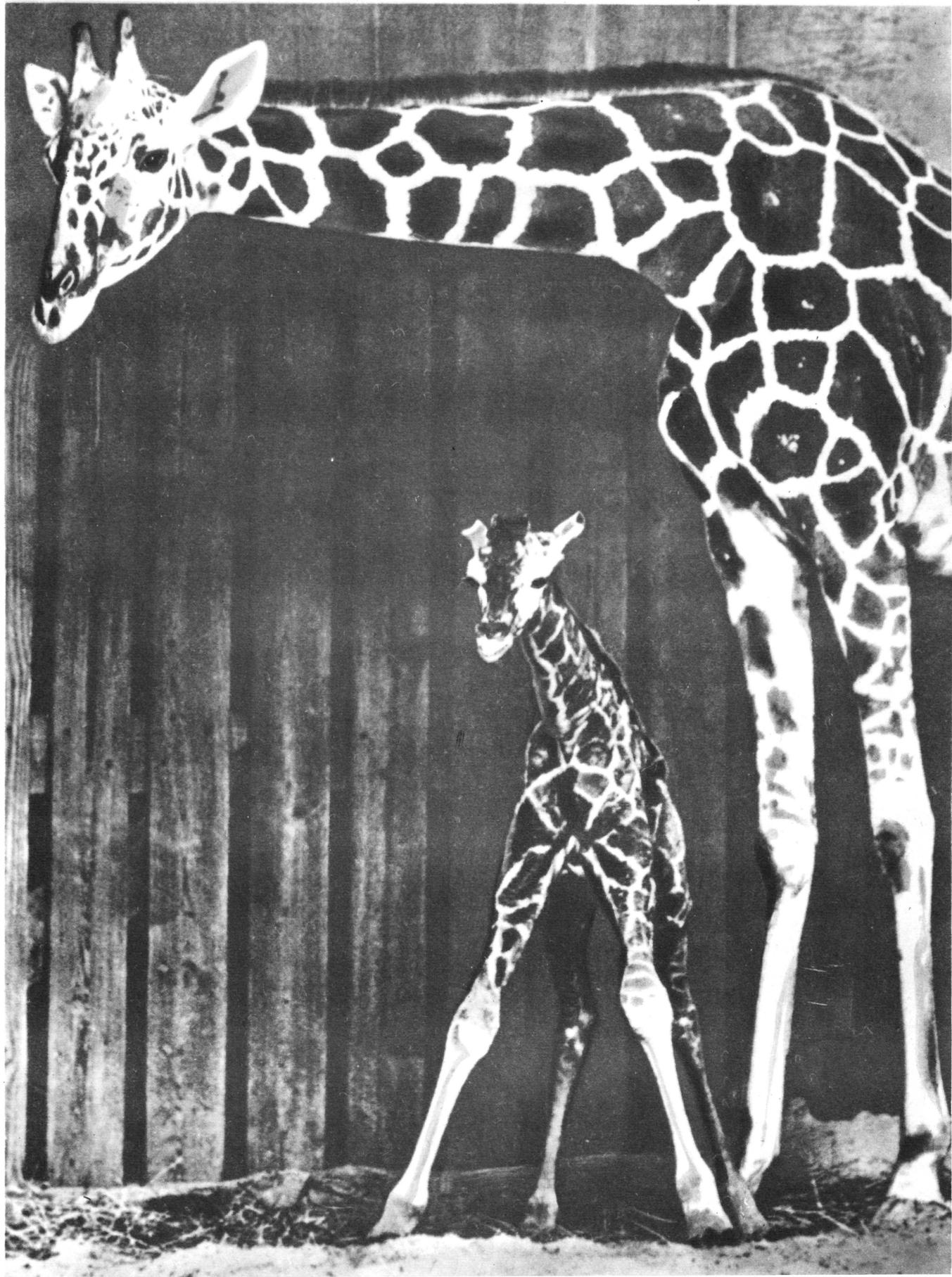
Он стоял и раскачивался. То вперед, то вбок. То вбок, то назад. Он стоял и пытался обидеться (обижаться ведь тоже надо уметь): родная мать, а вот ведь даже ногами не пошевелила, чтобы помочь. Где ему было знать, что в нем с первых минут воспитывали самостоятельность. Где ему было знать, что без этой самостоятельности на белом свете не прожить.

У загона столпилось человек двадцать: тут и ветеринар, и сторожа со всего зоопарка Майами, и корреспонденты. Но никто не кинулся помочь малышу: люди знали, что если они вмешаются, то его мать Секста откажет новорожденному и в молоке и в любви.

Все кончилось прекрасно, жирафенок родился. Сейчас он весит всего 67 килограммов, но не пройдет и года, он подрастет до двух метров, наберет килограммов триста и станет совсем самостоятельным.

Первый шаг к этой самостоятельности он уже сделал.

С. РЕМОВ

Фолклинк

Цена 60 коп.

Индекс 70142

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА
СССР

ЮГОСЛАВИЯ